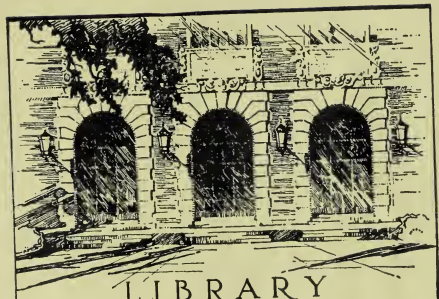
БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Глѣбъ Успенскій

РАЗОРЕНЬЕ

СТАРЬЕВЩИКЪ.—ИДИЛЛІЯ.—ЗАРОКЪ НЕ ПИТЬ.

С. ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНІЕ А. Ѳ. БАЗУНОВА
30. НЕВСКІЙ ПРОСП. 30.
1871



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
891.73
Us6
Or

247

University of
Illinois Library
at Urbana-Champaign
Oak Street

БИБЛІОТЕКА СОВРЕМЕННЫХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

РАЗОРЕНЬЕ

СТАРЬЕВЩИКЪ. — ИДИЛЛІЯ. — ЗАРОКЪ НЕ ПИТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

.....

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Н. Скарятина, Фонарный переулокъ, д. Франка.

1871

891.73
Us6
Or

РАЗОРЕНЬЕ

Digitized by the Internet Archive
in 2018 with funding from
University of Illinois Urbana-Champaign Alternates

https://archive.org/details/razorene00uspe

I.

МИХАИЛЪ ИВАНЫЧЪ.

Не смотря на то, что новыя времена предъявлены нашему городу только винтовой лѣстницей новаго суда и недостроенной желѣзной дорогой, — жить всѣмъ (таковъ говоръ) стало гораздо скучнѣй прежняго, ибо вмѣстѣ съ этими новостями пришло что-то такое, что́ уничтожило прежнюю, весьма пріятную и пѣвучую зѣвоту, — и томитъ и мѣшаетъ. Никогда не было такого обилія скучающихъ людей, какое въ настоящую пору переполняетъ рѣшительно всѣ углы общества, отъ лучшей гостиной въ Дворянской улицѣ до овощной и мелочной лавки Трифонова во Всесвятскомъ переулкѣ. Все это скучаетъ, томится и вообще чувствуетъ себя неловко.

Безъ сомнѣнія, существуетъ большая разница въ формахъ тоски, наполняющей гостиную, и тоскою лавки, — но такъ какъ намъ приходится говорить о послѣдней, то мы должны сказать, что упомянутая лавка и замѣчательна только потому, что служитъ пристанищемъ для тоскующаго населенія глухихъ улицъ. Людямъ, потревоженнымъ отставками, нотаріусами, адвокатами и прочими знаменіями времени, пріятно забыться вблизи хозяина лавки — Трифонова, плотнаго, коренастаго мужика, выбившагося изъ крѣпостныхъ, любящаго толковать о пѣніи и медицинѣ, т. е. о такихъ вещахъ, которыя ни на волосъ не говорятъ о современности. Среди современности господствуетъ дороговизна, неуваженіе къ чину и званію, неумѣніе оцѣнить человѣка заслуженнаго. У Трифонова же идетъ пѣніе басомъ многолѣтій, вареніе микстуръ и цѣлебныхъ травъ, самъ хозяинъ ходитъ босикомъ и необыкновенно спокойно чешетъ желудокъ, въ виду самыхъ разрушительныхъ реформъ. И къ Трифонову идутъ... И когда бы вы ни зашли въ лавочку, вы всегда найдете здѣсь двухъ-трехъ человѣкъ, ропщущихъ на неправды новаго времени...

— Я говорю одно! Иди и ложись въ гробъ! взволнованнымъ голосомъ говоритъ, обнищавшій отъ современности, купецъ. — Нонѣшнее время не по насъ... Потому, нонѣшній порядокъ требуетъ контракту, а контрактъ тя-

нетъ къ нотаріусу, а нотаріусъ призываетъ къ штрафу!.. Намъ этого нельзя... Мы люди простые... Мы желаемъ по душѣ, по чести...

— Желѣзная дорога! Ну, что́ такое желѣзная дорога? говоритъ длинный и сухопарый чиновникъ Печкинъ, въ непромокаемой шинели.—Ну, что́ такое желѣзная дорога! Дорога, дорога... А что́ такое? въ чемъ? почему? Въ какомъ смыслѣ?..

Много приходится Трифонову выслушивать изліяній въ подобномъ родѣ, но все это не составляетъ для него особенной трудности, потому что онъ, собственно говоря, и не слушаетъ, что́ ему толкуютъ, и нуждается въ приходящихъ и тоскующихъ только потому, что ему нужно кому нибудь объяснить и свои размышленія по части пѣнія и врачеванія.

— Ну, хорошо, какъ будто бы отвѣчая купцу, говоритъ онъ, по окончаніи его рѣчи.—Ну, будемъ говорить такъ: совѣтуютъ сшить сапоги изъ бѣлой собаки. Предположимъ такъ, что я возьму и собаку... Но, въ какомъ смыслѣ бѣлая собака можетъ облегчать ломоту?..

И купецъ и чиновникъ, получившіе такой отвѣтъ на свои сѣтованія, никогда не претендуютъ на Трифонова; напротивъ, они весьма довольны этимъ невмѣшательствомъ, ибо имъ, какъ и всякому, пораженному тоскою, хочется отыскать такой уголокъ, гдѣ бы онъ могъ вы-

кричать, занянчить своего нотаріуса, свою желѣзную дорогу безъ помѣхи... И такъ какъ большинство посѣтителей стоитъ именно за это невмѣшательство, и уже привыкло говорить свое, не слушая другъ друга, то всякій, желающій вести настоящіе разговоры, т. е. отвѣчать на вопросы, возражать и т. п., долженъ невольно покоряться общему ходу бесѣды и разговаривать самъ съ собою.

Въ лавкѣ Трифонова бываетъ всего одинъ изъ такихъ посѣтителей, пользующійся особеннымъ невниманіемъ потому во-первыхъ, что званіе его, какъ шатающагося безъ дѣла заводскаго рабочаго, уже само собою уничтожаетъ всякое вниманіе къ нему, среди присутствующихъ въ лавкѣ чиновниковъ и купцовъ, и, во-вторыхъ, потому что, разговоры его тоже не идутъ въ общую колею. И поэтому никто изъ посѣтителей не замѣчаетъ, какъ тощая фигура Михаила Иваныча (такъ зовутъ этого человѣка), весьма похожая на фигуру театральнаго ламповщика, или наклеивателя афишъ, топчется, то около купца, то около чиновника, и сиплымъ голосомъ, въ которомъ слышится чахоточная нота, пытается вступить въ разговоры.

— А-а-а! радостно оскаливаясь, говоритъ Михаилъ Иванычъ купцу, вытягивая впередъ голову и складывая назади руки.—А-а-а!... Не любишь!... А тебѣ хочется по

старинному, съ кулечкомъ къ приказному, черезъ задній ходъ?... Заткнулъ ему въ глотку голову сахару—и грабь?... Нѣтъ, погодишь!.. Нонче вашего брата оболваниваютъ!... Ха-а!... Нонѣ, братъ... погодишь!... Нѣтъ, повертись... Наживи ума...

Кашель прерываетъ его рѣчь, но Михаилъ Иванычъ не жалѣетъ своей груди, и отвѣтивъ купцу, тотчасъ же поворачиваетъ свою вытянутую голову къ чиновнику.

—А-а-а... Прижучили!... хрипитъ онъ... Оччень, очень великолѣпно! Очумѣли съ просонокъ? Дороги чугунной не узнаете?... Хха-а! Я вамъ покажу чугунную дорогу!... Дай обладятъ, я тебѣ представлю, коль скоро можетъ она простаго человѣка въ Петербургъ доставлять... Смахаемъ въ Питеръ къ Максиму Петровичу,—объявимъ вамъ!... Н-нѣтъ, мало! Очень мало... О-охъ бы хорошенько...

— Ну, хорошо... будемъ говорить такъ... раздается басистый голосъ Трифонова, и въ ту же минуту Михаилъ Иванычъ обращаетъ къ нему пристальные, волнующіеся глаза, какими смотритъ голодная собака на кусокъ.—Предположимъ, ежели буду я мѣшать микстуру палкой...

— Палкой?... хватаясь за слово, тоже какъ собака за кусокъ, вскрикиваетъ Михаилъ Иванычъ.—Нѣтъ, пора бросить!... Нонѣ она объ двухъ концахъ стала!... Пора

шваркнуть ее, палку-то!... Д-да! Поразсказать въ Питерѣ—ахнутъ!... Нонѣ она объ двухъ концахъ стала... Да-а!... Позвольте вамъ замѣтить...

При послѣднихъ словахъ Михаилъ Иванычъ энергично трясъ головой, но едва-ли десятая часть его словъ доходила до ушей посѣтителей, слишкомъ плотно заткнутыхъ нотаріусами и желѣзными дорогами... Кромѣ заморенаго, не звучнаго, а какъ-то шумѣвшаго голоса, который уже самъ собою уничтожалъ силу его выраженій,—невмѣшательство посѣтителей было такъ велико, что къ концу вечера Михаилъ Иванычъ принужденъ былъ прибѣгать къ содѣйствію неодушевленныхъ предметовъ.

— Пора простому человѣку дать дыханіе!... надсѣдается онъ передъ кулькомъ съ капустой... Довольно надъ нимъ потѣшаться, разбойничать!... Дайте ходъ!... Что вы-съ?... Докуда вамъ разбойничать,—пора и вамъ охнуть... Нѣтъ, поздоровѣй бы... Дай въ Питеръ, я покажу!...

Кулекъ съ кочнами долго и внимательно выслушивалъ ропотъ Михаила Иваныча на разбойниковъ и грабителей; безмолвно соглашался съ его намѣреніемъ на счетъ Питера и такъ же безмолвно провожалъ его, когда Михаилъ Иванычъ, съ сердцемъ надвинувъ шапку, уходилъ вонъ изъ лавки.

Перебравшись черезъ длинную дровяную площадь, въ

виду которой помѣщается лавка Трифонова, онъ обыкновенно направлялся къ подгородной слободкѣ Яндовищу; иногда пѣшкомъ, а иногда на бѣговыхъ дрожкахъ; миновавъ Яндовище, онъ выѣзжалъ въ поле, на большую уѣздную дорогу; здѣсь, въ трехъ верстахъ отъ города, стояло сельцо Жолтиково, съ чудотворной иконой и разорившимся барчукомъ Уткинымъ, у котораго Михаилъ Иванычъ имѣлъ пристанище въ кухнѣ и исполнялъ разныя порученія: ходилъ къ бабушкѣ барчука съ письмами о деньгахъ, узнавалъ въ городѣ, нѣтъ ли фейерверка, гулянья и проч.

Какъ бы ни страненъ былъ Михаилъ Иванычъ, набрасывающійся на людей, необращающихъ на него ни малѣйшаго вниманія, и объясняющій кулькѣ необходимость хода для простаго человѣка, но его злость на прошлыя времена, среди людей, проклинающихъ времена настоящія, обязываетъ насъ къ болѣе обстоятельному знакомству съ исторіей больной его груди.

И это знакомство тѣмъ легче, что Михаилъ Иванычъ самъ ищетъ человѣка, съ которымъ можно бы было потолковать; неудовлетворенный бесѣдою съ кулькомъ,— онъ прилипаетъ ко всякому, кто хотя мелькомъ взглянетъ на него, кто, хотя отъ нечего дѣлать, задастъ ему

вопросъ, или отвѣтитъ ему. Возвращаясь, напримѣръ, ночью отъ Трифонова въ Жолтиково, онъ зорко выслѣживаетъ, нѣтъ ли гдѣ огонька, и слѣдовательно вопроса и разговора. И гдѣ бы ни мелькнулъ такой огонекъ—въ караулкѣ ли господскаго сада, въ кабачкѣ ли—Михаилъ Иванычъ тотчасъ привертываетъ къ нему свои дрожки и заводитъ бесѣду со всякимъ, кто попадется ему на глаза...

— Да какъ же съ ними, съ чертями, не разругаться! дребезжитъ его заморенный голосъ среди пустыннаго кабака, гдѣ сальный огарокъ освѣщаетъ курчавую голову цѣловальника, покоющагося за стойкой и высокую фигуру угрюмо-пьянаго, пошатывающагося мужика.—Какъ ихъ, бѣсовъ, не лаять, не хаять? продолжаетъ онъ, намекая своими словами на трифоновскихъ посѣтителей.—Ты думаешь, ему это и въ самомъ дѣлѣ чугунка помѣшала?... Ем-му зацарапать нечего въ ла-апу!... Будьте вы покойны!... Ему не дозволяютъ, по нонѣшному времени, разбою,—онъ и скучитъ, какъ песъ... Что такое чугунная дорога?...

Сдѣлавъ нѣсколько торопливыхъ шаговъ, Михаилъ Иванычъ снова близко подходитъ, почти подбѣгаетъ къ угрюмому слушателю и продолжаетъ...

— Купецъ-то вонъ въ гробъ просится,—заройте меня живого!... Эва! новыя порядки вишь ему не по

вкусу... А все потому, что ему съ приказнымъ нельзя оболванивать простого человѣка... И слава Богу! И даже такъ, — что поздоровѣй бы Господь батюшка ихъ хлестанулъ... Очень великолѣпно!.. Потому они заморили, задушили простого человѣка. Черезъ ихнее обиранье простой человѣкъ дуракомъ сталъ... болваномъ...

Говоря такъ, Михаилъ Иванычъ не можетъ остаться на одномъ мѣстѣ. Гнѣвъ заставляетъ его поминутно отходить отъ слушателя и тотчасъ же возвращаться къ нему.

— Почему простой человѣкъ—дуракъ, болванъ? Почему онъ въ жись свою сладкаго куска не ѣдалъ и сапогъ цѣльныхъ не нашивалъ?... Почему онъ за мѣсто этого получалъ по скулѣ?... Потому-што его сапоги-то чужіе носили... Братъ!... Голубчикъ!... У чиновника-то, что чугунку лаетъ, небось вонъ домъ, а на какіе онъ труды нажитъ?... Жалованья ему всего грошъ! Откуда-а? Съ насъ! Съ насъ, христіанская душа! Наше все,—хрусталь!...

Михаилъ Иванычъ любилъ посылать слушателямъ эпитеты въ родѣ «хрусталь», «птичка» и проч., не замѣчая, какъ и на этотъ разъ, что они не совсѣмъ соотвѣтствуютъ тѣмъ лицамъ, къ которымъ относятся. Михаилу Иванычу некогда было разбирать, что пьяный му-

жикъ въ грязи далеко не походитъ, напримѣръ, на хрусталь; ему нужно было говорить, высказываться.

— На наши! Все на наши, братъ!... Купецъ брюхо нажевалъ по какому случаю? По тому случаю, что съ рабочихъ, либо такъ съ мужиковъ лупилъ; у мужика совѣсть, а у купца ее нѣту; вотъ онъ и загребаетъ его когтями-то. Вотъ по какому случаю происходитъ брюхо! Всѣ они домы строили и животы ростили на нашъ счетъ, а нашъ братъ получалъ по скулѣ... И не мало ихъ было!... Охъ и нне-мма-а-ло, каѳедончикъ, было ихъ!... Задушенны мы ими—такъ-ли аккуратно...

Михаилъ Иванычъ, произносящій послѣднія слова съ особенною протяжностію, вдругъ словно вспыхиваетъ и подлетаетъ къ самой бородѣ слушателя.

— Почему я нищій? почти кричитъ онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь и пристально смотря въ лицо мужика.—Скажи ты мнѣ, на какомъ основаніи до тридцати лѣтъ я дожилъ, нѣту у меня ни крова, ни пріюта?... Отвѣчай: имѣю ли я равномѣрную съ благороднымъ человѣкомъ душу?... Говори мнѣ!

Часто случается, что во время этихъ разсужденій Михаила Иваныча, слушатель успѣетъ заснуть, или уйти, но можно сказать навѣрное, что въ пылу гнѣва на прошлыя времена, Михаилъ Иванычъ рѣшительно не замѣчаетъ этого; слушателемъ его можетъ быть курчавый за-

тылокъ спящаго цѣловальника, ползущій по стойкѣ тараканъ — все равно. Теперь уже нужно имѣть только точку опоры для взора; ни вопросовъ, ни отвѣтовъ не требуется; все, что накопилось въ его груди, вырвалось наружу и хлынуло рѣкой.

— Отвѣчай мнѣ, вопрошалъ онъ затылокъ цѣловальника:—на какомъ основаніи обязанъ я быть дубьемъ, ходить ощупкой? Предъ кѣмъ я грѣшенъ, предъ кѣмъ виновенъ? А потому, что я простой человѣкъ! Простого званія! На этомъ основаніи я и виновенъ... Всякому мой хлѣбъ былъ нуженъ! Кабы я ѣлъ свой-то, трудовой хлѣбъ, сполна, значитъ, получалъ бы, что мнѣ слѣдуетъ, я, можетъ быть, человѣкомъ бы былъ... Милашка моя!.. Можетъ быть, и я бы все понималъ, всякую причину, что къ чему... А то, разсуди ты самъ, какъ мнѣ осломъ-дуроломомъ не быть, коли я съ малыхъ денъ нищимъ былъ. Вѣдь мнѣ каши-то съ малыхъ денъ въ ротъ не влетало—дуби-ина! А почему я недостоинъ каши? Почему въ нашей губерніи, коли кашу на столъ, бабъ и ребятъ вонъ? А на томъ основаніи, что она другимъ требуется... Теперича, десятнику потребна корова, онъ къ мужику — изъ каши-то нашей горсточку себѣ... Сотскому требуется телѣга, чтобъ столярная, напримѣръ — онъ опять къ намъ, ужь поболѣ зацѣпляетъ... Старостѣ охота пчелъ держать... головѣ требуется овецъ гуртами го-

нять, чиновниковъ угощать, домъ строить, хоромы—все къ намъ, все изъ нашей каши... А тамъ и надъ головами и надъ старшинами и надъ прочими—еще выше были; тѣ ужь, братъ, на тройкахъ къ намъ залетывали съ бубенцами и все смахивали, что-которое оставалось — ровно пожаромъ... Тѣмъ поболѣ пчелы требовалось, тѣмъ, братецъ ты мой, въ благородствѣ надобно состоять, гулять въ шляпкахъ, въ тряпкахъ! Вотъ оно по какому случаю мы и побиралися и просили у проѣзжающихъ, Христа-ради—и ровно собаки куску радовались!... Вотъ оно почему. Съ эстаго съ голоду-то и родители наши помирали и сиротами мы оставались... Вотъ оно что, другъ ты мой, купидонъ, дубина стоеросовая, рыжій чортъ!

Безмолствующій затылокъ не слышитъ этихъ ругательствъ, и Михаилъ Иванычъ можетъ безпрепятственно срывать на немъ свой гнѣвъ и дѣлиться своими обидами съ мертвой тишиной пустыннаго кабака.

— Вотъ отчего! продолжаетъ онъ.—По тому случаю мы дураки, что прижимка, напримѣръ, обдерка надъ нами была большая напущена! Вотъ чиновникъ-то орётъ... плохо жить стало... а вѣдь этакую дубину мы прокармливали, мы ему, шалаю, сертуки, манишки шили... Я это знаю; я видѣлъ, повѣрьте нашимъ словамъ! Потому я не въ одной деревнѣ претерпѣлъ отъ этого разбою, я и въ городѣ его видѣлъ... Городской разбой пуще деревенскаго

былъ... Тутъ простому человѣку совсѣмъ дыханія не было... Привела меня тетка въ городъ, нашлись добрые люди—мѣщане, взяли мемя жить къ себѣ. Дѣвушка была у нихъ одна,—что за умница! Грамотѣ меня стала обучать, и можетъ, Господь бы далъ, въ люди бы я вышелъ, человѣкомъ бы былъ (при этихъ словахъ Михаилъ Иванычъ съ особенною силою ударилъ себя въ грудь, нагибаясь надъ соннымъ слушателемъ). Человѣкомъ бы-ы! Такъ вѣдь нѣтъ! Не дали! Словно они дожидались меня, сироту, потому только было я въ тепло-то къ мѣщанину попалъ, а ужь изъ кварталу бѣжитъ скороходъ. «А гдѣ здѣсь заблуждающій мальчишка?... А что? А то—пожалуйте его въ часть». А зачѣмъ? Что я преступилъ? А то, что солдату трубочки надо покурить, водочки хлебнуть, вотъ онъ и волочетъ меня въ кварталъ, потому, знаетъ, придутъ, выкупятъ... Да еще что-о! Везетъ меня въ фарталъ-то на извощикѣ, да и съ извощика-то колупнетъ: «Гдѣ билетъ? Былъ у исповѣди, у причастія?» Да не на одномъ извощикѣ-то везетъ, а норовитъ отъ биржи до биржи, по закону, и со всѣхъ получитъ на свое прожитіе; потому, всѣмъ имъ, окромѣ мужика, не съ кого взять; безъ мужика-то имъ нечего старшому дать, а старшому тоже вѣдь надыть помазать квартальнаго, а квартальному частнаго... всѣ на нашъ счетъ; доброму человѣку дня было не изжить. Вонъ мѣщанинъ-то мнѣ пользу хотѣлъ сдѣ-

лать, добро—такъ они на него набросились, какъ скорпіи! Придетъ выкупать меня изъ части—всѣхъ одѣлитъ—опять меня везутъ тѣмъ же порядкомъ на извощикѣ, а черезъ двое сутокъ опять: «Гдѣ заблуждающій малютка..? Мѣщанина-то раззорили, другъ ты мой, меня-то по извощикамъ истрепали ровно щепку... Подлая тварь! Пойми!.. Вотъ по какому случаю я чиновника-то нонѣ у Трифонова оборвалъ... Можетъ, потому я и мучаюсь, что требовался ему каменный домъ, либо хомутъ новый—и онъ меня въ кварталѣ томилъ и мѣщанина раззорялъ... У-у! чтобъ вамъ!... А мало ихъ было, охотниковъ-то трубочки покурить, сладкаго кусочка пососать?.. Города строили! Что вы? Сдѣлайте милость! Съ чего нашему городу быть?... Кабы бабы наши кашей лакомились, небось бы, не оченно-то много эдакъ-то народу къ осьмому часу къ кіатру разлетались на жеребцахъ... Н-нѣтъ, братъ!.. Н-не-очень! а то... Эй, кричитъ, задавлю, мужикъ! Берегись, молъ, эво-ли заг-гибаютъ! Не знаютъ, на какой манеръ сытость свою разыграть—а нашъ братъ нищій и чумовой ходитъ!.. Я, братъ, видѣлъ, какъ изъ кварталу меня господа чиновники Черемухины вынули на прокормленіе; тутъ я увѣдомился, сколь они съ чужихъ денегъ ошалѣли: пиры да банкеты да кувырканья — весь и сказъ!.. Голодны они—мужикъ, простой человѣкъ, терпитъ, даетъ имъ кормъ, а накормитъ онъ ихъ — опять

тоже ему вредъ и отъ эфтаго... Теперьче, посуди, жилъ я у мѣщанина, жена у него померла; осталось у него три дочки... То-есть, я тебѣ говорю, дѣвушки!... Что же, братъ? Выбѣгутъ это на улицу погулять, анъ ужь тутъ съ сытыми утробами погуливаютъ разные народы... Вотъ и колесятъ.—«Мы васъ замужъ возьмемъ, благородныя будете...» А тѣмъ и любо... Потому, благородными превосходнѣе быть, не чѣмъ этакъ-то, какъ они, по ночамъ иглой точать, слѣпнуть... Ну—и... Теперь вонъ на! поди! глянь!... ровно тряпки по лужамъ валяются... Полюбопытствуй—поди!.. Можетъ, теперь бы у меня такая-ли супруга-пособница была, колибъ не сытость-то эта краденая. Я почесть полгода дорывался, чтобъ она на меня, на чумарзаго, взглянула; да по ночамъ ворочалъ на заводѣ, въ огнѣ да въ пламени, чтобъ мнѣ лишній рубъ достать, ей купить жамочку, значитъ, конька полакомиться... А чиновникъ-то налетѣлъ съ мадерой, да съ гитарой, да съ шолковымъ платкомъ—анъ и взялъ!.. И шишь подъ носъ! Нашъ братъ ободранный человѣкъ—пѣсню-то поетъ ровно рѣжетъ ножомъ, потому, голосъ-то нашъ въ огнѣ перекипѣлъ, а тотъ запоетъ пѣсенку любо-два—ай-люли! Потому, въ огнѣ онъ не горѣлъ, а больше нашего брата душилъ... И бѣлъ онъ, и мадера, и на гитарѣ, примѣрно... А нашего брата по скулѣ! Онъ вонъ шваркнулъ ее, Аннушку-то, разорвалъ ее словно собака тряпку завалящую,

да и побегъ къ осьмому часу къ кіатру, а нашъ братъ только жилы свои въ работѣ изсушилъ попусту, потому намъ ее ужь взять нельзя... Аннушку-то, намъ невозможно этого—ужь она набалована... Ей ужь дай платочикъ шолковый... Онъ шолковый-то платокъ и нашему брату подходитъ къ лицу, да намъ объ этомъ надо бросить думать... вотъ! Потому, мы обязаны быть дураками, ошалѣлыми, коркой дорожить, по собачьи жить... Потому, нашъ хлѣбъ другимъ надобился... Слышишь, рыжая ты шельма! Другіе нашъ хлѣбъ ѣли, бѣшеная ты собака!..

— Вонъ! внезапно поднимаясь во весь ростъ, гремитъ громадная фигура цѣловальника, сообразившаго, что причиною нѣкотораго безпокойства, испытываемаго имъ во снѣ, было непрестанное разглагольствованіе Михаила Иваныча. У-дди! У-убью...

Перепуганный сжатыми кулаками и вытаращенными глазами цѣловальника, Михаилъ Иванычъ пятится въ двери, зажимая рукою ротъ, чтобы разсвирѣпѣвшимъ кашлемъ еще болѣе не разсердить врага, и такъ-какъ врагъ въ скоромъ времени высказываетъ намѣреніе броситься къ нему изъ-за стойки, то Михаилъ Иванычъ и исчезаетъ вонъ изъ кабака. Спустя минуту дрожки его дребезжатъ среди темной дороги къ Жолтикову. Но необходимость высказаться не прекращается краснорѣчивымъ внушеніемъ цѣловальника насчетъ молчанія; Михаилъ

Иванычъ снова ищетъ слушателя, огонька, и снова, завидѣвъ его, погоняетъ свою лошадь; и вездѣ, куда бы онъ не привернулъ свою лошадь, — въ караулку ли при господскомъ саду, на мельницу, къ постоялому двору, — вездѣ слышится его чахоточная рѣчь.

— И очень великолѣпно, коли кого изъ этихъ грабителей чѣмъ-нибудь да припрутъ! Радъ я! Душевно. Одна мнѣ и утѣха, что на это поглядѣть. Потому ошалѣли мы отъ нихъ, дураками и нищими стали... Въ прежнее время чиновникъ-то трифоновскій, онъ бы меня въ гробъ вогналъ ни зачто... А теперча, погодишь!.. И слава-Богу!.. Теперча еще и простой человѣкъ съ ними, пожалуй, потягается... Да-а!...

И затѣмъ, въ подтвержденіе своихъ словъ о господствѣ въ старое время прижимки надъ простымъ человѣкомъ, Михаилъ Иванычъ приводилъ множество фактовъ изъ своей біографіи. И дѣйствительно, фактовъ этихъ перебывало на его спинѣ достаточное количество, потому что, въ качествѣ сироты и простого человѣка, онъ отвѣдалъ прижимку и въ деревнѣ, и въ городѣ, гдѣ жилъ у мѣщанина, изнывалъ въ кварталѣ, побирался, и пр. — наконецъ, въ казенномъ заводѣ, въ качествѣ рабочаго. Результатомъ этой прижимки, по объясненію Михаила Иваныча, было одуреніе и обнищаніе простаго человѣка, что́ и можно видѣть на нашемъ рабочемъ, на

нашемъ простомъ мужикѣ, представляющихъ образцы глупости и тупоумія... Если самъ Михаилъ Иванычъ ушелъ отъ этого тупоумія и умѣетъ разсуждать о прижимкѣ, то этому есть особенная причина, о которой Михаилъ Иванычъ разсказываетъ не съ злостью и негодованіемъ, волнующими его при воспоминаніи о прошломъ, а съ какою-то необыкновенною тщательностью и стараніемъ...

— А потому, говоритъ онъ, разъясняя этотъ вопросъ: — что я имѣю просіяніе моего ума!.. Вотъ-съ на какомъ основаніи я всю эту разбойничью механику понимаю и чувствую—и злюсь... Простой мужикъ дѣлается отъ этого балбесомъ, но я, по моему понятію, получаю чахотку... Вотъ-съ на какомъ основаніи. Въ теченіе времени моей жизни, встрѣтилъ я человѣка, который по щекѣ меня не билъ, но внѣдрилъ въ мою душу понятіе...

Михаилъ Иванычъ любилъ поняньчиться съ этимъ воспоминаніемъ изъ своей несчастной жизни и говорилъ, не спѣша, останавливаясь...

— Ну, въ то же самое время, продолжалъ онъ:—надо сказать такъ, что и этотъ человѣкъ, благодѣтель мой, въ первоначальное время нашего знакомства, тоже по щекѣ меня щелконулъ довольно благополучно... для собственной моей пользы.... Именно-съ, для пользы, по той причинѣ, что нашъ братъ простой человѣкъ, столь отъ

разныхъ народовъ за все, про все наскуленъ, что и пользу, ежели хочешь ему сдѣлать, то и въ ту пору безъ рукопашья не обойдешься... По этому случаю, благодѣтель мой Максимъ Петровичъ, въ достаточной степени меня съ печи за волосья сгромыхнулъ въ первоначальное время знакомства... Такое было дѣло... Докладывалъ я вамъ, что изъ части, когда мѣщанинъ померъ, взяли меня на прокормленіе чиновники Черемухины. Бывши въ побирушкахъ, въ нищихъ, съ холоду, да съ голоду, да съ кварталу, очень мало я въ ту пору на человѣка сходствовалъ. Потому что живши въ кварталѣ, коротко и ясно можно потерять человѣческій ликъ и получить собачью манеру. По этому случаю, когда меня ввели въ черемухинскую кухню, то сталъ я хватать съѣстное, напримѣръ, съѣдобное. Сталъ рвать, набросился. Кухарка назвала меня въ ту пору «волчій ротъ». И такъ я набрасывался, такъ набрасывался, до забвенія доходилъ. Отъѣдался, отъѣдался я тутъ быстро, поспѣшно; вся прислуга у нихъ очень торопливо отъѣдалась и щеки нагуливала, потому мужики всего натащутъ, не жалко,—ѣшь! Хорошо. Какъ только привыкъ я къ сладкому куску, сталъ я свою бѣдность вспоминать, и стало мнѣ страшно: ну-ко, да выгонятъ отсюда—что тогда? Страшна мнѣ корка собачья показалась... Сталъ я объ себѣ думать... И дѣлаю такое замѣчаніе, что у всѣхъ наро-

довъ идетъ грабежъ. Кухарка и кучеръ съ мужиковъ, баринъ и барыня — съ мужиковъ, все—повсюду — повсемѣстно идетъ ограбленіе человѣческое... Думаю: мужикъ мнѣ не дастъ, съ кого мнѣ?.. Думалъ-думалъ, затруднялся въ мысляхъ, глядь — бѣжитъ ко мнѣ на печку барчукъ махонькой, черемухинскій сынокъ, — «скажи сказочку...» Изволь. Сказалъ. Онъ и повадился ко мнѣ на печку шататься сказки слушать. «Э, думаю, другъ-пріятель; надо быть, тебѣ въ хоромахъ хвостъ-отъ присѣкаютъ, что ты во мнѣ—въ мужикѣ—получаешь нужду...» Подумалъ такъ-то. Бѣжитъ барчукъ. «скажи сказку».. «Дай копѣйку!» Эдакъ-то рѣзанулъ. «Дашь — скажу, нѣтъ — не будетъ разсказу... Я и то, молъ, языкъ весь отколотилъ, разсказываючи тебѣ». Припугнулъ его такимъ манеромъ и сталъ онъ мнѣ пятачки да грошики таскать и сталъ я ихъ попрятывать... И такъ было ловко научился я поколупывать съ него, такъ-то-ли пристально въ разбойники приготовлялся, анъ тутъ-то и подвернись ко мнѣ человѣкъ... Максимъ Петровичъ... семинаристикъ, племянникъ Черемухинскій. Часто онъ къ намъ въ кухню хаживалъ, дожидался, пока дяденька, самъ Черемухинъ-то, проснутся, — полтинничекъ у него попросить... Когда тверезъ — тихій такой... «На сапоги, говоритъ»... А Черемухинъ: «То-то, говоритъ, на сапоги!...» И сердито на него смотритъ, а тотъ боится. Это

когда тверезъ. Ну, а коли ежели да пьянъ, такъ ужь тутъ никакого страху для него нѣту... Тутъ ужь онъ кричитъ, бунтуетъ... И дяденьку-то, такъ-то-ли поливаетъ... «Взяточники, разбойники... Докуда вы разбойничать будете... Провались вы и съ полтинниками...» Разъ зимой скинулъ съ себя полушубокъ и шваркнулъ его объ земь. «Подавитесь вы имъ!...» и ушелъ... Бывало такъ, что и стекла онъ выбивалъ въ дому и ворота исписывалъ ругательскими словами. Вотъ я на этого человѣка и наскочилъ... Отъ него я и получилъ вдохновеніе, напримѣръ. То-есть, сначала-то онъ меня за виски отворочалъ, а потомъ ужь объяснилъ мнѣ существо... Лежу я съ барчукомъ на печкѣ и дѣлаю съ нимъ подлый поступокъ: продаю ему кошелекъ, а въ обмѣнъ требую съ него серебряную цѣпочку... Кошельку цѣна копѣйка, а цѣпочка стоитъ пять серебромъ. Желаю я ее получить. Барчукъ ничего не смыслитъ, взялъ да и помѣнялся, а потомъ разсмотрѣлъ—въ слезы... «Отдай!» плачетъ. А я ему: «нѣтъ говорю, не отдамъ, потому что ты видѣлъ, что покупалъ. Назадъ не ворочаютъ. Гдѣ у тебя глаза были?...» По базарному поступаю... Максимъ Петровичъ пьяный сидѣлъ,— сидѣлъ, слушалъ, слушалъ да шарахъ меня за волосы съ печи... «Мошенникъ! воръ!... Съ какихъ лѣтъ мошенничаешь!... И безъ тебя много мошенниковъ!...» Да за ухо... за ухо... Тутъ онъ меня щекотурилъ... Цѣпочку отнялъ,

шваркнулъ: «краденную воруешь!...» Съ этого дня сталъ я его бояться... Страхъ почувствовалъ; боюсь встрѣтиться; анъ разъ несу водку господамъ изъ конторы, онъ— и валитъ, съ пріятелями пья-а-аный. «Что такое? Стой! Куда? Водка!... Неси къ намъ... Тамъ братъ (у дяди-то) за другой бочкой пошлютъ... Тамъ есть на что выпить...» Тутъ они меня поволокли въ свою квартиру — бѣдность непокрытая, тараканы... Я сижу, боюсь:—«Чего ты? Халуй! Рабъ!... Съ какихъ лѣтъ мошенничаешь!...» Поругали вторительно, а потомъ сжалились. «Поди сюда», говоритъ Максимъ Петровичъ. «Ты зачѣмъ мошенничаешь? Жить надо? Такъ нешто грабежомъ-то хорошо будетъ?.. Давайте книжку, я его обучу... Какъ ты думаешь, грамота лучше грабежу?...» И сейчасъ сталъ меня учить. Тутъ я ничего не понялъ, потому пьяные они были; а мало-мало погодя и самъ къ нимъ пошелъ... «Обучите», говорю. Тамъ ихъ много кутейниковъ-то было: кто слово покажетъ, кто такъ что-нибудь... Я и нахватался и не умѣю вамъ сказать какимъ манеромъ, только что сталъ я тутъ понимать, почему это нашъ братъ въ дырахъ, въ лаптяхъ, напримѣръ. И въ первый разъ въ голову мнѣ влетѣло: «за что же, молъ, этакъ-то»... Разговоры ли ихніе, Максимъ Петровича, или грамота, ужь вѣрно не могу объяснить, а что страсть сколько я разбойниковъ вдругъ увидалъ... И можетъ, Господь мнѣ и

больше понятія бы далъ, только что пошло вдругъ во всемъ разстройство... Съ войны это разстройство пошло... Цѣлые дни, бывало, стоишь на улицѣ, смотришь какъ везутъ на войну пушки да сабли. «Эдакіе, дивовался народъ, на человѣка страсти припасены»... Пошли тутъ наборы, мужики, бабы ревутъ, голосьба по всему городу; у Черемухиныхъ идетъ огребанье невиданное, пьянство, жранье—Боже мой!... «Господи!» помню, жена Черемухина плачется: «когда это все кончится!...» Анъ скоро и кончилось... Прошла война, налетѣли ревизоры, всѣхъ взяточниковъ повязали... Тутъ пошло швырянье — упаси Богъ... Одинъ воръ, другой ополченцамъ сапоги на кардонной подошвѣ дѣлалъ, третій въ рекруты забривалъ безъ закону... Стали кидать, швырять подлецами: одинъ внизъ, другой вверхъ, третій торчмя головой... Черемухина выгнали въ другую губерню. Максимъ Петровичъ такъ-то-ли поспѣшно въ Питеръ ускакалъ. «Прощай, говоритъ, помни. Выпишу». Однако же, не выписалъ. Сталъ я у Птицыныхъ жить, у генераловъ,—и тамъ пошло все врозь. Всѣ сыновья ворами оказались. Плачь идетъ между грабителями. Поглядѣлъ, поглядѣлъ я — вижу, не до меня имъ, надѣлъ картузъ, пошелъ своего хлѣба искать. Въ ту пору на казенный заводъ стали принимать людей со стороны, не казенныхъ стало быть,—я и попалъ въ заводъ... Въ лѣсу страшно, когда ежели громъ да

молонья, а тутъ въ заводѣ еще страшнѣй. Потому въ лѣсу— дѣло божье, непонятное, тамъ страхъ беретъ, а тутъ злость, потому видишь, изъ-за чего громъ-то идетъ, изъ-за чего молота молотятъ, ножницы разѣваются, и нашъ простой человѣкъ не доѣстъ не допьетъ, а въ огнѣ горитъ... Пить бы надо — слабъ; не могъ, а все больше злился, потому, которыя я получилъ отъ Максима Петровича мысли, то никакимъ родомъ онѣ у меня изъ головы не выходили. Злился, злился я; бѣсился, бѣсился, да однова подгулялъ и махнулъ въ арендателя камнемъ... Спасибо, скрось колесо камень прошолъ, а то-бъ въ каторгѣ быть. Да еще то облегчило, что ночью дѣло было, не могли вызнать кто такой, такъ что собственно по подозрѣнію шесть мѣсяцевъ высидѣлъ... Вышелъ изъ заключенія, вижу—вездѣ я бунтовщикомъ оказываюсь, никто не беретъ и на частныя мастерскія не допущаютъ... Остался я одинъ, на кого надежда? Окромѣ Максима Петровича кто-жь мнѣ защитникъ? Дай обладятъ чугунку... Я на него надѣюсь... Нонче, братъ, и имъ тоже очень мало готовыхъ кусковъ, не то время идетъ. И радъ я, коли ежели кого изъ нихъ припрутъ, радъ... Купецъ-то вонъ: охъ-хо... Хорошо! Отлично!

Михаилъ Иванычъ, извѣстный давно на заводѣ за строптиваго и непокорнаго человѣка, послѣдней своей

исторіей съ камнемъ и арендаторомъ, окончательно повредилъ себѣ; такъ-какъ всѣ частные заводчики смотрѣли на ропотъ его не иначе, какъ на бунтъ, то Михаилъ Иванычъ, выгнанный съ завода, остался буквально безъ куска хлѣба, ибо его нигдѣ не принимали. Въ эту пору его можно было встрѣтить въ небольшихъ подгородныхъ деревенькахъ, гдѣ онъ писалъ бабамъ письма и прошенія, получая за работу яйцо, кусокъ хлѣба. Письма выходили такого рода: «Честь имѣю извѣстить васъ, единоутробная дочь наша Авдотья Андреевна, что мы, родители ваши, съ маіа мѣсяца сего ... года, состоимъ безъ куска хлѣба, и почтительнѣйше увѣдомляемъ васъ, что подаянія отъ мироваго посредника съ сего ... мѣсяца настоящаго сего года — прекращены и т. д.». Извѣщая о деревенскихъ новостяхъ, Михаилъ Иванычъ всегда умѣлъ среди неурожаевъ и подаяній вставить нѣкоторыя фразы, обрѣтавшіяся въ фондѣ его образованія и просіянія. Но такой работы было мало. Работы мужицкой—косьбы онъ исполнять не могъ, у него болѣли ноги отъ стоячей заводской работы, и поэтому долгое время пробавлялся чѣмъ могъ: ловилъ рыбу, засыпалъ гдѣ нибудь въ гуртовщичьемъ сараѣ, откуда его выхлестывали длинные гуртовщичьи кнуты и т. д. Среди этой нищеты и одиночества, въ головѣ Михаила Иваныча воскресло

воспоминаніе о Максимѣ Петровичѣ, и больная душа его тотчасъ же наполнилась какою-то неопредѣленною надеждою на его помощь, а больная, забитая голова довела эту фантастическую надежду до громадныхъ размѣровъ. Большіе, быстрые глаза голоднаго Михаила Иваныча и его фразы на счетъ этихъ надеждъ, на счетъ чугунки и Петербурга,—весьма разсмѣшили юнаго потомка господъ Уткиныхъ, когда тотъ однажды вечеркомъ, проѣзжая по дорогѣ на старой, громадной и худой лошади, случайно наѣхалъ на Михаила Иваныча, лежавшаго въ канавѣ и бормотавшаго:

— Нѣтъ, братъ, не то время... Дай чугунку обладятъ...

О барчукѣ Уткинѣ намъ покуда надо знать только то, что денегъ у него не было; что жилъ онъ въ имѣніи, подлежащемъ описи; думая, во-первыхъ, основательно заняться подготовленіемъ къ практической дѣятельности, онъ въ то же время неменѣе основательно думалъ и овладѣть прикащичьей дочерью, и проч. и проч., и всѣ эти вопросы разрѣшалъ внезапнымъ выстрѣломъ изъ ружья въ глубинѣ отцовскаго сада, разговоромъ съ пріѣзжимъ изъ города гостемъ о современныхъ вопросахъ, которые прерывались тотчасъ по появленіи гдѣ-нибудь вблизи деревенской бабы; поѣздкой въ городъ на гулянье

и проч. Изъ всего этого слѣдуетъ, что барчукъ скучалъ, и среди скуки, лежащій въ канавѣ Михаилъ Иванычъ могъ обратить на себя его вниманіе.

— Вы кто такой? спросилъ барчукъ, когда Михаилъ Иванычъ выскочилъ изъ канавы.

— Отставной рабочій... съ заводу-съ... Выгнанъ за бунты.

— За что?

— За бунтованія... Потому, что я бунтовался, производилъ, напримѣръ, возмущенія... мятежи...

Это было до того любопытно, что Уткинъ тотчасъ же нашелъ нужнымъ сдѣлать полезное дѣло, пріютить Михаила Иваныча, тѣмъ болѣе, что это дѣло не стоитъ ни копейки. Михаилъ Иванычъ поселился въ кухнѣ и въ короткое время пошелъ у всѣхъ за большого чудака. Не одинъ барчукъ смѣялся всякій разъ, когда изъ устъ его выходили слова въ родѣ «прижимка», «къ осьмому часу», «увѣдомился» и проч. Причины этому были его рваные локти, поставленные рядомъ съ Петербургомъ и чугункой. Въ сущности же, Михаилъ Иванычъ былъ человѣкъ, потерпѣвшій отъ отечественной прижимки въ тысячу разъ болѣе другихъ, вслѣдствіе того несчастія, которое онъ опредѣлялъ словомъ «просіяніе ума»; человѣкъ, которому осталась одна утѣха — созерцать мученія людей, привыкшихъ жить на чужой счетъ.

И если согласиться съ тѣмъ, что такіе люди были; что благодаря прижимкѣ, воздѣланной ихъ руками, росли цѣлыя поколѣнія, — то Михаилу Иванычу предстоитъ большая потѣха.

II.

Въ ожиданіи чугунки.

Исполняя нѣкоторыя порученія барчука, Михаилъ Иванычъ хотя и не ѣлъ даромъ господскаго хлѣба, но и не былъ особенно заваленъ работой, такъ что, помимо поѣздокъ въ городъ по порученіямъ, у него оставалось еще достаточно времени, чтобы отдохнуть, отдышаться на свѣжемъ воздухѣ. И въ Жолтиковѣ была къ этому всякая возможность. Стоитъ оно на высокомъ холмѣ, окруженное лѣсами, оврагами, лугами. Заморенный городомъ, Михаилъ Иванычъ благоговѣетъ передъ природой, какъ не можетъ благоговѣть деревенскій житель; гроза здѣсь не то, что въ городѣ, въ рабочей слободѣ. Тамъ громъ колотитъ въ крышу, шатаетъ печную трубу, за которую нужно платить печнику; результаты ея — грязь по ко-

лѣно и лужи, по которымъ люди ходятъ съ проклятіями. Въ деревнѣ это явленіе принимало другой видъ, и Михаилъ Иванычъ могъ опредѣлить его только словами «премудрость», «благодать»... Собаки деревенскія, караулящія отъ лихихъ людей, тоже возвышали, по его понятію, деревню передъ городомъ, гдѣ ту же должность исполняли будочники, сворачивающіе скулы...

— Собачка, говорилъ онъ: — она умница; я съ ней могу поиграть, а съ хожалымъ у меня игра слабая...

Густой старинный садъ, весь изрѣзанный заростающими дорожками, также манитъ Михаила Иваныча; по цѣлымъ часамъ онъ бродитъ въ этихъ заброшенныхъ аллеяхъ, слушая птицу, шумъ засѣки, а иногда и засыпаетъ сидя на подгнившей блѣдно-зеленой лавкѣ... Но озлобленная прижимкой душа Михаила Иваныча не могла долго быть покойной, тѣмъ болѣе, что на каждомъ шагу попадались вещи, гдѣ Михаилу Иванычу выглядывалъ чужой трудъ, потраченный безъ толку...

— Михаилъ Иванычъ! говоритъ барчукъ, торопливо проходя мимо него, по саду, чтобы ошарашить изъ ружья галку. — Такъ увѣдомились?..

— Я довольно аккуратно въ жизни своей увѣдомился, какъ простому человѣку... начинаетъ Михаилъ Иванычъ вслѣдъ барчуку; но въ этотъ моментъ раздается

оглушительный выстрѣлъ, крикъ разлетающихся галокъ и лай собакъ...

— Эхъ, ума-то нагулялъ! иронически шепчетъ Михаилъ Иванычъ, качая головою. — Сколько чай хребтовъ на эдакую-то тетерю пошло... Прокъ!..

— Были у Синицына?.. возвращаясь съ убитой галкой, спрашиваетъ барчукъ.

— Былъ-съ.

Михаилъ Иванычъ говоритъ съ сердцемъ, но старается скрыть это.

— Аффишъ не было-съ, разобраны... продолжаетъ онъ.

— Что-жь въ городѣ?

— На столбу объявлено воздухоплаваніе слона... въ ермитажѣ... Рубъ за входъ.

— Чортъ знаетъ, что̀ такое!

— Во всѣхъ Европахъ одобряли монархи, прибавляетъ Михаилъ Иванычъ, не скрывая сердца, и какъ бы говоря въ то же время: «сто̀ишь ли ты слона-то смотрѣть».

По уходѣ барчука, на травѣ остается мертвая птица. Михаилъ Иванычъ смотритъ на нее и говоритъ:

— Вотъ это господское дѣло!.. Хлопнулъ, и пошелъ. А ружье кто ему выработалъ?

Достаточно такого случая, чтобы всѣ соображенія

Михаила Иваныча объ участи простаго человѣка поднялись цѣлымъ роемъ; черезъ пять минутъ, по уходѣ барчука, его уже можно встрѣтить въ кабакѣ передъ цѣловальникомъ.

— Не безпокой!.. Оставь меня! умоляетъ цѣловальникъ, съ трудомъ приподнимая тяжелую голову, покойно лежавшую на локтяхъ. — Не абезпокоивай меня.

— До ку-уда-а? надсѣдается Михаилъ Иванычъ. — Докуда бѣдному человѣку разутымъ ходить? Что на него работали, сколько денегъ на него дуромъ пошло?..

— Михайло! вскрикиваетъ цѣловальникъ. — Какія мои слова?

— Ха, ха, ха! грохочутъ черезъ нѣсколько минутъ на мельницѣ... Кормили поили яво, а онъ въ галку.

— Д-да-а! братъ!.. Кричитъ. Кабы ежели бы онъ отдалъ...

— Держи карманъ! Отдалъ!.. Хо, хо, хо...

У Михаила Иваныча такъ много накипѣло въ груди, что никакой слушатель не въ состояніи выслушать всего, что онъ желаетъ сказать. Это обстоятельство служитъ причиной, что всѣ считаютъ его чудакомъ, который почему-то злится, толкуя о какой-то галкѣ, или о ружьѣ. Съ другой стороны, постоянная насмѣшка всѣхъ, отъ барчука до прикащика, и отсутствіе достаточно внимательныхъ слушателей, заставляетъ его чувствовать себя

совершенно одинокимъ, покинутымъ. Михаилъ Иванычъ, у котораго на умѣ, что, съ открытіемъ чугунки, ему совершенно необходимо съѣздить въ Петербургъ, вдругъ начинаетъ безпокоиться, что чугунка ужь открыта и ушла безъ него. Въ такомъ случаѣ, еслибы у него и не было порученій отъ барчука, онъ выпрашивалъ бѣговыя дрожки и ѣхалъ въ городъ.

Часу въ восьмомъ утра дрожки его торопливо мелькаютъ по березовой аллеѣ, пролегающей мимо церкви и поповскихъ домовъ. Михаилъ Иванычъ, подкрѣпленный свѣжестью и блескомъ лѣтняго утра, весело похлестываетъ лошадь и весело смотритъ впередъ, не обращая вниманія на то, что какой-то краснобай кричитъ ему:

— Ушла!.. Въ ночь ушла!.. ха, ха, ха!

Эта насмѣшка заставляетъ его еще поспѣшнѣй добраться до холма, съ высоты котораго открывается видъ на городъ, изобилующій золотыми крестами, красными и зелеными крышами. Картина эта не останавливаетъ его вниманія, — онъ смотритъ лѣвѣй, гдѣ видна желтоватая насыпь дороги, недостроенный вокзалъ и толпы людей съ тачками...

— А вѣдь, пожалуй, и ушла! думаетъ онъ и быстро подкатываетъ къ вокзалу.

— Что, ребята, не ушла машина? адресуется онъ къ рабочимъ на лѣсахъ.

— Нѣтъ еще!..

— Ай не обладили?

— Облаживаемъ.

— Ладьте, ребята!.. Ладьте, матушки... Проворнѣй...

— Такъ-какъ Михаилу Иванычу всегда остается очень много времени, то онъ позволяетъ себѣ шажкомъ объѣхать вокзалъ, оглядываетъ его и говоритъ:

— Тутъ ума надо!..

— По три сажени дровъ жретъ съ маху! кричатъ рабочіе съ лѣсовъ, стуча топорами и шурша щекотуркою.

— Стóитъ! Стóитъ этакой шутовкѣ и поболѣ!.. съ увлеченіемъ говоритъ Михаилъ Иванычъ и въ заключеніе прибавляетъ:

— Ну, ладься... Облаживайте, ребята. Старайтесь, чтобъ ошибки какой не было...

Путь лежитъ въ городъ черезъ слободку Яндовище, гдѣ у Михаила Иваныча между рабочимъ народомъ много знакомыхъ, такъ-какъ здѣсь онъ самъ живалъ долгое время. При въѣздѣ въ улицу, начинающуюся кузней, лицо Михаила Иваныча теряетъ то оживленіе, которое придало ему утро и чугунка; лошадь, которую онъ начинаетъ называть «горькая», «мертвая»,—идетъ тихо; Михаилъ Иванычъ ѣдетъ по тому царству прижимки, отъ которой единственное спасеніе,—Максимъ Петровичъ; ибо ни въ этихъ

домишкахъ, осѣвшихъ назадъ, во время приколачиванія къ нимъ нумера, ни въ этихъ трубахъ, похожихъ на рѣшето, ни въ этихъ воротахъ, слѣпленныхъ изъ дощечекъ, — рѣшительно не усматривается того, по поводу чего Михаилъ Иванычъ могъ бы сказать: «не то время!» какъ это онъ говоритъ при видѣ доживающаго произвола...

— Ваня! грустно сказалъ Михаилъ Иванычъ, останавливаясь у одной кузни, лѣпившейся рядомъ съ крошечнымъ дворикомъ.

Высокій, черный и худой человѣкъ, стоявшій въ глубинѣ кузни у пылающаго горна, только обернулся на эти слова, вытаращенными глазами и не сказалъ ни слова.

— Ванюша! повторилъ Михаилъ Иванычъ, привязавъ лошадь и входя въ кузню.—Что-о? Здорово! Обмякли дѣла?..

Вмѣсто отвѣта, Ваня сердито и торопливо засунулъ желѣзо въ горнъ и попрежнему, не говоря ни слова, вышелъ изъ кузни, при чемъ большіе вытаращенные глаза его какъ бы сказали: «въ кабакъ». Идя проворно сзади шедшаго Вани, Михаилъ Иванычъ видѣлъ, какъ онъ, не оглядываясь и какъ бы мимоходомъ, овладѣлъ желѣзнымъ баутомъ, виднѣвшимся изъ-за ставни одной хибарки,—и юркнулъ съ нимъ въ кабакъ. Нужно было не болѣе секун-

ды, чтобы оторванный баутъ былъ грохнутъ на кабашную стойку, чтобы цѣловальникъ, мелькомъ взглянувши на него,—спихнулъ его куда-то въ яму подъ стойку, — и выставилъ водку.

— Это такъ-то? сказалъ Михаилъ Иванычъ, взглянувъ на Ваню.

Но Ваня, молча совершившій все это, такъ же молча и торопливо выпилъ стаканъ водки, отошелъ въ уголъ и обернувшись оттуда, буркнулъ Михаилу Иванычу:

— Обмякло!..

И снова сжалъ ротъ, загадочно смотря на Михаила Иваныча глазами, какими смотрятъ нѣмые. Михаилъ Иванычъ тоже смотрѣлъ на него...

— Они потеряли всякій стыдъ! пояснилъ цѣловальникъ. — Потому, что они въ настоящее время обкрадываютъ другъ друга—въ лучшемъ видѣ. Даже удивляешься, прибавилъ онъ стыдливо.

Но Михаилъ Иванычъ, не обращая вниманія на это объясненіе, и глядя на Ваню, видѣлъ, что прижимка цвѣтетъ и не увядаетъ. Она изуродовала человѣка до того, что онъ лишился возможности выразить то, что у него на душѣ, — а можетъ только тупо смотрѣть, молча плакать, скрипѣть зубами и вертѣть кулакомъ въ груди...

— Убѣчь отъ васъ, — одно! сказалъ Михаилъ Ива-

нычъ, вздохнувъ и отводя отъ Вани глаза.—Надо, надо убѣчь...

— Что́, душиньки, робко произнесла женщина, войдя въ кабакъ.—Бауту не получали ни отъ кого?

— Какіе бауты-съ! гордо отвѣтилъ цѣловальникъ, неподнимая глазъ.—Что̀ такое-съ? Что́ вы считаете?.. У васъ нѣтъ-ли чьихъ?..

— Я вить, такъ... Чуть... Что́ ты?

— То-то-съ!.. Почему у Андрея трехъ досокъ въ крышѣ нѣту?..

— Увспросить нельзя! сказала женщина, улыбаясь беззубымъ ртомъ.—Набрасывается...

— Отыщите-съ! заключилъ цѣловальникъ.

— То-есть, только бы Господь вынесъ! испуганный этимъ обманомъ и грабежомъ, проговорилъ Михаилъ Иванычъ.—Надо, на-адо въ Питеръ!.. Что́ это вы? отнесся онъ къ Ванѣ, который все время сновалъ и останавливался, какъ звѣрь въ клѣткѣ.

— Жена! брякнулъ тотъ, хватилъ стаканъ и однимъ шагомъ очутился на улицѣ...

Михаила Иваныча рвануло за сердце.

— И что это еще эти шкуры выдумываютъ? Гдѣ она? Я ей... сердито говорилъ онъ, догоняя Ваню... Чего они еще мудруютъ, не умудрятся?.. Вездѣ нашего брата обчищаютъ, а тутъ домой придешь избитый да измученный,—

и тутъ тебя еще ожигаютъ! Одурѣли! Баловаться-то не съ чего... Ошалѣли!..

Говоря такимъ образомъ, онъ дошелъ до Иванова жилья и отыскалъ его жену. Это была изможденная, какая-то сырая женщина, вялая, словно полинялое платье, въ которомъ она была.

— Что вы, Ѳедосья Петровна, забунтовали? Что вы заставляете мужа воровать чужое, да въ кабакъ таскать? Почему такъ? Али вы не знаете, что и безъ этого нашъ братъ терпитъ? Что вы-съ? Себя пожалѣйте.

— Я, Михаилъ Иванычъ, не бунтуюсь... едва внятно и испуганно проговорила жена Вани.

Смущенный тономъ ея голоса, Михаилъ Иванычъ, уже гораздо тише, продолжалъ:

— Какъ же не бунтуетесь? Ужь съ чего же нибудь да пьетъ онъ? Ужь что нибудь да...

— Потому что Иванъ Иванычъ въ томъ имѣютъ сердце, что я не своимъ дѣломъ занимаюсь.

— А вы бросьте! У васъ свое хозяйское дѣло на рукахъ. Что́ вамъ въ чужое соваться? Вы и съ бабьимъ-то дѣломъ много помочи окажете... Вы, значитъ, держитесь своего...

— Чего жь мнѣ, Михаилъ Иванычъ, за свое дѣло держаться, коли нѣту у насъ никакого хозяйства? Печка

развалится и совсѣмъ безпеченіе получимъ. Что́ я буду хозяйствовать? Полѣна дровъ нѣту.

Михаилъ Иванычъ оглянулъ жилье и молчалъ.

— А Иванъ Иванычъ въ томъ серчаютъ, что я имъ хочу помочь оказать. Когда у меня женскаго дѣла нѣту, я мужскимъ хочу заняться... Думаю: обучусь я ихнему мастерству. Все что-нибудь добуду для дома... За это они и серчаютъ и бьютъ, коли увидятъ, что я на станкѣ занимаюсь. «Не твое дѣло! Что ты баба можешь!..» Только у нихъ и словъ. «Не видано этого, чтобы баба»... и бьютъ... «Дайте мнѣ обучиться!»—а они...

— Ахъ, онъ, стоеросовая дубина! озлился Михаилъ Иванычъ и вскочилъ. — Чучело! закричалъ онъ на Ваню. — Что ты мудруешь? Да что вы? Вы очумѣли совсѣмъ...

Ваня стоялъ къ нему спиной и не отвѣчалъ.

— Какъ же ты не понимаешь, что жена хочетъ тебѣ пользу дѣлать? Это вотъ никто тебѣ помочи не давалъ, такъ ты и не вѣруешь...

— Не видано! буркнулъ Ваня и заворочалъ мѣхами.

— Да дай ты ей обучиться-то, дубина!.. Попадись къ вамъ человѣкъ съ понятіемъ, вы его въ гробъ вгоните... Вы очумѣлые...

Михаилъ Иванычъ долго вразумлялъ Ваню насчетъ

пользы, которую ему хочетъ оказать жена, но въ голову его собесѣдника рѣшительно не входила мысль о томъ, что кто нибудь можетъ ему помочь. Онъ молча ворочалъ мѣхами и калилъ свое лицо среди летѣвшихъ искръ. Кромѣ отрывистаго «не видано», Михаилъ Иванычъ не могъ добиться ни слова.

— Ну, чортъ тебя возьми! взбѣшенно проговорилъ онъ и ушелъ. — Околѣвайте... Тутъ съ вами самъ загремишь. Вотъ сдѣлай, сдѣлай съ ними... Ахъ, убѣгу, убѣгу!

— Надбавка? это будетъ! донеслось до Михаила Иваныча, когда онъ старался поскорѣй выѣхать изъ этой ужасной стороны.

Эти слова, произнесенныя весьма самодовольнымъ голосомъ среди стонущаго царства прижимки, заставили его остановить лошадь.

— Кто надбавляетъ? отрывисто спросилъ онъ высокаго подгулявшаго рабочаго.

— Проѣзжай, закричалъ тотъ.

— Пошелъ своей дорогой! Допрощикъ нашелся!.. прибавилъ другой спутникъ.

— Ты не зѣвай! оборвалъ его Михаилъ Иванычъ.— Я, братъ, самъ зѣвать-то умѣю; а коли ежели у тебя успрашиваютъ, отвѣчай по-человѣчьи. Что я тебѣ сдѣлалъ? Что ты по-собачьи лаешь!.. Кто дастъ надбавку?

— Хозяинъ! тоже отрѣзалъ рабочій сердито и пошелъ въ кабакъ.

Михаилъ Иванычъ не оставилъ его и отправился вслѣдъ.

При его входѣ, небольшой котелокъ, хранившійся подъ полой одного изъ рабочихъ, тѣмъ же порядкомъ, какъ и баутъ, загремѣлъ подъ стойку. Два друга усѣлись за выпивкой.

— Кто такой надбавщикъ явился? спросилъ Михаилъ Иванычъ.

— Говорю: хозяинъ, новый... молодой...

— Надбавилъ?

— Ожидаемъ... Потому большое стараніе есть въ немъ объ насъ... Обхожденіе благородное... Собралъ всѣхъ посередь двора, пилъ чай вмѣстѣ... увмѣстяхъ съ нами... Вы, говоритъ, потеряли образъ Божій... ликъ, напримѣръ... отъ этого вы и...

— Ну, ну! понукалъ Михаилъ Иванычъ.

— Ну... призываетъ къ себѣ, лежитъ на диванѣ и разговариваетъ: «Идешь ты, говоритъ, по базару, видишь картину, а понять не можешь,—обидно тебѣ?» Мы ему: «обнаковенно намъ стыдно»... Ну, надо грамоту... Календари выдалъ...

— Вычелъ?

— Дарромъ! Эва... Такъ—«на!» Чтобы справка была...

какой, напримѣръ, теперича штрафъ... въ кое время... и все такое...

— Старается, чтобы мы къ нему чувствовали стыдъ!.. присовокупилъ другой товарищъ рабочаго.—Теперь у насъ стыда нѣту. Мы разобьемъ рожу, идемъ какъ росписанные, словно господа въ шляпкахъ... Намъ горя мало... А въ то время, чтобъ мы стыдились этого... Вотъ въ чемъ! Чтобы мнѣ, говоритъ, не страшно было подойдти къ вамъ... Потому вы въ родѣ чертей...

Какъ ни благородны были планы новаго московскаго хозяина, но Михаилъ Иванычъ, узнававшій прижимку во всѣхъ видахъ и оболочкахъ, не могъ не замѣтить ея и здѣсь, хотя, быть можетъ, хозяинъ и не имѣлъ ее въ виду. Но такъ-какъ тотъ же хозяинъ, требовавшій отъ рабочихъ образа Божія, самъ пожертвовалъ имъ только компаніей за чайнымъ столомъ, да календарями, которые стоятъ ему—грошъ, то злоба Михаила Иваныча закипѣла еще сильнѣй.

— Эхъ, чумовые! сказалъ онъ, тряся головой.—Неладенъ вашъ хозяинъ-то, погляжу я...

— Оставь, не говори!.. Елова голова!.. Чай пилъ...

— Н-не ладенъ!.. настаивалъ Михаилъ Иванычъ.—Зачѣмъ тебѣ стыдъ?

— Эва! Для аккурату... само собой... чтобъ я его чувствовалъ...

Рабочій остановился.

— Ну, а коли ежели ты чувствовать его будешь,— складнѣй будетъ, али нѣтъ? Ужь тогда ты не понесешь котелковъ въ кабакъ?

Рабочіе молчали.

— Теперича у тебя стыда нѣту, и то ты котлы въ кабакъ таскаешь, а какъ да стыдъ-то у тебя будетъ—ты и совсѣмъ пропьешься. Теперь и безъ стыда ты пужливъ, теперь тебя хозяинъ и безъ образу можетъ оболванивать по вкусу... А со стыдомъ-то ты еще пужливѣй будешь. Тебѣ ужь будетъ стыдно къ хозяину грубо подойдти... Не нужно нашему брату стыда! зашумѣлъ Михаилъ Иванычъ. — Не надо-о! Съ насъ драть стыда нѣту—и намъ требуется вдвое того... Эхъ, тетери!..

— Это, батъ, ты вѣрно... Это ты...

— Онъ чаю-то съ вами на двугривенный выпилъ, а ты вонъ ужь котелокъ-то женнинъ тащишь... Тебѣ неловко къ нему подойдти, попросить... Ты и будешь свое таскать, жену, ребятъ грабить... А пропьешь, онъ тебя за грошъ возьметъ: «кабы ты имѣлъ образъ, я-бъ тебѣ больше...» А вѣдь и образъ-то ты отъ него потерялъ...

— А именно, что женнинъ я котелъ спахалъ!..

— Ну, на что тебѣ календарь?..

— Ды я его пропилъ! закончилъ мастеровой и громкій хохотъ раскатился по кабаку.

— А зѣваешь, дуракъ! сказалъ Михаилъ Иванычъ мастеровому.—За что́ ты меня облаялъ вчерась? Спросить у тебя, у дурака, нельзя ничего. Послѣ чаю-то, ровно собака, сдѣлался.

Хохотъ продолжался, но разсерженный Михаилъ Иванычъ ушелъ, не сказавъ никому слова.

Такія сцены наполняли безнадежностію душу Михаила Иваныча, и всякій разъ, насмотрѣвшись на нихъ, онъ искалъ случая сорвать на комъ нибудь сердце. «Куды лѣзешь!» кричалъ онъ тогда встрѣтившемуся купцу: «держи лѣвѣй, еловая голова!»—«Но-но!.. Я, братъ, тебя за эти слова...»—«Нонче, братъ, и я тебя ожгу, держи своей дорогой... Что купецъ, такъ и при на человѣка...» Въ эти минуты ему необходимо было утѣшиться зрѣлищемъ сценъ, гдѣ бы человѣкъ, имѣвшій въ рукахъ власть надъ простымъ человѣкомъ, самъ попадалъ въ лапы къ прижимкѣ. И такой уголокъ былъ у Михаила Иваныча.

— Пойдемъ къ Аринкѣ! говорилъ онъ, хлестнувъ лошадь возжой.

Арина принадлежала къ числу тѣхъ субъектовъ, которые въ нынѣшнее время поднялись снизу вверхъ. Михаилъ Иванычъ недолюбливалъ ее за то, что она занималась ростовщичествомъ, то-есть все-таки болѣе или менѣе разбойничала; но онъ охотно прощалъ ей это занятіе, ради тѣхъ страданій, которыя она вынесла во время дол-

гаго подневольнаго житья въ крѣпостныхъ. Вся улица, гдѣ стоялъ домъ ея господъ, называла этихъ послѣднихъ звѣрями, и дѣйствительно это были какіе-то охотники воевать надъ простымъ человѣкомъ. Подъѣзжая, напримѣръ, къ дому, баринъ не звонилъ и не стучалъ въ дверь, а только провозглашалъ: «ворота!», будучи почти увѣренъ, что голосъ его не можетъ достигнуть кухни, стоявшей въ глубинѣ двора. Крикъ этотъ повторялся нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ прислуги случайно не замѣчалъ барина и не отворялъ воротъ. Но баринъ сидѣлъ на морозѣ, ждалъ—и начиналось дранье и бушеванье. Не было ни у кого такой заморенной, забитой прислуги, какъ у этихъ господъ. Она находилась у всѣхъ сосѣдей въ глубокомъ презрѣніи потому, что слыла за воровъ и мошенниковъ; нельзя было повѣсить сушить бѣлья, пустить цыплятъ на улицу, чтобы все это тотчасъ же не было похищено ими. Арина находилась въ числѣ этой заморенной прислуги и всю жизнь не видала свѣта Божьяго. Среди этого житья она сдѣлалась совершенной дурой. Странно было глядѣть на ея испуганные глаза, когда она, бывало, позднимъ вечеромъ пробиралась въ какую нибудь сосѣдскую кухню и тайкомъ продавала здѣсь молоко, или какой нибудь платокъ, цѣна которому былъ грошъ. Не одинъ Михаилъ Иванычъ могъ уважать ту непомѣрную силу терпѣнія Арины, которое помогло ей, среди этого

варварскаго житья, скопить кое-какія крохи, доставившія ей впослѣдствіи завидную долю вліянія надъ благородными. Послѣ крестьянской реформы, господа ея, убитые необходимостью отнять свои руки отъ щекъ и волосъ рабовъ, какъ-то скоро исчезли съ лица земли — умерли. Арина, въ эту пору уже старая женщина, подыскала себѣ какого-то юнаго дуралея изъ кучеровъ, женила его на себѣ и стала отдавать подъ проценты деньги. Такъ-какъ вмѣстѣ съ крестьянствомъ рухнуло благосостояніе и чиновной мелкоты, населяющей переулки, то Арина въ короткое время съумѣла изловчиться въ пользованіи такими терминами, какъ «строкъ», «проценъ», «подъ росписку», загнала въ нѣдра своихъ сундуковъ безпорочныя пряжки, шпаги, мундиры съ фалдами, купила домъ и могла жить въ свое удовольствіе.

— Ѣшь! говорила она своему супругу.

— Надоѣло... будя... потягиваясь, говорилъ тотъ.

— Чего жь тебѣ? Можетъ, тебѣ чего сладкаго, либо моченаго?

— Пожижа-ба! Съ кислиной-ба чего!..

— Ну, съ кислиной. Вотъ объ чемъ! Коли бы не было... А то вѣдь—скажи... Слава Богу....

Говоря такъ, она любила порыться въ своихъ сундукахъ, полюбоваться своимъ добромъ, переложить его съ мѣста на мѣсто, развѣсить всѣ эти мундиры по заборамъ

и посередь двора, ходила при этомъ близь нихъ и утомленнымъ голосомъ говорила слушателю:

— Куда человѣку безпокойно, коли ежели денегъ у него много... Ахъ, какъ ему безпокойно!.. Только мученье черезъ эсто... Охъ, деньги, деньги!...

Михаилу Иванычу было пріятно полюбоваться этимъ торжествомъ замореннаго человѣка, и онъ заѣзжалъ сюда отвести душу, хотя въ сундукахъ Арины покоились его двѣ рубашки и жилетка.

— Ну, что, корга, говоритъ онъ, входя къ Аринѣ:— какъ грабишь? Все ли аккуратно оболваниваешь?

Арина, одѣтая въ ваточную кацавейку, подноситъ водку какому-то мужичку, и говоритъ, не обращая вниманія на Михаила Иваныча:

— Кушайко-сь, Иванъ Евсѣвичъ!.. На доброе здоровье, дай Богъ вамъ счастливо!..

— Дай вамъ Господи! говоритъ мужичекъ. — Коли ежели Богъ дастъ, укупимъ его у господъ...

— Чего это? вмѣшивается Михаилъ Иванычъ.

— Дворецъ господскій имѣемъ намѣреніе...

— Дворецъ!.. жеманно и какъ бы недовольно говоритъ Арина.—Дворецъ господскій укупаютъ... словно бы диво какое...

— Важно! важно, братъ! Тяни его! Вытягивай изъ

чулка-то шерстянаго, что утаилъ... Именно богатое дѣло... Вали!

— Хе-хе-хе!... съ мужичкомъ мы тутъ... признаться... хихикалъ лысенькій Евсѣвичъ.

— Полѣзайте! злобствуетъ Михаилъ Иванычъ.—Очень превосходно! Вали въ лаптяхъ въ хоромы, чего тамъ? Утрафьте, чтобы при господахъ, прямо съ корытами да онучами... Чего-о? Именно! Хектуру эту барскую — безъ вниманія!..

— Хектура намъ—тьфу!... Что́ намъ съ простору-то? Простору въ полѣ много...

— Что съ него, съ простору? тѣмъ же тономъ присовокупляетъ Арина.

— Намъ, главная причина—залѣзо! Мы изъ яво, изъ дворца-то, залѣза одного надергаемъ—эво-ли кольки!..

— Дергай, братъ! Выхватывай его оттэдова...

— А которая была эта хектура, — камень, напримѣръ, кирпичъ — рѣдкостные!.. Кабаковъ мы изъ него наладимъ по тракту съ полсотни... Вѣрно такъ...

— Разбойничайте, — чаво тамъ? запрету не будетъ!

— Какой запретъ? Мы дѣла свои въ аккуратности, чтобы ни Боже мой...

— Ну, выкушайте! Дай Богъ вамъ! заключаетъ Арина.

При выпиваніи водки, хитроватые глазки Ивана Ев-

сѣича зажмуриваются, вслѣдствіе чего все лицо его изображаетъ агнца непорочнаго...

— Ишь, думаетъ Михаилъ Иванычъ, глядя на нищенскую фигурку Евсѣвича: — узнай вотъ его!..

По части торжества прижимки, исходящей изъ простаго званія, у Арины большая практика.

Не успѣлъ потѣшить Михаила Иваныча убогонькій мужичокъ, какъ сама Арина выступаетъ на сцену съ разсказомъ, тоже пріятнымъ для Михаила Иваныча.

— И что это, я погляжу, говоритъ она, улыбаясь и какъ-то изнемогая:—и сколько это теперича стало потѣхи надъ ихнимъ братомъ.

— Ну, ну, ну, торопитъ Михаилъ Иванычъ.

— Даже ужасъ сколько надъ ними потѣхи! Онамедни идетъ, шатается... Я ополченецъ... возьмите въ залогъ галстухъ... военный... Смертушки мои, какъ погляжу на него...

Всѣ хохочутъ: и Михаилъ Иванычъ, и Евсѣвичъ, и дуралей мужъ Арины оскалилъ свое глупое, толстое и масляное лицо.

— Что жь это вы, говорю, по вашему званію и безъ сапогъ? трясясь отъ смѣха, едва можетъ произнести Арина.—А лакей унесъ чистить, не приносилъ...

Новый грохотъ еще продолжительнѣе перваго.

— Обязанъ я по визитамъ безъ сапогъ...

Смѣхъ захватываетъ у всѣхъ дыханіе, такъ что въ

комнатѣ царитъ молчаніе, среди котораго смѣющіеся хватаются за желудки, закидываютъ назадъ головы съ разинутыми ртами и потомъ долго стонутъ, отплевываются и отчихиваются.

— Хорошенько-о! Хорошенько, бра-атъ!.. красный отъ смѣха, говоритъ Михаилъ Иванычъ, нагибаясь къ Аринѣ и хлопая ее по плечу.

Эти сцены подкрѣпляли Михаила Иваныча и пріятно настроивали его упавшій духъ. Но такъ-какъ на пути въ Жолтиково онъ имѣлъ обыкновеніе заѣзжать въ лавку Трифонова, то ропотъ посѣтителей ея снова начиналъ злить Михаила Иваныча и онъ начиналъ набрасываться на купцовъ и чиновниковъ, какъ собака...

— Хижина дяди Тома, исполненная декораторомъ Ѳедоровымъ... сурово докладывалъ онъ барчуку, возвратившись въ Жолтиково и норовилъ уйти.

— Куда вы? Погодите! останавливалъ барчукъ, лежавшій на кровати безъ сапогъ, съ книгой въ рукахъ, въ которой онъ перевертывалъ по тридцати страницъ сразу, думая о прикащицкой дочери и норовя при первой возможности отдѣлаться отъ книги. — А въ театрѣ?

— Больше ничего-съ! Съ бенгальскимъ освѣщеніемъ грота... волшебное... Рубъ. Одобряли монархи...

И никогда скучавшему барчуку не приходилось получить отъ Михаила Иваныча другаго, болѣе ласковаго,

отвѣта. Онъ уходилъ и ропталъ гдѣ нибудь передъ пьянымъ дьячкомъ.

— Ты думаешь, это ему чугунная дорога въ самомъ дѣлѣ составляетъ препону?.. Емму взацарапать нечего... во-отъ...

— Оставьте! будетъ вамъ!.. останавливали его.

Такъ проводилъ Михаилъ Иванычъ время, ожидая чугунную дорогу и утѣшаясь созерцаніемъ обнищавшаго благородства.

UNIVERSITY OF
ILLINOIS LIBRARY

III.

РАЗЗОРЕННЫЕ.

И нельзя сказать, чтобъ время убавляло эту потѣху; напротивъ, количество людей, поставленныхъ бездоходьемъ въ трогательное и смѣшное положеніе, увеличивалось съ каждымъ днемъ. Еслибы сердце Михаила Иваныча не помнило того сладкаго куска, который въ дни его нищенскаго дѣтства случайно попалъ ему въ кухнѣ Черемухиныхъ, то онъ бы могъ устроить себѣ славную потѣху, любуясь ихъ теперешнимъ раззореньемъ. Но Михаилъ Иванычъ помнилъ этотъ кусокъ, и когда однажды, явившись къ Аринѣ, чтобы отвести душу,—узналъ, что они раззорились, съумѣлъ схоронить въ глубинѣ души свою злобную радость, хотя имѣлъ на нее полное право, если принять въ разсчетъ прошлое Черемухиныхъ.

Черемухины, Птицыны и другія родственныя фамиліи съ давнихъ поръ составляли одно лихоимное гнѣздо, какихъ вездѣ было много и которыя дорого обходились народу. Родоначальникомъ этого гнѣзда былъ нѣкто Птицынъ, прибывшій въ нашъ городъ изъ какой-то другой губерніи, по приказанію начальства, которое, оцѣнивъ его «рвеніе и энергію», дало ему теплое мѣсто и возможность быть сытымъ. При поселеніи Птицына на тепломъ мѣстѣ, семейство его состояло вопервыхъ, изъ глухой женниной матери, умѣвшей говорить только одну фразу: «въ карманъ-то, въ карманъ-то норови поболѣ»; вовторыхъ, изъ жены, которая конкурировала съ мамашей въ болѣе широкомъ пониманіи и изложеніи мыслей на счетъ кармана; затѣмъ, изъ нѣсколькихъ сыновей, воспитанныхъ въ страхѣ божіемъ и въ грабительствѣ, согласно нравоученіямъ бабки и матери и нѣсколькихъ молчаливыхъ и забитыхъ дочерей. Все это населеніе, немедленно по прибытіи въ нашъ городъ, обзавелось благопріобрѣтеннымъ домомъ о множествѣ заднихъ ходовъ и расправило свои необыкновенно цапкія руки, разинуло свои глубокія пасти, потянуло къ этимъ рукамъ и пастямъ толпы просителей и стало жить, получая пряжки и благоволенія. Безропотныя дочери были выданы замужъ за людей, тоже желавшихъ быть очень сытыми; люди эти тоже расправили пасти и цапкія руки, тоже обзавелись

сѣнями и задними ходами и, такимъ образомъ, поднялся воистину дневной разбой. Видимость этого разбоя была очень обыкновенна и вовсе не напоминала кровожадныхъ монголовъ, какими въ сущности были всѣ подобнаго свойства люди: это были чиновники, съ зелеными непривлекательными лицами, съ потухшими глазами, сгорбленными спинами; на просителей они въ дѣйствительности вовсе не накидывались, а какими-то змѣиными голосами потихонечку разговаривали съ ними въ сѣняхъ, или на заднихъ крыльцахъ, денегъ у нихъ не выхватывали, а принимали ихъ тогда, когда просители долго передъ этимъ ползали на колѣняхъ, умоляли... Полученныя ни за что ни про что чужія деньги устроили въ средѣ этого гнѣзда самые идиллическіе нравы; совѣты глухой и начинавшей слѣпнуть бабки на счетъ кармана встрѣчались съ улыбкой, которую посылаютъ взрослые дѣтямъ, принимающимся разсуждать о незнакомомъ предметѣ, ибо всѣ представители гнѣзда понимали на счетъ этого втрое болѣе! «Что вы учите, безъ васъ знаемъ!» самодовольно говорила ей родоначальница гнѣзда, жена Птицына, и павой ходила по дому, среди семейной бесѣды. О грабежахъ не было и помину; толковали объ отвлеченныхъ предметахъ, о душѣ, о царствіи небесномъ; ходили къ обѣднѣ, пили, спали, цаловали другъ у друга ручки, дѣлились добычей поровну, пьянствовали, родили, крестили

и среди этой нечеловѣческой атмосферы ростили дѣтей... Птицынъ утопалъ въ счастіи среди этого благолѣпія, гладилъ взяточниковъ-дѣтей по головѣ, точилъ слезы, совершалъ объѣзды по губерніи, причемъ волостные головы и оголенныя деревни пѣли «многая лѣта», единодушно отдавали послѣднія крохи на поднесеніе хлѣба-соли и проч.

Зрѣлище было умилительное, и только Михаилъ Иванычъ, вращавшійся на заднихъ ходахъ, начиналъ подумывать о грабежѣ гдѣ-нибудь на другомъ полѣ, сознавая всю опасность положенія человѣка среди этихъ служителей отечеству...

Пированье на чужой счетъ шло долго. Все гнѣздо объѣлось и опилось до потери сознанія, что могутъ существовать на свѣтѣ ревизоры, до потери счета нарожденному числу дѣтей; многое множество было поглощено этою прорвою чужихъ денегъ, трудовъ, слезъ... и, наконецъ, настала война, пошли обличенія... Гнѣздо раззорено было мгновенно. Черемухины, устроившіе свою жизнь на общихъ, вышеизображенныхъ основаніяхъ, были выгнаны и переселились въ другую губернію... Въ семьѣ Птицыныхъ шолъ вой и плачъ. Исчезновеніе кармана, изъ котораго можно было произвольно выхватывать сколько душа желаетъ, подорвало даже и идиллію семейной жизни.

— Въ карманъ-то, въ карманъ-то норови! едва дыша лепетала бабка.

— Прокарманили, матушка! Нечего накарманивать-то, плакала ея дочь и съ нѣжностью гладила по головѣ сына, попавшагося въ двадцати уголовныхъ дѣлахъ. — Поцалуй меня, зайчикъ мой! говорила она ему.

— Отстаньте вы къ... Богу съ поцалуями... Нашли время!.. До чего вы меня довели? оскаливался сынъ на матушку, которую ему не за что было уважать.—Что я отъ васъ видѣлъ, пользу какую? Вамъ только подавай... ризу сдѣлать дали обѣщаніе... Ну, и хваталъ... Вы—мать, развѣ я могу ослушаться...

Птицынъ лежалъ въ параличѣ и надъ нимъ тотъ же рабски покорный сынъ срывалъ свой гнѣвъ.

— А называетесь генералъ! Не умѣли во время подмазать ревизора... Вамъ жаль... А небось, какъ съ меня, такъ подавай... Какъ принесешь—«умникъ»... А-а... Богъ васъ наказываетъ... Какой вы отецъ?.. Удавлюсь вотъ возьму!..

Неудивительно, что сынъ могъ говорить родителю такимъ образомъ: они были равны въ хищничествѣ.

Такія сцены заставили уйти Михаила Иваныча и искать своего хлѣба и онъ съ тѣхъ поръ не видалъ ни Птицыныхъ, ни Черемухиныхъ до настоящаго времени. Въ тотъ большой промежутокъ Черемухины успѣли про-

жить на чужой сторонѣ всѣ наворованныя деньги, самъ Черемухинъ успѣлъ умереть, а жена его, раздавъ старшихъ дочерей замужъ, воротилась съ младшей дочерью, семнадцатилѣтней Надей, жить на родину. Это была несчастная, невинно страдающая женщина. Грабежъ и пьянство терзали ее въ домѣ отца, по волѣ котораго она вышла за Черемухина и снова попала въ область какого-то рабскаго произвола, гдѣ ей было вдвое тяжелѣе, потому что, въ качествѣ жены, она должна была раздѣлять хищническіе нравы супруга. Ее мучило то, что дѣти ея выходятъ среди этой атмосферы какими-то уродами, тоже лгунами и льстецами... Она что-то все хотѣла сдѣлать, старалась поправить, но ничего не сдѣлала, а только мучилась, молилась въ то время, когда хрипѣлъ пьяный мужъ и подъ конецъ терпѣла отъ этого мужа самыя страшныя истязанія; почему-то одна она оказалась въ его глазахъ виновницею всѣхъ его несчастій и достойна была поэтому всякихъ мученій. Уваженія между ними не было никакого, ибо Черемухинъ взялъ ее тоже потому, чтобъ, подъ защитою Птицына, дѣлиться съ кѣмъ нужно... Возвращаясь на родину, она думала чѣмъ-нибудь согрѣть свою измученную душу, но это оказалось невозможнымъ.

— Ты здѣшній, голубчикъ? спросила она у извощика, въѣзжая въ свою губернію.

— Здѣшній, матушка, казенный...

— Что́ помнишь ты, былъ у васъ начальникъ?..

И она назвала фамилію отца и потомъ мужа.

— Какъ не помнить... Этакихъ разбойниковъ да не пом...

— Довольно, довольно, голубчикъ... Не про тѣхъ...

— Что́ онъ сказалъ? спросила Надя.

— Нѣтъ, не про насъ, ошибся. Такъ съ дуру, старалась она замять злыя мужичьи слова.

Холодно ей было на родинѣ.

Товарищи мужа, скомпрометированные тѣмъ же, чѣмъ и онъ, сторонились отъ нея, и, какъ пьянчужки, отрезвленные въ кварталѣ, сердито смотрѣли другъ на друга и на нее; иные изъ нихъ, перебравшись въ новые суды, перестали нюхать табакъ, стали курить сигары, обрились, умылись и старались казаться людьми совершенно новыми, или отдѣланными заново. Всѣ знакомства, всѣ старинныя пріязни какъ будто и не существовали, всѣ они держались на «дѣлежѣ» и кончились вмѣстѣ съ нимъ. Все было пусто кругомъ; но переносить личную бѣдность было бы не такъ трудно и больно для Черемухиной, еслибы она не попиралась тѣми, которые съумѣли выбиться, подобно Аринѣ, изъ нищеты въ люди. Примѣры такого превращенія приходилось встрѣчать довольно часто, всякій изъ превращенныхъ считалъ своею обязан-

ностію взглянуть на раззоренныхъ господъ, какъ на ровню, на что, конечно, имѣлъ полное право. Однажды, не дотянувъ до полученія пенсіи, она пошла заложить воротникъ къ Аринѣ, и еслибы не Михаилъ Иванычъ, бывшій тутъ, и узнавшій Черемухину, Арина бы потѣшилась надъ бѣдной, измученной женщиной, которая когда-то покупала у нея молоко.

— Ай вы раззорились?.. разсматривая воротникъ, говорила она съ жеманною небрежностію.

— Богу такъ угодно...

— Много васъ этакихъ-то... Жили-жили, что́ нажили?.. Что́-жь тебѣ дать за оборохъ твой!.. рупъ болѣ нельзя.

— Ну, ну, полегче! заступился Михаилъ Иванычъ.— Оборохъ? У тебя много-ли такихъ обороховъ было... Съ тебя, не Богъ-знаетъ, что тянутъ, три-то рубли онъ двадцать разъ стоитъ.

Михаилъ Иванычъ говорилъ тѣмъ суровымъ тономъ, въ которомъ слышалось почти согласіе съ Ариной.

— Вынимай-ко деньги-то... Чего тамъ?.. Со всякимъ случается...

— Воля Божія, говорила убитая Черемухина. — Мы должны ей покоряться.

— Обнаковенно... Вынимай, вынимай! зеленую-то!.. заступался Михаилъ Иванычъ.

Благодаря заступничеству Михаила Иваныча, Арина не смѣла продолжать своей потѣхи надъ Черемухиными, и съ этихъ поръ, въ ожиданіи желѣзной дороги, Михаилъ Иванычъ сталъ заходить къ нимъ посидѣть, покалякать.

Чтобы избѣжать всякихъ обидныхъ столкновеній, Черемухина жила въ глухой улицѣ, въ дешевой квартирѣ, не заводя никакихъ новыхъ знакомствъ и не возобновляла старыхъ; жила она небольшимъ пенсіономъ, постоянно была дома, постоянно что-то вязала, выбравъ себѣ мѣстечко у окна, выходившаго во дворъ, и думала. Было объ чемъ ей подумать. Не послѣднее мѣсто въ ея размышленіяхъ занимала дочь Надя, которой было уже восемнадцать лѣтъ и которую надо было пристроить. Но женихи покуда не являлись и Черемухина полагала (про себя), что народъ избаловался, молодёжъ рыщетъ и не думаетъ жить почеловѣчески. Что касается до Нади, то она покуда не испытывала ничего, кромѣ звѣрской скуки. Она успѣла уже познакомиться съ хозяиномъ мѣщаниномъ и его женой; узнала отъ нихъ, что «канка» есть то же, что индюшка, и что занятія хозяина въ теченіи шестидесяти лѣтъ состояли въ томъ, что онъ скупалъ этихъ индюшекъ и отправлялъ ихъ въ Москву. Узнала

также отъ солдата, который, возвратясь съ ученья, любилъ посидѣть на крыльцѣ и покурить трубочку, что прежде былъ тихій учебный шагъ и скорый шагъ, а теперь осталась одна пальба, а шаговъ нѣту; знала она также всѣхъ мальчиковъ, запускавшихъ змѣи середь улицы, ходила по хозяйскому саду, видѣла, благодаря его низенькимъ заборамъ, что̀ дѣлается въ другихъ садахъ, посѣщала родныхъ и нигдѣ не находила ничего, кромѣ скуки. Даже лица, къ которымъ она обращалась съ извѣстіемъ «мнѣ скучно»,—солдатъ, хозяинъ, хозяйка надоѣли ей и прискучили, точно такъ же, какъ прискучила улица, на которую выходили окна дома, садъ, заборъ противъ оконъ.

Появленіе Михаила Иваныча, какъ новаго лица, было одинаково пріятно, какъ для Черемухиной, которая не видѣла въ немъ открытаго врага, такъ и для Нади, которая въ сопровожденіи его могла идти, куда ей хочется.

Михаилъ Иванычъ помнилъ Надю маленькой дѣвочкой; въ дѣтствѣ онъ ее иногда каталъ на салазкахъ; увидавъ ее теперь взрослой и невѣстой и не находя въ ея молодости ни раззоренья, ни прошлаго, надъ которымъ бы можно было потѣшиться простому человѣку—рѣшительно не могъ сердиться вблизи ея и робко ёжился гдѣ нибудь у двери, если заходилъ посидѣть; а если провожалъ куда нибудь Надю, то шелъ позади ея, какъ лакей.

Посѣщали они попрежнему тѣхъ же раззоренныхъ родныхъ.

Какъ одинъ изъ множества результатовъ прижимки,— домъ Птицына, дѣдушки Нади, представлялъ въ эту пору нѣчто забытое, заброшенное всѣми. Сыновья и родственники разбрелись въ разныя стороны и, отвертѣвшись отъ уголовныхъ дѣлъ, имѣли гдѣ-то, какія-то весьма современныя мѣста—обрусяли, водворяли, описывали и проч. Птицынъ, его жена и бабка, которая была еще жива, и сынъ Ваня, бывшій, во времена лихоимства и процвѣтанія, еще мальчикомъ, всѣ со дня на день ожидали смерти, и умирая лежали въ четырехъ разныхъ комнатахъ, на четырехъ разныхъ кроватяхъ. Дѣйствительно умирающими были въ сущности трое: бабка, Птицынъ и сынъ. Жена Птицына слегла за компанію. Обыкновенно она проводила время въ ругательствахъ и брани, которая обрушивалась на мужа и на бабку; такъ какъ на умирающаго сына обрушиваться было не за что, а еле-дышавшіе мужъ и бабка не доставляли достаточнаго матеріала для ругательствъ, ибо не оказывали никакого сопротивленія, то роспеканію подвергался всякій, кто только чѣмъ нибудь затрогивалъ ея вниманіе. Съ этими цѣлями она очень часто вставала съ смертнаго одра своего, высовывала голову въ окно и звонкій голосъ ея долго раздавался вдоль улицы...

— Что ты дѣлаешь, сиволапый ты этакой мужланъ! кричала она на водовоза, зацѣпившаго колесомъ ведро, поставленное на углу дома на случай дождя... Дубина!...

— Ну, не больно... Не бывалъ дубиной!... огрызался водовозъ...

Этого было довольно, чтобы всѣ оскорбленныя временемъ внутренности Птицыной закипѣли кипучей смолой.

— Ка-акъ? Мы подлые? восклицала она, захлебываясь отъ гнѣва, и торопясь оправдать его наваливаніемъ на водовоза такихъ словъ, какихъ онъ и не думаетъ произносить, понимая духъ времени по своему.—Какъ? Я подлячка?... Ахъ ты... Да я тебя въ старое-то время, въ порошокъ бы истерла и по вѣтру развѣяла. Ахъ, ты... Да, я...

Скоро помрачался умъ ея среди такихъ изрыганій и черезъ нѣсколько времени можно было слышать, какъ изъ устъ ея вылетаютъ самыя нелогическія фразы.

— Мы здѣсь тридцать-восемь лѣтъ живемъ, а не подлые... Не подлячка я... Не подлячка!... У меня сыновья въ Польшѣ, а я не подлая!

Навоевавшись вдоволь, она шла на смертный одръ и скоро посылала за попомъ, читать отходную.

Почти всякій разъ, когда Надя, въ сопровожденіи Михаила Иваныча, входила во дворъ дѣдушки, навстрѣчу имъ попадался причтъ, уходившій домой.

— Умеръ дѣдушка? въ испугѣ спрашивала Надя...

— Живы! всѣ живы! улыбаясь басилъ дьячокъ, любившій поговорить.—Они пять годовъ отходятъ-съ... н-н-н...

— Земля не принимаетъ! бормоталъ про себя Михаилъ Иванычъ, въ которомъ начинала шевелиться злость.

— Хе-хе-хе... Нѣтъ-съ... Тѣлосложеніе крѣпко-съ, пояснялъ дьячокъ. — Крѣпки... оченно... Кажется, вотъ, вотъ, — ннѣтъ!.. Оживаютъ!.. Крѣпковаты, Господь съ ними.

— Крѣпки съ чужого-то! ворчалъ Михаилъ Иванычъ.—Кабы со своего... А то тыщу недуговъ на него напусти, не свернешь.

— Хе-хе-хе... Истинно, что въ жилу вы попали! соглашался дьячокъ. — Потому оченно много генералитету по нонѣшнему времени представляется, ну, съ упираніемъ... Не очень-то охотно души ихнія возлетаютъ, хе-хе. Тутъ у насъ страсть, что этакихъ... Кажется, вотъ глаза закатились,—совсѣмъ, а онъ, глядишь, очнулся да по щекѣ кого нибудь и сблаговѣстилъ... Хо-хо-хо!..

Во время этого разговора Надя стоитъ поодаль, ожидая Михаила Иваныча: безъ него ей страшно и жутко войдти въ этотъ мертвый домъ, въ этотъ пустынный дворъ, заростающій травой. Разсыпавшаяся бочка и гнилая, словно истаявшая на дождѣ водовозка, пустые сараи и грязная корова,—все это отдавало такой пустынностію и за-

брошенностію, что Надя, прежде нежели идти далѣе, непремѣнно обращалась къ Михаилу Иванычу.

— Михаилъ Иванычъ, идите сюда! говорила она нетерпѣливо... Будетъ вамъ разговаривать.

— Ишь, говорилъ Михаилъ Иванычъ, слѣдуя за Надей и глядя на разоренный дворъ:—ишь нагорожено.

И при этомъ ему представлялся тотъ же дворъ, оживленный жирными кучерами, толпами просителей, смѣющимися кухарками и другими аттрибутами счастливаго времени Птицыныхъ.

— Заглохло! запустѣло! бормоталъ онъ, останавливаясь и оглядывая кругомъ. — Кабы на свои настроили, небось, — былъ бы глазъ за всѣмъ. Нѣтъ охоты, на чужое натаскано...

Надя не сразу входила въ домъ дѣдушки. Окна, занавѣшенныя платками и одѣялами, заставленныя щитами изъ какихъ-то лоскутьевъ разноцвѣтныхъ шпалеръ, рисовали ей такую кромѣшную тьму, царящую внутри, что она невольно шла въ садъ. Но и здѣсь стояли заброшенныя деревья, съ гнѣздами паутины; въ густой травѣ еле замѣтны были слѣды дорожекъ, бесѣдка стояла безъ дверей. Михаилъ Иванычъ оглядывалъ все это, выгонялъ ногою откуда нибудь пустую бутылку и говорилъ:

— Ишь! Пировать умѣли! Все хинью пошло, все прахомъ...

— Михаилъ Иванычъ! За что вы не любите дѣдушку? спрашивала Надя.

— Да за что жь мнѣ его любить-то?.. Вашему родителю я обязанъ, онъ меня призрѣлъ... а дѣдушка вашъ мало кому пользы сдѣлалъ.

— Отчего мнѣ не хочется къ нимъ идти? спрашивала Надя, не имѣя надлежащихъ основаній вступиться за дѣдушку.

— Да чего хотѣться-то?.. Кабы вы его любили. А то и вамъ его не за что любить-то.

Надя молча думаетъ о чемъ-то, но, наконецъ говоритъ, лѣниво поднимаясь съ лавки.

— Нѣтъ, люблю!..

— ... За что любить-то?..

Надя не отвѣчаетъ потому, что дѣйствительно не понимаетъ, почему ей нужно любить дѣдушку. Однако, она еще разъ киваетъ головой, какъ бы повторяя: «нѣтъ, люблю»...

— Авдотья! говоритъ она кухаркѣ шопотомъ, входя въ кухню.—Что дѣдушка?

Прежде, нежели отвѣтить, кухарка въ злобномъ молчаніи ворочаетъ какими-то корчагами, ушатами и отвѣчаетъ совсѣмъ не на вопросъ:

— И только бы, только бы вынесъ Господь!..

Авдотья постоянно проклинаетъ Птицыныхъ, потому

что жизнь ея въ ихъ домѣ дѣйствительно каторжная. На всѣхъ четырехъ умирающихъ она одна прислуга; въ кухнѣ надъ ея головой висятъ четыре колокольца, за которые умирающіе дергаютъ каждую минуту, требуя то того, то другаго; вслѣдствіе этого въ кухнѣ ежеминутно идетъ звонъ, отъ котораго Авдотья потеряла человѣческій смыслъ. До нея здѣсь перебывало множество народу, и каждый изъ нихъ не могъ выжить одного дня, и Авдотья жила только потому, что ей некуда было дѣться съ двумя своими ребятами.

— И какой демонъ уживетъ здѣсь! говоритъ Михаилъ Иванычъ, глядя на звонки.—Ишь колокольню какую выстроили... кажется, тыщи рублей не возьму, чтобы мнѣ тутъ... тьфу!

— Сама-то вдаритъ, вдаритъ въ колоколецъ, въ полночь, такъ съ печи кубаремъ и летишь... Всѣхъ ребятъ дураками сдѣлали... Съ испугу плачутъ! дрожащимъ отъ гнѣва и трудовъ голосомъ говоритъ Авдотья, продолжая ворочать корчаги. — Баринъ, тотъ дѣлаетъ ударъ легкій. Барчукъ еще тише, а бабка, да сама, такъ ужъ ровно бѣшеные! Пуще всего сама: поминутно, поминутно... Бабка, та очнется разъ въ день, а то и въ два, да ужъ и долбонетъ! Прибѣжишь къ ней, а она этакъ-то ровно рыба, ротъ разѣваетъ: «въ карманъ-то», говоритъ...

— Опоздала! радостно рычитъ Михаилъ Иванычъ, удер-

живаясь при барышнѣ отъ болѣе вѣскихъ выраженій.— Ушли карманы-то, убѣжали... хе-хе-хе... Ишь какъ они привыкли къ чужимъ карманамъ, такъ это даже удивительно, ей-Богу...

— Что жь дѣдушка? спрашиваетъ Надя, какъ-то обезсилѣвъ отъ этихъ разговоровъ и, узнавъ, что дѣдушки и бабушки живы, еле плетется въ комнаты.

Въ комнатахъ прежде всего поражалъ мракъ и духота, пропитанная ладаномъ и запахомъ лекарствъ. Среди этого царства смерти нельзя было бы пробыть одной минуты, еслибы мертвую тьму не нарушалъ голосъ стенавшей и ругавшейся генеральши.

— Ну, какой ты генералъ! Ну, какъ тебя возможно назвать генераломъ? вопіяла только что особоруванная женщина, стоя надъ умирающимъ мужемъ.—Что ты нажилъ? Куда ты отъ меня прячешь, кому готовишь?

— Н-нѣту у меня! еле произноситъ мужъ.—Нѣту...

— Какъ у тебя нѣту, когда ты все на сыновніе, да на зятнины деньги жилъ? Куда дѣвалъ? Умрешь вѣдь... тебѣ жить одна минута... Говори, куда ты дѣвалъ?

Но мужъ ужь не отвѣчаетъ.

— Въ гробъ ты меня вогналъ! Кабы знала бы, не вышла бы за тебя... Этакого тирана... Этакого душегуба... Ты всѣхъ насъ въ нищіе ввелъ!.. Ты сына въ

гробъ вогналъ, погляди вонъ поди, полюбуйся на сына-то!...

— Михаилъ Иванычъ! держась за его рукавъ, говорила Надя въ передней:—я не пойду къ нимъ...

— Дожили до какихъ лѣтъ! качая головою, говоритъ Михаилъ Иванычъ.—Народъ губили, теперь вотъ Господь наказываетъ, сами себя ѣдятъ; ишь грызутся...

Большею частію, при входѣ Нади, генеральша спрашивала «кто тамъ?» и тогда Надѣ приходилось цаловать ея ручку, и сидѣть у одра, слушать оханье и брань черезъ стѣну съ мужемъ. Михаилъ Иванычъ въ такое время стоялъ въ передней и злился, а когда ему приходило въ немоготу, онъ отправлялся дожидаться барышню за ворота. Но иногда имъ удавалось прямо изъ передней перебраться въ комнатку, гдѣ лежалъ умирающій Ваня, который одинъ только изъ всѣхъ полумертвецовъ Птицынскаго семейства пользовался симпатіей даже Михаила Иваныча.

Самый сильный ударъ, какой только могла нанести жена Птицына мужу, состоялъ въ упрекѣ, что онъ уморилъ сына, хотя въ погибели этого человѣка принимали одинаковое участіе и отецъ и мать Вани. Съ дѣтскихъ лѣтъ Ваня не былъ похожъ на то, что̀ его окружало. Словно испугавшись того буйства и произвола, которые царили въ его семьѣ, онъ какъ будто бы отвернулся ото

всѣхъ, притаился и пошелъ своей дорогой. У него стала развиваться страсть къ музыкѣ. Михаилъ Иванычъ помнилъ, какъ, бывало, раннимъ утромъ, маленькій, бѣлокурый, очень похожій на тощаго котенка, Ваня, боясь испугать родныхъ, осторожно пиликаетъ гдѣ-нибудь въ уголкѣ, на желтенькой скрипкѣ, купленной въ игрушечной лавкѣ за двугривенный. Но въ этомъ мірѣ грабежа и веселаго житья, такое дѣло мальчика никому не казалось дѣломъ; смурыганье нетвердаго и дряннаго смычка, пытавшагося извлечь изъ дрянныхъ струнъ и изъ дряннаго инструмента «Возлѣ рѣчки», непремѣнно сопровождалось колотушками, дерганьемъ за ухо, ударомъ въ затылокъ; мать говорила: «Что́ ты, очумѣлъ, подъ воскресенье?» и хлопала по затылку; то же самое дѣлали братья, не говоря ни слова; то же самое дѣлалъ отецъ, говоря: «учился бы лучше, по два года сидишь въ классѣ». Но поволочки эти оставались безъ отвѣта со стороны Вани; ударъ въ голову заставлялъ его жмурить глаза, каплями пота покрывалъ его лобъ съ прилипнувшими бѣлокурыми волосами; голова его, отдернутая за ухо, снова еще плотнѣе прилипала подбородкомъ къ грифу скрипки, и смычокъ все-таки пилилъ, тихо, едва слышно, но рука, державшая его, судорожно сжимала его. Этакое упрямство вооружало противъ него родныхъ; отецъ Вани, въ благодарность за то, что начальство отличило его, давъ теп-

лое мѣсто, хотѣлъ всѣхъ дѣтей повергнуть на пользу отечества, и заставилъ Ваню служить, когда ему было не болѣе шестнадцати лѣтъ. Духота канцеляріи, интересы чиновниковъ были совершенно несхожи съ тѣмъ настроеніемъ духа Вани, которое образовала въ немъ страсть. Онъ мучился этой канцеляріей, терпѣлъ тысячи оскорбленій, чахъ въ постоянныхъ попрекахъ его глупости, срамящей отца, и все молчалъ и все бился впередъ. Прямо изъ канцеляріи онъ бѣгалъ къ полковымъ музыкантамъ, заводилъ дружбу со всякимъ скрипачемъ, долго корпѣлъ по ночамъ, списывая ноты. Какихъ трудовъ стоила ему новая, порядочная скрипка, сколько нужно было времени ждать, пока соберется десять цѣлковыхъ на ея покупку, такъ-какъ мать Вани отбирала у него все жалованье, оставляя на этотъ предметъ полтинникъ въ мѣсяцъ. Его называли «гудошникъ», «скоморохъ». Тяжкая болѣзнь заставила обратить на него вниманіе родителей. Имъ было жаль его какъ сына, тѣмъ болѣе, что до отца стали доходить слухи о талантѣ его сына; какая-то проѣзжая знаменитость случайно услышала его и протрубила о немъ вплоть до скуднаго талантами Петербурга, приписывая себѣ честь открытія... Знаменитость перерыла его ноты, которыя онъ тщательно сохранялъ въ своемъ уголкѣ и откопала какія-то композиціи, въ которыхъ оказалось пропасть новаго: «Скачетъ галка по ельничку» русская

пѣсня и баллада Пушкина о спящей царевнѣ привели его въ восторгъ.

О Ванѣ заговорило музыкальное общество города, къ нему пріѣзжали губернскіе джентльмены; Ваню тащили въ люди, въ свѣтъ, его отецъ начиналъ гладить по головкѣ. Но Ваню убила радость, которую онъ перенесъ въ эти минуты, въ обществѣ онъ терялся, дѣлался дуракомъ, и больная фигура его, съ запуганными глазами, съ странными смѣшными усами, въ старомъ, задешево купленномъ, фракѣ, была не больше, какъ смѣшна. И Ваня лежалъ и умиралъ...

Комната его была вся обвѣшана лубочными картинками, изображающими смерть съ косой, адъ, геенну, страшный судъ. Онъ былъ такъ боленъ, что считалъ себя возгордившимся передъ Богомъ, виновнымъ въ непочтеніи отца и матери, которые успѣли ему доказать, что онъ глубоко грѣшилъ, играя подъ воскресенья и подъ двунадесятые праздники. Религіозный ужасъ охватилъ его въ послѣдніе дни, и онъ лежалъ обернувшись къ стѣнѣ, не говоря ни съ кѣмъ ни слова. Появленіе Нади и Михаила Иваныча не пробуждало его отъ забытья.

Несмотря на грустную картину умирающаго, въ комнатѣ Вани Надѣ было легче дышать; здѣсь было чисто и тихо; всѣ нотки и тетрадки Вани были аккуратно собраны и сложены въ одно мѣсто, и Надя любила ихъ

разбирать. Каждый листокъ въ этихъ бумагахъ говорилъ о томъ непомѣрномъ трудѣ, съ которымъ Ванѣ стоило составить себѣ маленькій уголокъ, отдѣльный отъ широкихъ нравовъ семьи. Чего нѣтъ въ этихъ бумагахъ? Вотъ случайно уцѣлѣвшій нумеръ газеты, съ фельетономъ о какомъ-то музыкальномъ вечерѣ въ Петербургѣ, — какъ тщательно и аккуратно сложенъ онъ! Авторъ его могъ бы умереть спокойно, еслибы зналъ, какъ цѣнятся, гдѣ-то въ темномъ уголкѣ, его строчки, нахватанныя, можетъ быть, ради хлѣба; вотъ портретъ какого-то музыканта, вырѣзанный изъ какого-то измятаго журнала, но онъ расправленъ старательно наклеенъ на картонъ; вотъ афиша о концертѣ, въ которомъ онъ участвовалъ въ первый разъ.

— Уморили человѣка! говоритъ Михаилъ Иванычъ, разсматривая Ванины бумажки. Надя не слышитъ его и не отвѣчаетъ. Въ рукахъ ея какіе-то лоскутки, въ верху которыхъ написано «въ газету... послать». Лоскутковъ этихъ оказывается множество. Это какіе-то отрывки изъ недоконченныхъ писемъ, разсказовъ, въ которыхъ видно неумѣнье владѣть перомъ, видно, что мысль убита у писавшаго человѣка. Но содержаніе этихъ лоскутковъ почти одинаково.

«Дуэтъ. Разсказъ П. П—на. Въ одинъ майскій вечеръ, изъ—ской улицы вышелъ на большую улицу одинъ

человѣкъ... У него была скрипка. Но въ этотъ восхитительный вечеръ молодому человѣку сдѣлали подлость. Съѣдобинъ, губернскій франтъ, оселъ, дуракъ и подлецъ, сталъ подтрунивать надъ моимъ костюмомъ, говорилъ, что у приказныхъ снимаютъ сапоги... Подлецъ!..»

Разсказъ прерывался. За нимъ слѣдовалъ другой, съ описаніемъ іюньскаго вечера, но во всѣхъ ихъ, на трехъ строкахъ, описаніе красотъ природы уступало мѣсто описанію какой-нибудь мерзости, которую откалывала передъ «однимъ человѣкомъ» либо барышня, либо барчукъ. Почеркъ послѣднихъ строкъ каждаго лоскутка ясно говорилъ о томъ, что мерзостей и гадостей сдѣлано автору въ тысячу разъ больше, нежели было красотъ во всѣ августовскіе, майскіе и другіе вечера въ мірѣ. Слушая осторожный шопотъ Нади, читавшей эти почти безграмотные, но грустные листки забитаго человѣка, Михаилъ Иванычъ и здѣсь находилъ вещи, объясняемыя его взглядами.

— Ишь, шепталъ онъ.—За что они надъ человѣкомъ издѣвались? Вотъ чужія деньги-то... Обожрутся, облопаются на нихъ—иноровятъ потѣху изъ всего сдѣлать... Развѣ имъ, середь сытости этой, понять серьезнаго человѣка? У! бормоталъ онъ, уходя вслѣдъ за Надей.

Надя уходила съ тяжелымъ чувствомъ изъ этого дома.

IV.

Продолженіе скуки и скитаній.—Супруги Печкины.

Такъ-какъ чугунная дорога все еще не достроивалась, то Михаилъ Иванычъ продолжалъ проводить время попрежнему и сталъ шататься къ Черемухинымъ, все чаще и чаще потому, что здѣсь, среди покорныхъ обстоятельствамъ людей, ему было какъ-то покойнѣе злиться. Отравленный прижимкой, о которой было обстоятельно разсказано Черемухинымъ, Михаилъ Иванычъ, однако, и здѣсь, среди покоя, не забывалъ толковать о новыхъ временахъ, о своихъ планахъ, а главнымъ образомъ о грабежѣ и разбоѣ.

— Надежда Андревна! Надежда Андревна! торопливо шепталъ онъ, догоняя Надю, гулявшую въ саду:—глянь-те-ко, вонъ взяточникъ на солнцѣ грѣется.

Надя, отъ скуки гулявшая по саду, смотрѣла куда указывалъ ей Михаилъ Иванычъ. На лавочкѣ, въ сосѣднемъ саду, сидитъ отставной чиновникъ въ халатѣ, и подставивъ солнцу спину, потираетъ ее кулакомъ и поводитъ плечами.

— Ишь, словно котъ, хмурится... Кости свои оттаиваетъ... Онъ тепериче приструненъ, а вы дайте ему оттаять, пойдетъ щелкать по карманамъ—любо два... Надежда Андревна! восклицалъ онъ чрезъ минуту. — Эво-эво... еще! Вонъ грабитель на одѣялѣ растянулся... Ишь нажевалъ утробу...

Надя разсматривала рекомендуемыхъ ей Михаиломъ Иванычемъ разбойниковъ съ тѣмъ же недоумѣніемъ и любопытствомъ, съ какимъ дѣти глядятъ, напримѣръ, на рыбу, плавающую въ корытѣ; она шевелитъ перьями, дышетъ, смотритъ и, должно быть, о чемъ-то думаетъ. И хотя существо оттаивающихъ грабителей было ей въ той же мѣрѣ незнакомо, какъ и существо размышленій молчаливой рыбы, но бормотанья Михаила Иваныча объ этихъ предметахъ внесли въ ея скуку какую-то непріятную черту. Надя слушала и смотрѣла на Михаила Иваныча только потому, что не на кого было смотрѣть и некого было слушать, и несмотря на полное почти равнодушіе къ его сужденіямъ, дѣдушки и бабушки стали скучны ей не потому только, что у нихъ духота и темнота въ комнатахъ,

а потому, что въ нихъ самихъ было что-то дурное, что они почему-то дурные люди. Улица и заборъ, видный въ окно и садъ, помимо того, что надоѣли ей своимъ однообразіемъ, получили еще какую-то особенную ненависть Нади вслѣдствіе того, что кругомъ ихъ и за ними жили и живутъ опять-таки дурные люди.

— Скука! Михаилъ Иванычь! слышите, что́ я говорю? Скука! говорила она, лѣниво проходя по комнатѣ и ложась на старый диванъ съ старинной Библіотекой для Чтенія въ рукахъ.

— Скука! ухмыляясь говорилъ Михаилъ Иванычъ, сидя, или стоя гдѣ-нибудь у протолки. — А потому что обмякла прижимка...

— Что?

— Прижимка обмякла; нѣту того грабежу... Черезъ это вы и скучаете.

— Да развѣ я кого ограбила? съ неудержимымъ смѣхомъ спрашивала Надя.

Михаилъ Иванычъ не смущался смѣхомъ и отвѣчалъ:

— Вы не грабили-съ, а жениховъ стало меньше... вотъ изъ-за чего и скука. Въ прежнее время женихъ былъ охочь; доходъ съ простаго человѣка у него вѣрный, онъ бралъ даму, не боялся... Первое дѣло, безъ дамы ему нельзя. Второе дѣло, ему одному не разорваться: онъ

хватаетъ, жена должна прятать, выходитъ семейный домъ... И дѣвицы, женскъ полъ, скуки не знали. Потому мало-мало въ возрастъ пришла которая, сейчасъ сѣла къ окошечку съ шитьемъ, для блезиру, анъ ужь грабитель-то и подползаетъ... Анъ ужь онъ гдѣ-нибудь пошевеливается... Ужь онъ гдѣ-нибудь тутъ, близу... Ну, и свадьба, и пошла дѣвица домой, пошла она въ чуланъ таскать цыплятъ дареныхъ. Только у васъ и дѣла... И скуки нѣту... А теперь трудно этакъ-то...

«Поеживается», «пошевеливается» и другія фразы свойственныя простому званію Михаила Ивановича, смѣшили Надю; посмѣявшись надъ ними, она снова углублялась въ чтеніе глупѣйшаго романа, по имени «Вѣтка фуксіи», и какъ-то, почти безъ собственной воли, снова задавала Михаилу Иванычу вопросъ.

— Какъ будто только и дѣло, что цыплятъ таскать? говорила она, не глядя на Михаила Иваныча и переворачивая слѣдующую страницу.

— Да больше у васъ дѣловъ и нѣту... Какія у васъ, у благородныхъ, дѣла? Все у васъ готовое, заботы вамъ нѣтъ; приходитъ супругъ изъ должности, вы его успрашиваете: «Хорошо ли, душенька, услужилъ?» И въ губы его... «А онъ въ каторжную работу сослалъ двадцать персонъ». И на оборотку васъ въ губы... Какія у васъ дѣла?..

Надя едва улыбается на этотъ отвѣтъ Михаила Иваныча и окончательно забываетъ его, заинтересовавшись героиней романа. Романъ прочтенъ; Надя снова ходитъ по хозяевамъ, разговариваетъ съ солдатомъ, смотритъ, какъ хозяева кормятъ куръ, считаютъ цыплятъ, и вдругъ опять, среди этой скуки, неожиданно припоминаются слова Михаила Иваныча: «какія у меня дѣла? думаетъ она. Не оттого ли скука, въ самомъ дѣлѣ, что жениховъ нѣту!».. Она думаетъ; ничего не придумываетъ, и глядишь, при слѣдующемъ появленіи Михаила Иваныча, снова задаетъ ему вопросъ:

— А если я не хочу вашихъ жениховъ?

— А вамъ этого нельзя... Женихъ требуется, только онъ очень мудренъ нонче сталъ, вывелся... А безъ жениха вамъ невозможно. Потому вы такъ прилажены...

— Какъ я прилажена?

— А такъ, чтобы на чужое жить... Тепериче маменька васъ кормитъ, одѣваетъ, а замужъ выйдете—супругъ станетъ награждать... Вы такъ пріучены... Въ прежнее время въ вашемъ званіи всѣ на чужое жили... Вы извольте взглянуть на прабабушку вашу... Имъ, можетъ быть, сто годовъ, онѣ чуть дышутъ, а очнутся—первымъ долгомъ лопочетъ: «въ карманъ-то норови!» Ишь вѣдь-съ! Съ малыхъ дѣнь все на чужое пріучена... Или опять, дѣдушку вашего возьмемъ съ бабушкой. Дожили они до вѣку, до

шестидесяти лѣтъ, и нѣтъ у нихъ другихъ словъ между собой, окромѣ ругательствъ... Чай сами слышали, какъ она его честитъ... А потому, что ей скука. Покуда на чужое жили, покуда таскали ей дары, напримѣръ, она и мужа любила, и жила весело. Какъ чужой карманъ изъ рукъ ея выхватили,—они врозь. И помянуть имъ на старости нечего... А кабы они своимъ трудомъ кусокъ-то брали, кабы въ однѣхъ оглобляхъ-то шли, небось бы нашлось, что̀ въ эдакомъ преклонѣ вспомянуть... А то вонъ набрасывается на всѣхъ, только и всего... Дѣловъ никакихъ не было,—вотъ изъ-за чего...

— У васъ все никто ничего не дѣлаетъ! У васъ всѣ на чужое...

— Обнаковенно! Вашъ дяденька-то, Иванъ Петровичъ, вонъ умираютъ, а по какому случаю? потому что надъ ними потѣшались въ людяхъ, не понимали ихняго сурьезу... Сами читали въ сочиненіяхъ у нихъ... Развѣ я, примѣрно, посмѣю эдакъ-то хаить человѣка, какъ они его хаяли? А потому, что съ чужаго, съ жиру... Имъ бы только баловаться... И баловались всѣ... Какъ же не всѣ-то-съ? Изъ-за чего мы ободраны?

Тутъ начинался длинный разсказъ о прижимкѣ, котораго Надя почти не слушала, ибо Михаилъ Иванычъ успѣлъ уже изложить его нѣсколько разъ. Но скука ея еще болѣе дѣлалась содержательною. Непреложные ре-

зультаты всеобщаго ничегонедѣланія, которые она видѣла собственными глазами, посѣщая дѣвушекъ, заставляла ее снова адресоваться къ Михаилу Иванычу.

— А у меня есть дѣло? вдругъ спрашивала она его.

— Какое у васъ дѣло? У васъ нѣту. Кабы вы были простаго званія, у васъ бы было дѣло. У простаго человѣка дѣловъ много... Онъ скуки не знаетъ... Никто не привидывалъ, чтобы, напримѣръ, мужикъ шатался, да валялся этакъ-то, да зѣвалъ: «мнѣ скучно!» Отродясь и не было такого мужика... У простаго человѣка забота, — скуки нѣту... Дѣла у него...

— Какія дѣла?

— Мало ли дѣловъ-съ! Дѣловъ простому человѣку много... Возьмите вонъ Авдотью, у дѣдушки служитъ. Башмакъ на ней надѣтъ — онъ у ней свой! Надыть его выработать... Вотъ она годъ цѣлый ворочаетъ корчаги, да ушаты,—и сошьетъ башмаки... вотъ дѣла...

И Михаилъ Иванычъ высчитывалъ множество простонародныхъ дѣлъ, вращавшихся въ области «обужи» и «одёжи» и прочихъ, незамысловатыхъ предметовъ. Надя высказывала сомнѣніе на счетъ того, чтобы кухаркѣ было особенно весело среди этихъ дѣлъ; на что Михаилъ Иванычъ приводилъ тотъ доводъ, что хотя кухаркѣ и не весело, но за то ея и не клянетъ никто такъ, какъ клянутъ ея дѣдушку, жившаго гораздо веселѣй кухарки...

Въ подтвержденіе своихъ словъ о вредѣ этого веселья на чужой счетъ, онъ приводилъ еще и тотъ фактъ, что дѣдушка Нади не можетъ умереть въ теченіе пяти лѣтъ,—обзавелся болѣзнями, которыхъ не узнаютъ доктора, тогда какъ съ простымъ человѣкомъ ничего этого, будто бы, не бываетъ.

Не смотря на односторонность взглядовъ Михаила Иваныча, бормотанье его о грабежахъ и разбояхъ сдѣлало то, что въ головѣ Нади зашумѣлъ цѣлый рой совершенно новыхъ для нея размышленій. Прежде всего почему-то оказывалось, что скука ея происходитъ оттого, что нѣтъ жениховъ; но если и случится женихъ то ей придется заниматься какими-то злодѣйскими и гадкими дѣлами,—примѣромъ чему дѣдушка и бабушка и умирающій Ваня. Причина всѣхъ этихъ злодѣйствъ,—чужія деньги. Надо имѣть свои. Своихъ нѣтъ. Свои у кухарокъ, у кучеровъ. У нихъ нѣтъ скуки. Неужели надо идти въ кухарки?

Такимъ образомъ результаты, добытые Михаиломъ Иванычемъ среди житья въ области прижимки, оказались пригодными для тѣхъ лицъ, нравы которыхъ въ прежнее время держались этой прижимкой, слагались, благодаря ей, въ извѣстныя формы, и которые уничтожились, развалились сами собою, вслѣдствіе того, что прижимка об-

мякла. Новое время незамѣтно строитъ новые нравы, и никакой Михаилъ Иванычъ въ мірѣ не подозрѣваетъ того, что бормотанье его о чужихъ деньгахъ, о жизни на чужой счетъ можетъ заставить кого-нибудь крѣпко задуматься; точно также, какъ никакая Надя, изъ числа множества подобныхъ Надей на русской земли, съ тоскою и томленіемъ проводящая дни за днями, рѣшительно не подозрѣваетъ, что время донесетъ къ ней, устами какого-нибудь Михаила Иваныча, такія думы и тосковань, о существованіи которыхъ она и слыхомъ не слыхала.

Съ теченіемъ времени, изъ множества запутанныхъ вопросовъ началъ особенно вылегать одинъ, и именно на счетъ того, что почему-то дѣйствительно требуется женишка. Въ томъ одинаково были согласны и мать, и солдатъ, и хозяинъ, и Михаилъ Иванычъ; всѣ они хоромъ вопіяли о необходимости этого предмета, помощію котораго всѣ вопросы разрѣшаются во мгновеніе ока. Все это сердило Надю. Но скоро къ этому хору присовокупился еще новый голосъ, который съумѣлъ такъ повернуть дѣло, что Надя даже стала бояться пренебрегать женихами.

Голосъ этотъ принадлежалъ Аринѣ — закладчицѣ. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что Черемухина была ей «подвержена» вслѣдствіе заклада ей воротника, Арина стала отъ времени до времени посѣщать ее, дабы въ то

же время потѣшить себя созерцаніемъ ея раззоренія. Входила она обыкновенно раскачиваясь и охая, и полагая при этомъ, что такъ именно поступаютъ благородныя дамы и богатые люди. Жеманно поздоровавшись съ Черемухиной, она, кряхтя, усаживалась на старинное кресло и вступала въ разговоръ.

— Ну, какъ живете? утомленнымъ голосомъ говорила она.—Эко бѣдность-то у васъ какая!.. Чать жить-то вамъ нечѣмъ?..

— Мы пенсію получаемъ, не глядя на Арину отвѣчала Черемухина и старалась скрыть свой гнѣвъ въ вязальныхъ спицахъ, которыя необыкновенно проворно начинали ходить въ ея рукахъ.

— Велика ваша пенсія! чать копѣйку какую выдаютъ... Нонѣ, братъ, оченно трудно вамъ... Такъ-то-ся... Что-жь дочку-то замужъ норовишь?..

— Не вѣкъ же въ дѣвкахъ ей сидѣть...

— Ну, мудрено это для васъ!.. Кто ее возьметъ, нищую-то?

— Не все милліонщицы...

— Ну, и безъ гроша-то тоже не очень много охотниковъ найдется... За дьячка, пожалуй, выдашь...

— Придется, и за дьячка! соглашалась, скрѣпя сердце, Черемухина, чтобы хоть какъ нибудь зажать этотъ злой ротъ.

— Чему приходиться-то? Приходиться-то нечему, и такъ выдать не минешь. Чему тутъ приходиться? Нонѣ, братъ, не то время! Не старое, сударыня, время стоитъ. Въ прежнее время съ доходовъ, сколько хошь жонъ набери, по тыщи дитёвъ въ годъ рожай, всѣмъ хватитъ... Ну, теперь не очень-то!.. Много тоже изъ вашего брата пошло на улицу молодцовъ закликать... Вонъ у насъ генеральская дочь, а глянько-съ, день въ день по утрамъ домой приходитъ, шатается... Такъ-то-ся... Кто ее возьметъ? заключила она, кивая на Надю и вглядываясь на нее весьма несимпатичнымъ взглядомъ.

Налюбовавшись надъ раззореніемъ Черемухиныхъ, Арина, наконецъ, поднималась съ кресла, говоря, что «посидѣла бы, да вишь стулья-то у васъ еле-живы... голову свихнешь», и уходила.

— Эко бѣдность-то, бѣдность-то какая!.. шептала она приэтомъ, и покачивая головою, оглядывала всѣ углы въ жилищѣ Черемухиныхъ.

Такія посѣщенія Арины сдѣлались все чаще и чаще, и благодаря ея разговорамъ объ участи Нади и о томъ, что ея никто не возьметъ, «женихъ» принялъ въ глазахъ послѣдней какое-то неотразимое значеніе. Тонъ, которымъ говорила Арина, очень близко подходилъ къ тону ругательства, и слушая эти ругательства, Надя какъ-то перепугалась своего положенія. Не зная, почему ее бра-

нятъ, и не зная, какъ «заслужить одобреніе», т. е. пріобрѣсть хоть сколько нибудь спокойное состояніе духа, она, благодаря разсужденіямъ Арины, потеряла всякую надежду достигнуть этого съ помощію даже жениха, ибо оказывается, что ее еще и не возьметъ никто.

«Кто ее возьметъ?..» звучало въ ея ушахъ даже въ просонкахъ.

И если принять въ разсчетъ обстановку Нади, томившейся среди какого-то захолустья, биткомъ набитаго отживающими людьми, къ которымъ сама собою уничтожилась всякая симпатія, то будетъ понятно, почему въ это время Надя охотно бы вышла за любаго, пожелавшаго сдѣлать ей предложеніе. Беззащитность ея положенія и ея вопросовъ была до того велика, что ради необходимости какъ нибудь разрѣшить ее, она стала даже ободрять себя въ намѣреніи выйти поскорѣе замужъ, подкрѣпляя это намѣреніе тѣмъ, что дѣдушка и бабушка, нравы которыхъ сдѣлались для нея страшными, — старики, умирающіе люди, и что молодые живутъ не такъ.

Это намѣреніе было бы приведено въ исполненіе самымъ поспѣшнымъ и самымъ легкомысленнымъ образомъ, еслибы не кое какое случайное столкновеніе съ жизнью.

V.

ЗЕМНОЙ РАЙ.

Въ этомъ смыслѣ, прежде всего, оказало помощь Надѣ семейство Печкиныхъ; съ этою фамиліею Надя познакомилась, во-первыхъ, потому, что Софья Васильевна, жена Печкина, оказалась подругою ея дѣтства, а во-вторыхъ потому, что сваха отозвалась о Печкиныхъ почти съ благоговѣніемъ.

— Пройди ты всю подвселенную, нигдѣ ты этого раю земнаго не сыщешь!.. говорила она Надѣ:—Софья-то Васильевна — вотъ какъ ты же сирота, еще голѣй тебя была, а теперь глядь-ко-сь!.. Ровно принцесса живетъ... Да что ей? Ни о чемъ заботушки нѣту, живетъ замужемъ, ровно за каменной горой, даромъ что за не очень-то молодаго выскочила...

Въ словахъ свахи скрывалась тайная цѣль возвеличить пожилаго телеграфиста съ рыжими волосами и съ полупольскимъ выговоромъ; но Надю, главнымъ образомъ, интересовало видѣть подругу, съ которой она не видалась съ тѣхъ поръ, когда еще маленькими дѣвочками онѣ катались на салазкахъ и которая теперь живетъ въ земномъ раю; да и скука, требовавшая чего нибудь новаго, кромѣ бормотаній Михаила Иваныча о грабежахъ, тоже въ достаточной степени помогла скорѣйшему посѣщенію земнаго рая. Михаилъ Иванычъ, знавшій Печкина, какъ посѣтителя трифоновской лавки, взялся ее проводить туда.

Узенькій переулокъ, гдѣ былъ рай, привѣтствовалъ нашихъ путниковъ, помимо пустынности и тишины лѣтняго полдня, длинными заборами, тянувшимися по одной сторонѣ его и нѣсколькими домами, смотрѣвшими въ эти заборы съ другой стороны; наглухо захлопнутыя и мертвомолчаливыя ворота дома Печкиныхъ, съ своей стороны, прибавили нѣкоторую дозу тяжести къ тому тяжелому впечатлѣнію, которое производилъ переулокъ. Но скука Нади, жаждавшая какого нибудь исхода, съумѣла перетолковать эту смерть, носившуюся по переулку и вѣявшую отъ воротъ, какъ плотную ограду жизни, болѣе веселой, нежели ея жизнь.

Помощью веревки, протянутой черезъ заборъ къ коло-

кольчику, изъ нѣдръ рая были извлечены предварительно нѣсколько собакъ, оскаленныя, захлебывающіяся рыла которыхъ внезапно появились въ десяткахъ, незамѣченныхъ до сихъ поръ дыръ: въ заборахъ, въ подворотняхъ, на вершинѣ заборовъ, и проч. Стараніями Михаила Иваныча и кухарки, отворившей ворота, полчища, охранявшія райскія двери, были разогнаны.

— Дома барыня? спросила Надя кухарку.

— Гдѣ имъ быть... Сталъ-быть дома...

— Что́ она дѣлаетъ?

— Что̀ ей дѣлать? Почиваютъ поди — либо такъ...

— Дѣлать ей нечего, обнаковенно, подбавилъ Михаилъ Иванычъ.

— Обнаковенно! согласилась кухарка: дѣловъ у нихъ нѣту никакихъ, живутъ ровно королевны... рай земной.

Говоря такъ, она, между тѣмъ, съ большими усиліями отнимала отъ двери сѣней довольно основательную дубину, которою двери эти были приперты, и когда дубина была брошена на землю, кухарка прибавила:

— Ишь вогналъ какъ, — насилушки одо́лѣла...

— Кто это? сдѣлавъ шагъ въ сѣни, не могла не спросить Надя.

— Да это нашъ... баринъ... улыбаясь отвѣчала ку-

харка... Бережетъ ее... чтобъ не было ей безпокойства... Тоже боится, не ушла бы...

— Какъ не ушла?

— Да такъ ему взбрело: не ушла бы, молъ... Такъ. А куды ей уйти-то?.. Коли бы у нее дѣло... а то... куды ей?.. Ей и такъ некуда... Никакой заботы нѣту, ровно царица...

Михаилъ Иванычъ не упустилъ случая поддакнуть при словахъ кухарки «кабы дѣло» и упомянулъ на счетъ того, что молъ на чужое... Но Надя сначала посмотрѣла на нихъ на обоихъ, и словно задумавшись, тихо пошла вдоль пустынныхъ сѣней. Шаги ея сдѣлались еще тише, какъ будто даже боязливѣе, когда тяжелая дверь, обитая войлокомъ, ввела ее въ переднюю, въ которой, кромѣ темноты со всѣхъ сторонъ, пахнулъ на нее спертый тяжелый воздухъ, съ запахомъ сырой гнили. Надѣ хотѣлось кашлянуть, но тишина остановила ее отъ этого... Та же тишина и тотъ же воздухъ преслѣдовали ее въ двухъ, трехъ комнатахъ, по которымъ она шла вслѣдъ за кухаркой, и гдѣ декорація рая состояла изъ продавленныхъ стульевъ, пыли на пошатнувшихся столахъ, зеркала съ портретомъ дамы наверху, картинъ, въ родѣ схимника, посѣщаемаго Александромъ Благословеннымъ, зеленыхъ сторъ, пожелтѣвшихъ снизу и въ десять разъ уменьшавшихъ то количество свѣта, которое

за минуту ощущала Надя на улицѣ. Словно туча вдругъ нанеслась на ясное небо, когда она вошла въ этотъ рай, и она совершенно испугалась, вмѣсто того, чтобы обрадоваться, когда кухарка вдругъ довольно громко произнесла:

— Вотъ они... Пожалуйте... Почивали.

На широкой кровати, съ измятой периной и множествомъ толстыхъ подушекъ, возсѣдало какое-то растрепанное существо съ развязавшейся косой, спутанными на лбу волосами и необыкновенно, почти смертельно, испуганными глазами. Изъ-подъ желтой, покрытой пятнами блузы, съ распахнутымъ отъ горла донизу разрѣзомъ, высовывались ноги, изъ которыхъ на одной чулокъ спускался почти до полу, а на другой его не было совсѣмъ; королевна или принцесса, словомъ, обитательница земнаго рая, упиралась руками въ перину, что̀ вмѣстѣ съ ужасающимъ выраженіемъ глазъ, напоминало человѣка, надъ которымъ внезапо грянулъ громъ, раздался выстрѣлъ. При видѣ этого существа, Надя остановилась въ нѣкоторомъ изумленіи, и въ комнатѣ нѣкоторое время царствовала бы мертвая тишина, еслибы не залегшій во время сна носъ королевы, который прорѣзывалъ эту тишину разнотонными, отрывистыми звуками.

— Непривычны они, объясняла кухарка этотъ испугъ барыни и ея выраженіе лица. — Живутъ въ спокоѣ, ни-

какого страху не знаютъ... и вспужались... Вы обождите, они отойдутъ, потому, оченно большой спокой имѣютъ...

— Соня... Соничка! съ робостью начала Надя; но прежде, нежели ей удалось расшатать это райское спокойствіе, ей нужно было не робкимъ, но усиленно-громкимъ голосомъ повторить, что «помнишь-ли... Надя!.. Я Надя, Черемухина... На салазкахъ-то...» Нужно было также потрогивать Софью Васильевну за плечо, за руку... Но когда Софья Васильевна, наконецъ, поняла, въ чемъ дѣло, и нѣсколько разъ поцаловалась съ Надей, крѣпко ее обнимавшей, испугъ ея съ внезапною быстротою замѣнился слезами, которыя хлынули цѣлымъ потокомъ, какъ вода на прорвавшейся плотинѣ... Лицо и корпусъ Софьи Васильевны, продолжавшей сидѣть на кровати, какъ-то вдругъ осѣли, раздались въ стороны, сдѣлались шире, и по всей ихъ ширинѣ бушевалъ потокъ слезъ неудержимо. Обиліе воды было до того ужасно, что Надя невольно выпустила подругу изъ своихъ объятій и отошла къ сторонѣ, словно боясь замочить ноги.

— Непривычны, объяснила кухарка: — ни заботы, ни печали не знаютъ... Живутъ какъ въ раю... вотъ слезъто и набралось... Вы обождите; они схлынутъ...

Надя рѣшилась переждать, когда все это кончится, и при видѣ этого невѣроятно-громаднаго испуга и этого

невѣроятно-громаднаго рева, среди котораго Софья Васильевна могла произнести «Мил...лая... Надь... на... ми...», ей стало почему-то досадно. Во всемъ этомъ не чуялось ею даже и того ничтожнаго интереса и смысла, которые все-таки были въ захолустьѣ, гдѣ жила Надя. Эта досада, уменьшившаяся по мѣрѣ того, какъ слезы начали мало по малу пересыхать на распу́хшемъ и раскраснѣвшемся лицѣ Софьи Васильевны, — вдругъ была еще болѣе усилена появленіемъ новаго лица. Среди новыхъ восклипываній Софьи Васильевны, донесся изъ передней крикливый, разсерженный, но старческій и дребезжащій голосъ ея супруга.

— Кто такой? Ты что? Что такое? Это что? Что это такое?.. бормоталъ онъ, натыкаясь на распертыя двери крыльца, на валяющееся полѣно, и съ изумленіемъ встрѣчая въ передней фигуру Михаила Иваныча.

— Что ты? Что ты орешь? донесся до Нади неменѣе злобный отвѣтъ Михаила Иваныча, который не могъ относиться къ Печкину равнодушно, зная его мнѣнія по трифоновскимъ бесѣдамъ. — Съ барышней пришелъ, что орешь-то?.. Колупнуть не дали...

— Что мнѣ съ барышней? Что такое—съ барышней? Мнѣ плевать! Я боленъ... Съ барышней, съ барышней... что такое? въ чемъ дѣло?.. Расперто!.. Что такое? Софья! Софья!.. Что такое?..

Слова эти, раздавшіяся почти одновременно въ передней, въ залѣ, гостиной, вмѣстѣ съ торопливыми звуками шаговъ, наконецъ раздались и вблизи Нади, въ спальнѣ, гдѣ на порогѣ появился Печкинъ, длинный и дряблый чиновникъ, съ растерянным, кислымъ и осерженнымъ лицомъ. Не обращая на Надю никакого вниманія, онъ бросилъ шапку, фильдекосовыя перчатки, скинулъ сюртукъ и все время вопилъ:

— Что это такое? Акулина! Сонь! Боленъ я! Господи!..

— Дай ей съ барышней-то повидаться, усовѣщевала Печкина кухарка.

— Что такое? Барышня! Что мнѣ барышня? Съ барышней, съ барышней... Я боленъ... Говорю вамъ—баба сглазила... Господи!.. Росперто... растворено... Да сдѣлайте милость... Софья! Баба слопала. О, Боже мой!.. Спрысни!.. Спрысни ради Христа!

Сердитая чушь, которую Печкинъ сыпалъ не переставая и, сопряженный съ этою чушью, гвалтъ заставилъ Надю уйдти въ другую комнату. Отсюда она съ большимъ испугомъ глядѣла на этихъ людей, обитателей рая, кропившихъ и брызгавшихъ другъ друга святой водой, сердившихся, кричавшихъ, испуганныхъ и, въ помраченіи ума, натыкавшихся одинъ на другаго. Все это до того изумило ее, что она, издали сказавъ Софьѣ Васильевнѣ

«прощай», «приду», бѣгомъ бросилась вонъ изъ комнаты.

— Михайло Иванычъ! крикнула она ему въ какомъ-то изнеможеніи, и тотъ, отвѣчая на отчаяніе, слышавшееся въ ея голосѣ, бросился вслѣдъ за ней.

Очутившись на улицѣ, Надя перевела духъ и, взглянувъ на Михаила Иваныча, сказала:

— Господи! Что это?..

— Черти! отвѣчалъ Михаилъ Иванычъ. — Облопались... Сглазила! Эшь вѣдь, что выдумаетъ! сглазить этакого дьявола... Ему зацарапать нечего въ ла-апу!..

На этотъ разъ обыкновенныя бормотанья Михаила Иваныча на счетъ грабежей не казались Надѣ скучными; напротивъ, они освѣжали ея голову, пораженную сценами райской жизни, обставленной припертыми воротами, одурѣвшими людьми.

А въ сущности будущность Нади едва-ли могла быть лучше участи Софьи Васильевны, которая дѣйствительно пользовалась самымъ лучшимъ положеніемъ, какое только возможно въ томъ кругу, гдѣ живутъ не трудясь. До замужества съ Печкинымъ, полтора года тому назадъ, Софья Васильевна имѣла рѣшительно тѣ же самые шансы на самостоятельную жизнь, какъ и скучавшая въ настоящее время Надя. По выходѣ изъ пансіона, она, какъ сирота, жила у вдовой пожилой тетки, гдѣ занятія ея со-

стояли въ томъ, что она тихонько ходила изъ комнаты въ комнату, тихонько читала «Юрія Милославскаго», тихонько поливала цвѣты. Были ли у нея какіе-либо планы на счетъ будущности — рѣшительно неизвѣстно; пансіонская наука, представлявшая смѣшеніе Гибралтаровъ съ заповѣдями и Мамаевъ съ перешейками, особенно опредѣленныхъ цѣлей въ жизни ей не дала, сдѣлавъ изъ нея существо, о которомъ, при самомъ тщательномъ наблюденіи, можно было сказать только то, что она румяная и добрая... Все это, такъ сказать, обязывало Софью Васильевну отнюдь не дѣлать шагу на томъ пути, гдѣ ничего не могутъ сдѣлать перегорѣвшія въ огнѣ руки Михаиловъ Иванычей, и идти только туда, куда ее поведутъ и гдѣ ей помогутъ. И вотъ является какой-нибудь руководитель, которому нужна жена, беретъ ее, ведетъ въ свой домъ и наполняетъ пустой сосудъ собственными интересами. И каковы бы ни были они, всякая Софья Васильевна должна быть несказанно благодарна за нихъ, ибо чѣмъ бы могла наполнить она свое существованіе, еслибы у мужа не было охоты водить куръ, еслибы онъ не любилъ драться, напиваться, еслибы не направилъ взятаго имъ автомата къ интересамъ толкотни на базарѣ, крика съ торговками, дебоша съ кухаркой по случаю пропавшаго куска сахару? И если принять въ разсчетъ, что путь, по которому должны идти всѣ имѣющія въ запасѣ одинъ

только румянецъ, усѣянъ дебошами супруговъ, увѣчьями и прочими ужасами захолустной тишины, то положеніе Софьи Васильевны дѣлается дѣйствительно райскимъ, ибо Павелъ Иванычъ Печкинъ, взявшій ее для собственной надобности, избавилъ ее отъ всѣхъ вышеупомянутыхъ терній, ибо женился на ней въ то время, когда всякая возможность къ интересамъ, вращающимся между курами и пьяными драками, была устранена.

До сорокапятилѣтняго возраста Павелъ Иванычъ не чувствовалъ крайней необходимости въ супругѣ, такъ-какъ, принадлежа къ числу людей, успѣвавшихъ по службѣ и не употребляя водки, онъ одинъ вилъ свое гнѣздо, при самой незначительной помощи толстой и жирной бабы, которая жила у него единственно только для порядка. Тщательность, съ которою Павелъ Иванычъ вникалъ въ цѣлость кусковъ сахара и копѣекъ, придержанныхъ бабою у себя во время покупки провизіи, дѣлала его самаго болѣе похожимъ на бабу, нежели на чиновника. Благодаря этой рачительности, у него выросъ собственный домъ, собственное хозяйство, и благосостояніе вообще достигло до такой степени совершенства, что въ помощницѣ или женѣ не чувствовалось ни малѣйшей надобности; только нѣкоторые порывы жирной бабы, норовившей, по временамъ, отправить въ деревню «къ своимъ» какую-нибудь ложку, или носовой платокъ цѣною въ

гривенникъ, заставляли отъ времени до времени вступать въ разговоры со свахой на счетъ невѣстъ, но, благодаря находчивости бабы (у которой въ Москвѣ, въ воспитательномъ домѣ, было нѣсколько ребятъ), всѣ непріятности съ бариномъ улаживались, устранялись и переговоры со свахой оканчивались ничѣмъ. И Павелъ Иванычъ никогда бы не задумался на счетъ женитьбы серьёзно, еслибы руководствовался интересами исключительно хозяйскими и еслибы духъ времени не ворвался въ среду его установившагося міросозерцанія. Необходимо замѣтить, что внутренній міръ Павла Иваныча былъ до сего времени тоже въ полномъ благосостояніи: онъ никогда не думалъ о томъ, почему, напримѣръ, начальство можетъ получать двойные прогоны, распекать, выгонять, гнуть въ бараній рогъ и проч., а онъ, Павелъ Иванычъ, ничего этого дѣлать не можетъ. Почему онъ, отправляясь на службу, долженъ строчить разныя бумаги, брать взятки, вытягиваться передъ совѣтникомъ, и почему должны ему давать эти взятки, требовать вытяжки и проч. Павелъ Иванычъ принялъ все это съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ люди убѣждаются, что солнце, напримѣръ, свѣтитъ, что подъ ногами земля, надъ головой небо; объ этомъ даже и не думаютъ. Павелъ Иванычъ дѣлалъ все это исправно и жилъ поэтому весьма счастливо до тѣхъ поръ, пока время не пошатнуло этого мі-

росозерцанія. Съ нѣкоторыхъ поръ стало оказываться, что взятка—вещь гнусная и что Павелъ Иванычъ подлецъ, тогда какъ онъ считалъ себя честнымъ человѣкомъ. «Развѣ я что укралъ?» говорилъ онъ въ подтвержденіе этого. Начальство, которое прежде только распекало, которое прежде отличалось опытностью и дряхлостью, стало замѣняться какими-то щелкоперами, которые носили пестрые брюки, курили въ присутствіи сигары, не брили бородъ, выгоняли вонъ безъ суда и слѣдствія, не желали видѣть доказательства честности въ безпорочной пряжкѣ. Все это и множество другихъ либеральныхъ реформъ, похожихъ на снисхожденіе къ пестрымъ брюкамъ, вломились въ умственный міръ Павла Иваныча и произвели въ немъ первыя потрясенія; Павелъ Иванычъ впервые сталъ ощущать тоску, возвращаясь изъ должности въ лоно своего благоустроеннаго хозяйства; впервые подъ ея вліяніемъ онъ сталъ ощущать, что разговоры послѣ обѣда съ бабой о разныхъ разностяхъ, которые въ прежнее время онъ такъ любилъ, не идутъ къ дѣлу и не помогаютъ. Какъ человѣкъ набожный, онъ возлагалъ большую надежду на помощь Божію, надѣясь, что всѣ эти брюки, честности и бороды прейдутъ, ибо посылаются въ наказаніе народамъ за беззаконія и блудную жизнь, но въ сущности это были только самые легкіе удары начинающагося землетрясенія. За бородами и проч. пришли

времена, когда вдругъ мужики перестали давать взятки. Въ былое время, Павелъ Иванычъ напишетъ бумажку и знаетъ, что ему сейчасъ дадутъ и что потомъ это даяніе онъ положитъ въ карманъ; а тутъ пришло такъ, что онъ только пишетъ бумажки, а въ карманъ ничего не кладетъ и не знаетъ, чѣмъ занять оскорбленную руку. Затѣмъ, пошли новые суды, неповиновеніе въ народѣ и, въ томъ числѣ, кухарки—все это вмѣстѣ внесло въ душу Павла Иваныча множество самыхъ непримиримыхъ вещей; не говоря о существѣ этихъ вещей, можно указать только на силу ихъ томительности, исходившей изъ того, что Павелъ Иванычъ принужденъ былъ всѣми этими новизнами къ размышленіямъ о чемъ-то такомъ, о чемъ онъ прежде и не думалъ. Ради забвенія этой тоски, съ которою непосредственно соединялась боль въ спинѣ и крестцѣ, ломота костей, нытье рукъ и ногъ, Печкинъ сталъ шататься въ лавку Трифонова, которая уже успѣла прославиться своими успокоительными свойствами, но у Трифонова хотя и было очень много вещей, совершенно не напоминавшихъ современности, однако же, не получалось и полнаго успокоенія, потому что и сюда, отъ времени до времени, залетали слухи о фальшивой монетѣ, о желѣзной дорогѣ... Въ концѣ концовъ все это до того повалило Павла Иваныча, до того уронило его въ собственномъ уваженіи, что требовалось нѣчто весь-

ма основательное, дабы привести въ порядокъ душу Павла Иваныча.

Онъ рѣшился жениться, обновить свою жизнь; для этого онъ пошелъ и взялъ Софью Васильевну, которой самой некуда было идти и которая безъ посредства Павла Иваныча должна бы была погибнуть, какъ муха, или весь вѣкъ потихоньку поливать цвѣты и утрачивать румянецъ. Румянецъ этотъ первоначально былъ поражонъ благополучіемъ въ лицѣ 45-тилѣтняго Павла Иваныча и сталъ громко и горько плакать, но когда былъ поставленъ подъ вѣнецъ и спрошенъ: «согласны ли?», то отвѣчалъ, что «согласенъ». Послѣ этого онъ пересталъ плакать, сказалъ себѣ «ну, чтожь!», окаменѣлъ, одеревенѣлъ и, въ качествѣ пустаго сосуда, началъ наполняться интересами супруга. Окамененіе и одеревененіе являются прямымъ результатомъ житья подъ чьею-либо властью; Софья Васильевна не могла избѣгнуть его, но за то самая власть, взявшая ее, была изумительно ничтожна: она требовала только одного, и именно только того, чтобы Софья Васильевна признавала ее за эту власть въ то время, когда всѣ считаютъ ее за ничто. Софьѣ Васильевнѣ незачѣмъ было безпокоиться, что мужъ пьянъ и разобьетъ голову, прибьетъ ее и проч.—Павелъ Иванычъ не пилъ ни одной капли; незачѣмъ было ей тревожиться хозяйствомъ, устройствомъ спокоя, благоденствія — все это

было устроено прежде ея прихода: ей нужно было только слушать ропотъ Павла Иваныча на современность и лучше, ежели бы она не понимала его. Софья Васильевна была счастлива и въ этомъ отношеніи, ибо ропотъ Павла Иваныча былъ лишонъ всякой логики. Разозленный, напримѣръ, сразу множествомъ новыхъ явленій, онъ въ бѣшенствѣ ходилъ по комнатѣ и вопіялъ:

— Желѣзная дорога! Ну, что такое желѣзная дорога? Желѣзная дорога, желѣзная дорога!.. А что такое? въ чемъ дѣло?.. Неизвѣстно!

Отвѣчать что-нибудь на такія фразы или возражать на нихъ—вещь весьма небезопасная, ибо Павелъ Иванычъ и сердится на желѣзную дорогу собственно только потому, что она, наряду съ другими явленіями, тоже какъ будто возражаетъ ему и мѣшаетъ съ прежнею ясностью видѣть кругомъ себя. Софья Васильевна не понимаетъ ничего и молчитъ. А Павлу Иванычу легче, его слушаютъ.

Такимъ образомъ, у Софьи Васильевны не оказывалось никакой заботы слушать брюзжанія Павла Иваныча, и слѣдовательно, румянецъ ея и знакомство съ перешейками, нашли самый подходящій пріютъ для себя, тѣмъ болѣе подходящій, что одеревененіе Софьи Васильевны уничтожило и ту тѣнь труда, которая могла за-

ключаться въ заботѣ слушать Павла Иваныча. Она слушала его и не слыхала ничего и это было отлично...

Такъ и пошла ея райская жизнь.

Избавленная отъ всякихъ заботъ и трудовъ, Софья Васильевна могла спать, просыпаться, обѣдать и опять спать; окамененіе ея росло и дѣлалось способнымъ воспринять съ твердостью камня самыя раздражающія брюзжанія Павла Иваныча, дѣлало ихъ даже незамѣтными, несмотря на то, что, согласно съ безпрестаннымъ наплывомъ новыхъ явленій, оно дѣлалось какъ-то безтолковѣе и длиннѣе. Разоренный умъ Павла Иваныча, ободренный сначала появленіемъ Софьи Васильевны, съ теченіемъ времени снова почувствовалъ потребность подкрѣпить себя чѣмъ-нибудь новымъ, помимо Софьи Васильевны; загроможденная фальшивыми бумажками, ограбленными почтами, нотаріусами и проч. мысль Павла Иваныча выводила его то на необходимость лечиться, ставить банки, піявки, то на необходимость усерднѣе прибѣгнуть къ Богу и, наконецъ, совершенно неожиданно для него самаго, вывела его къ необходимости построже смотрѣть за женой... Это было до того ново и до того во власти Павла Иваныча, что ему снова стало покойнѣе и легче, если онъ, возвратившись изъ должности, шопотомъ спрашивалъ кухарку:

— Что́ моя жена... ничего?....

Кухарка передавала объ этомъ барынѣ, но ей было все равно... Точно также ей было все равно, послѣ того какъ Павелъ Иванычъ, въ видахъ новаго ободренія самого себя, выказалъ намѣреніе запирать ее снаружи, упирая дубинкой въ двери и проч. Она снова ходила, теряла человѣческій ликъ и нравъ, теряла съ каждымъ днемъ потребность опрятности, и такимъ образомъ получились тѣ результаты райской жизни, которые повергли Надю въ величайшее изумленіе.

Но прелести житья на чужой счетъ сдѣлались для Нади гораздо яснѣе впослѣдствіи. Раздумывая надъ положеніемъ Софьи Васильевны, она постепенно задумалась до того, что Сонечка достойна величайшей жалости; подъ вліяніемъ этой мысли, она снова отправилась къ ней, снова перенесла всѣ эти полѣнья, слезы, объятія, и добилась все-таки того, что увела Софью Васильевну съ собой; большихъ трудовъ ей стоило уговорить ее не трепетать и не вздрагивать отъ уличнаго шума, который весь и состоялъ только въ томъ, что какой-то мужикъ везъ куда-то песокъ; не бросаться встороны отъ прохожихъ, не ахать хватаясь за грудь при крикѣ лавочнаго сидѣльца и проч. Кое-какъ наконецъ Софья Васильевна была приведена въ домъ Черемухиныхъ и обласкана; успокоить ея тревогу, по поводу того обстоятельства, что̀ скажетъ мужъ,—

не было никакой возможности, несмотря на одинаковыя старанія Черемухиной, Нади и Михаила Иваныча.

— Да что ты, матушка, уговаривала ее Черемухина:— велика бѣда разъ изъ дому въ гости ушла...

— Что вы ужь очень-то? успокоивалъ Михаилъ Иванычъ.—Велика фря!... Да шутъ съ нимъ... пущайко-сь подумаетъ, не-чѣмъ кольями-то припирать...

Никакое изъ подобнаго рода увѣщаній не могло хоть на вершокъ поколебать того отчаяннаго страха, который вдругъ стала чувствовать Софья Васильевна къ мужу, не внушавшему ей до сихъ поръ ничего, кромѣ полнаго равнодушія. Надя водила ее по саду, по двору, знакомила съ хозяевами, показывала людей, спавшихъ за заборами на перинахъ, и проч. и проч. Софья Васильевна какъ-то вдругъ начинала радоваться всему, что́ ни показывала ей Надя, и тотчасъ же впадала въ уныніе.

Къ концу вечера эти старанія сдѣлали то, что вмѣстѣ со страхомъ къ мужу, въ сердцѣ Софьи Васильевны воспиталось уже крошечное зерно упрямства; ей уже не хотѣлось домой, а когда Надя предложила ей остаться и ночевать, говоря на счетъ Павла Иваныча: «пусть его», то Софья Васильевна залилась слезами.

Успокоивая ее, Надя шла съ ней изъ саду, и тоже нѣсколько испугалась, встрѣтивъ кухарку Печкиныхъ, ко-

торая за минуту предъ этимъ, запыхавшись, вбѣжала въ ворота.

— Матушка! Софья Васильевна! Пожалуйте скорѣй домой! испуганно говорила она.—Павелъ Иванычъ такой сдѣлали шумъ, такой шумъ...

Тутъ перепуганной на смерть Софьѣ Васильевнѣ и Надѣ она разсказала, что Павелъ Иванычъ, не найдя дома жены, и не зная, гдѣ она, распушилъ ее, кухарку, и хотѣлъ тотчасъ же объявить полиціи о розыскѣ сбѣжавшей съ офицеромъ жены; кухаркѣ нужно было много времени, чтобы убѣдить барина, что никакого офицера тутъ не было и въ поминѣ, а приходила «барышня». Павелъ Иванычъ никого не слушалъ, кричалъ на весь домъ: «барышня, барышня? Что мнѣ съ барышней? Что такое? въ чемъ дѣло?» и сталъ бѣгать по лавкамъ, разсказывать всѣмъ, что «пришелъ домой, а жены нѣту», разспрашивалъ всѣхъ, «не видали ли», заглянулъ даже въ нѣкоторые кабаки и трактиры... Наконецъ кухарка, благодаря скукѣ обитателей тѣхъ улицъ, по которымъ Надя и Софья Васильевна достигли дома Черемухиныхъ, отыскала ихъ и требовала немедленнаго возвращенія.

Досада схватила сердце Нади при этомъ разсказѣ объ офицерѣ, будочникахъ, кабакахъ и трактирахъ, и при видѣ убитой фигуры Софьи Васильевны, которую тащутъ въ наполненный этими прелестями рай.

— Она не хочетъ! Она не пойдетъ! сказала она кухаркѣ довольно рѣшительно.

— Какъ это можно не идти! Гдѣ это видано! въ ужасѣ отвѣчала кухарка. И ея слова были подтверждены хоромъ нѣсколькихъ зрителей, въ числѣ которыхъ былъ хозяинъ, хозяйка, солдатъ и проч.

— Да она хочетъ здѣсь! убѣждала Надя публику.

— Мало чего нѣтъ! Она хочетъ тутъ, а мужъ хочетъ тамъ... Нѣтъ, ужь это что же... Нѣтъ, ужь иди... Какъ жена можетъ уйдти?... говорила публика.

— Онъ, пожалуй, осерчаетъ да прогонитъ... подбавила кухарка.—Они вонъ, Павелъ Иванычъ-то, чаю не пьютъ безъ нихъ... Этого нельзя.

— Да онъ одинъ напейся, развѣ не все равно? отстаивала Надя Софью Васильевну.

— Супругъ желаетъ, чтобы вмѣстѣ! Сударушка! со всѣмъ усердіемъ объясняла ей кухарка:—такое его желаніе, должна же супруга ему сдѣлать по вкусу...

— А она здѣсь желаетъ быть... долженъ онъ ей позволить.

— Матушка! продолжала кухарка:—такое его желаніе, чтобы чай съ нею... Онъ такъ желаетъ... Должна она себя приневолить...

Толпа подтверждала справедливость разсужденій кухарки; старушка Черемухина, выглянувшая изъ комнаты

на этотъ шумъ, тоже не была противъ общаго мнѣнія и высказала это довольно осторожно, что, молъ, конечно, жаль, а все-таки; но самое полное доказательство правды этихъ мнѣній,—было внезапное появленіе самаго Павла Иваныча; онъ торопливыми шагами направился къ женѣ, въ самую середину толпы и вслѣдъ за тѣмъ изъ разгнѣванныхъ устъ его полилась дребезжащая и крайне сердитая дичь и чушь.

— Это что такое?.. Что это такое?... захлебываясь отъ усталости и волненія задребезжалъ онъ, глядя на Софью Васильевну: — я чаю не пилъ... Вѣдь это вѣдь...

— Я съ Надей! едва внятно произнесла Софья Васильевна.

— Съ Надей? почти вскрикнулъ Павелъ Иванычъ, выпячивая грудь впередъ и растопыривая руки.

— Что такое: съ Надей? Что мнѣ съ Надей? Съ Надей, съ Надей, а я... я чаю не пилъ...

— Ваша кухарка... начала-было Надя...

— Кухарка! еще громче вскрикнулъ Печкинъ и еще больше качнулся назадъ. — Что мнѣ кухарка? позвольте васъ спросить? что такое? кухарка, кухарка, а между тѣмъ... а-а... Вѣдь это невозможно!..

Сердитая чушь, сыпавшаяся изъ Печкина и произносимая довольно громкимъ и крикливымъ голосомъ, къ ко-

торому присоединялись голоса одобрявшей публики,—привлекли вниманіе всѣхъ до кого только могли достигнуть эти звуки; и такъ-какъ кругомъ были главнымъ образомъ скучающіе люди, то двѣ или три минуты продолженія этого крика,—и на дворѣ Черемухиныхъ собралась бы толпа. Старушка Черемухина, знакомая съ правами захолустьевъ, поспѣшила предупредить образованіе формальной сцены, и пригласила Печкиныхъ въ комнату; она объяснила Павлу Иванычу, въ чемъ дѣло, уговорила его не безпокоиться и затѣмъ ласково проводила супруговъ за ворота. Надя съ грустью разсталась съ Софьей Васильевной и долго не могла успокоиться насчетъ того, что̀ значитъ въ рукахъ супруга такая ничтожная фраза: «я не пилъ чаю!»

По уходѣ Печкиныхъ, захолустье, разбуженное супружескимъ вопросомъ, продолжало обсуждать его, и Надя принимала въ этихъ разсужденіяхъ живѣйшее участіе. Желая уронить въ общихъ глазахъ значеніе Павла Иваныча, она высчитала передъ хозяйской кухаркой, съ которой шли разговоры, всѣ его злодѣянія въ видѣ полѣньевъ, ворчанья и проч. И заключила тѣмъ, что еслибы ей пришлось съ этимъ человѣкомъ пробыть одинъ день, то она бы умерла или ужь по крайней-мѣрѣ ушла бы прочь.

— И, матушка, отвѣтила ей кухарка:—уш-ла! Куды

пойдешь-то, посуди сама... Вѣдь ты дня безъ супруга-то не продышешь! Повертишься, повертишься на крылечкѣ, да и придешь опять... Кабы вы были простаго званія, онъ бы, мужъ-то, такъ-то не привередничалъ... А то вы благородные, по этому случаю вамъ надыть исполнять его приказъ.

— А простого званія? спросила Надя:—а ты?

— Я-то? Мой мужъ этакъ-то не смѣетъ... ему не разсчетъ надо мной потѣхи потѣшать. Потому онъ знаетъ, что ежели ему рубъ серебромъ занадобится, я ему дамъ, помогу изъ своихъ трудовъ, изъ своихъ достатковъ, а ежели онъ пьянъ напьется, да придетъ ко мнѣ шумѣть, такъ я его тоже могу и въ часть засадить... Потому я сейчасъ взяла изъ своихъ денегъ гривенникъ, дала его бутошнику, онъ его такъ-то ли въ часть запретъ... Такъ-то-съ...

— Да вѣдь и онъ тоже можетъ будочнику дать гривенникъ?

— Счавожь не дастъ, дастъ; тольки ему же хуже... Въ чужихъ людяхъ той помочи-добра не сыщешь, что въ женѣ мужъ, а въ мужѣ жена... Мы и не допущаемъ себя до эфтаго... Къ примѣру сказано... А у благородныхъ-то этого нельзя; благородный-то хоть что хошь городи надъ женой, ей и бутошникъ помочи не окажетъ, потому, какъ онъ барина въ часть потащитъ? Такъ она и должна себя

потрафлять по мужу... Потому ей безъ мужа не съ чѣмъ взяться...

Почти то же самое высказывали и другіе обсуждавшіе этотъ вопросъ: Михаилъ Иванычъ, и солдатъ, и хозяинъ, и хозяйка,—и во всѣхъ ихъ рѣчахъ непремѣнно упоминалось о какомъ-то «своемъ трудѣ», «своихъ деньгахъ», какъ единственныхъ средствахъ, съ помощію которыхъ можно избѣжать всѣхъ этихъ безобразій.

Долго вечеромъ Надя думала обо всемъ, что ей пришлось видѣть, и рѣшительно не могла придти къ иному выводу, кромѣ того, что кухаркѣ дѣйствительно лучше жить, нежели благородной барынѣ, или барышнѣ.

VI.

Все по старому.

Какъ ни обстоятельно и ясно Павелъ Ивапычъ предъявилъ свои супружескія права и силу мужниной власти, однакоже Надя и Софья Васильевна сошлись другъ съ другомъ ближе; Надю къ этому побуждало сожалѣніе о горькой участи подруги; Софья Васильевна стремилась къ тому же почти буквально ради возможности отдохнуть свѣжимъ воздухомъ. Сближеніе это отчасти внесло нѣкоторую долю разнообразія въ скучную жизнь Нади, ибо вмѣстѣ съ нимъ, противъ Павла Иваныча была открыта война,—занятіе, конечно, не особенно доблестное, но въ томъ мірѣ, гдѣ умѣютъ только покоряться, гдѣ не имѣютъ другаго дѣла, кромѣ подставленія собственной спины подъ удары, — и эту войну можно счесть дѣломъ. Обѣ наши подруги принадлежатъ къ провинціальной «толпѣ», массѣ; онѣ неразвиты, необразованы и испытываютъ са-

мые первые, самые ранніе симптомы сомнѣній; и если принять въ разсчетъ, что въ этой толпѣ никто никогда не сомнѣвался въ томъ, въ чемъ сомнѣвается Надя, то и война противъ Павла Иваныча уже шагъ впередъ... Наперекоръ его брюзжанью, онѣ стали все чаще и чаще пользоваться его отлучками въ должность, послѣобѣденными снами, для того, чтобы уйдти изъ дому куда-нибудь, на что нибудь посмотрѣть, посидѣть и погулять въ черемухинскомъ саду, или просто сказать другъ другу: «экая скука», и ждать пока не явится разбѣшонный Павелъ Иванычъ. Появленія его доставляли Надѣ нѣкоторую долю удовольствія быть злой и чувствовать себя какъ-будто бы самостоятельной, въ степени весьма впрочемъ слабой, ибо вся эта самостоятельность состояла въ томъ, что Надя съ теченіемъ времени пріучила себя безъ страха смотрѣть въ разгнѣванные глаза Павла Иваныча и тоже безъ страха говорить ему, что Софья Васильевна не хочетъ идти домой, что она остается у ней ночевать...

— Вотъ и все! съ гнѣвомъ прибавляла она.

— Ночевать! восклицалъ Павелъ Иванычъ. — Вотъ это великолѣпно! Ночевать, ночевать, — а что такое? въ чемъ дѣло? Неизвѣстно!.. Вѣдь это... Авдотья Петровна! обращался Печкинъ къ старухѣ Черемухиной.—Вы мать... Я мужъ... развѣ возможно... Она ваша дочь... Вѣдь это...

— Я, батюшка, человѣкъ старый!.. отдѣлывалась Черемухина, чувствуя, что и ея голова разоряется въ послѣднее время. Съ одной стороны ей кажется, что нѣту грѣха въ дружбѣ и скитаніяхъ ея дочери съ женой Печкина, съ другой ей тоже кажется, что Софья Васильевна должна почему-то сидѣть дома, ибо и сама Черемухина дѣлала такъ въ теченіе цѣлой жизни и теперь не знаетъ, почему она это дѣлала...

И Надя чувствовала полное торжество, когда, несмотря на продолжительное оранье и брюзжанье Печкина, ей удавалось обдѣлать такое дѣло, какъ оставить ночевать у себя Софью Васильевну—и видѣть, какъ разбѣшонный Павелъ Иванычъ плюнетъ и убѣжитъ со двора. Павелъ Иванычъ, голова котораго, какъ ужъ намъ извѣстно, была разорена современностію до послѣдней возможности,—благодаря этой борьбѣ съ Надей и съ женой, получилъ тоже достаточно опредѣленную жизненную цѣль и имѣлъ возможность возставать противъ событій, ему совершенно ясныхъ, и уже не враждовалъ противъ желѣзной дороги, которая не сдѣлала ему ровно никакого зла. Теперь было уже совершенно ясно, что во всемъ виновата жена и о злодѣяніяхъ ея онъ трубилъ рѣшительно повсюду...

— Вотъ какъ, братъ, жоны-то нынѣшнія! въ гнѣвѣ

кричалъ онъ въ окно сосѣду сапожнику и показывалъ ему чайникъ: — самъ, братъ, засыпь, самъ раздуй самоварчикъ, — а не хочешь, поди на улицу да издыхай въ подворотнѣ, какъ собака... Вотъ, братъ! Голую взялъ, думалъ, что за мое благодѣяніе...

— Ишь шельма!.. говорилъ портной, и прибавилъ со вздохомъ: — не тѣ нонѣ порядки, батюшка Павелъ Иванычъ... Вы такъ думали, что за ваши ей благодѣянія окажетъ она вамъ всякое удовлетвореніе, напримѣръ, — да! а она, напримѣръ, задрала хвостъ... въ томъ случаѣ... Такъ-то-съ!..

— Да-а, братъ! Нонче порядки, братъ, пошли совсѣмъ собачьи... Ты хочешь такъ, а тебѣ вотъ такъ...

— Ты, напримѣръ, эдакъ вотъ имѣешь желаніе, а на мѣсто того тебѣ дѣлаютъ такъ-то вотъ! прибавлялъ, поясняя, портной, и въ концѣ-концовъ получалъ отъ Павла Иваныча рюмку водки, что̀ составляло тайную цѣль портнаго въ теченіе всего разговора.

Но главнымъ пристанищемъ Павла Иваныча во всѣхъ горестяхъ послѣдняго времени была все та же лавка Трифонова. Какъ ни сильна была у Трифонова привязанность исключительно къ самому себѣ, къ своей медицинѣ и пѣнію, но когда дѣло касалось женщинъ, или «бабъ», онъ не оставался хладнокровнымъ слушателемъ, и всегда готовъ былъ произнести сужденіе на этотъ счетъ,

при чемъ на суровомъ лицѣ его мелькало нѣчто въ родѣ улыбки...

— Что, братъ, говорилъ Печкинъ, входя въ лавку и въ изнеможеніи опускаясь на стулъ.—Вѣдь опять подрала!...

— А ты храпи поздоровѣй!... говорилъ Трифоновъ.

— Проснулся—хвать! И слѣдъ простылъ.

— Про что-жь я-то говорю? Храпи поздоровѣй; каши налупись... набей брюхо-то,—а она въ теченіе того времени будетъ тебѣ благодарна... Дубина!... начиналъ Трифоновъ, принимая обыкновенный суровый тонъ:—л-юбовника ищи... Гнилая крупа! л-юбовниковъ розыскивай... Чего храпишь-то?..

— Да нѣту любовниковъ... братъ! Нѣту! въ унынiи говорилъ Печкинъ.

— Да какъ нѣту любовниковъ?... сердился Трифоновъ.—Какую это имѣетъ возможность твое слово, ежели она бѣгаетъ отъ тебя? Плетень! Ужь ежели же она хвостъ треплетъ,—слѣдственно ужь гдѣ-нибудь да имѣетъ она свой преступокъ... Какъ любовниковъ нѣту!...

— Да именно я тебѣ говорю, что нѣту ихъ! Съ дѣвчонкой съ Надькой Черемухиной шатается...

— Да черепокъ ты этакой! Да и у дѣвчонки-то, разглядико-сь хорошенько, ужь они тамъ, любовники-то, гдѣ-нибудь пріуготовляютъ себя... Глупецъ! Разбери-ко

дѣвчонку-то съ разсудкомъ, такъ ужь тамъ, братъ, они, любовники-то, въ значительномъ благополучіи состоятъ... Нѣту любовниковъ! Экій носъ табашный!... А ежели нѣту любовника, какъ же не можешь ты жену свою вогнать въ струну?... И совершенная ты будешь пакля, ежели ты его не разыщешь, потому ежели ты его сцапаешь, то можешь ты ее, супругу, по закону раскритиковать... Всячески... А безъ этого тебѣ никакъ нельзя... Я, братъ, учонъ ими... Они у меня, бабы то, вотъ гдѣ сидятъ...

При этомъ Трифоновъ показывалъ на затылокъ—и именно этимъ нужно объяснять то рвеніе, съ которымъ онъ относился къ дѣламъ Печкина. Дѣлъ этихъ, однако же, не поправляло участіе, которое Печкинъ находилъ въ лицахъ, ему сочувствовавшихъ: любовниковъ не находилось и отлучки жены сдѣлались еще чаще. Не проходило дня, чтобы Софья Васильевна не ночевала у Черемухиныхъ, или Надя не приходила ночевать къ Печкинымъ, и съ каждымъ днемъ въ Софьѣ Васильевнѣ росло отвращеніе къ Павлу Иванычу, къ его скучному дому, глухому переулку, словомъ ко всему, среди чего она, до знакомства съ Надей, могла выработать способность спать по 15 часовъ въ сутки. Идти домой отъ Черемухиной ей сдѣлалось столь же противно, какъ гимназисту идти въ пансіонъ, когда на дворѣ еще воскре-

сенье, и когда дома братья и сестры еще бѣгаютъ и играютъ въ саду. Всякій разъ эти возвращенія сопровождались слезами, которыя прекращались только тогда, когда Надя шла ночевать къ ней. Дѣйствуя исключительно во имя жажды свѣжаго воздуха, Софья Васильевна съ каждымъ днемъ все больше и больше привязывалась къ Надѣ и не отставала отъ нея ни на шагъ, доставляя тѣмъ Павлу Иванычу множество обидъ. Обезоруженный доводами Трифонова на счетъ любовниковъ, Печкинъ рѣшительно не могъ возобновить припираній и полѣньевъ, и ограничивался попрежнему безплодными воплями, иногда измѣняя только форму выраженія ихъ.

— Позвольте узнать, говорилъ онъ женѣ, когда та съ Надей возвращалась вечеромъ домой.—Позвольте мнѣ узнать, неужели я какая-нибудь собака, что... Вѣдь это, наконецъ... трепать хвосты...

— Мы не трепали, отвѣчала Надя за Софью Васильевну.—Мы гуляли.

— Не трепали! Вотъ это великолѣпно! Гуляли! Вотъ превосходно! Гуляли-гуляли, не трепали-не трепали, а что такое? Вѣдь не въ подворотню же мнѣ идти ночевать?

И т. д.

Во время этихъ отлучекъ, прогулокъ, посѣщеній родныхъ, дѣлавшихся бо́льшею частію въ сопровожденіи Михаила Иваныча и воспитывавшихъ въ Софьѣ Васильевнѣ духъ неповиновенія, жизненныя встрѣчи и сцены наводили Надю все на новыя и новыя сомнѣнія и все больше разоряли ея неразвитый, необразованный умъ. Война съ Павломъ Иванычемъ, въ которой супружескія права его играли такую видную роль, невольно заставляла Надю, съ особенной впечатлительностью, принимать только тѣ жизненные факты, въ которыхъ виднѣлся тотъ же вопросъ; много было этихъ встрѣчъ, и изъ всѣхъ ихъ все-таки можно было вывести то заключеніе, что самостоятельность, свои деньги, свой трудъ—существуютъ только у простыхъ людей. Случались, правда, встрѣчи, которыя озадачивали Надю, открывали ей совершенно новыя стороны жизни, но и онѣ въ концѣ-концовъ оказывались нулемъ.

Между прочимъ, одна изъ такихъ встрѣчъ произошла въ окружномъ судѣ, куда нашихъ подругъ затащилъ Михаилъ Иванычъ, весьма интересовавшійся новыми порядками. Не зная ни старыхъ, ни новыхъ порядковъ, Надя и Софья Васильевна были прежде всего перепуганы обстановкой суда: налоемъ, священникомъ, толпою людей (которыхъ въ сущности было очень немного), и затѣмъ впали въ область полнаго непониманія того, что́ предъ ними творится. Въ глубочайшемъ конфузѣ слушали онѣ

разбирательство какого-то неизвѣстнаго имъ дѣла и не могли даже прибѣгнуть за совѣтомъ къ Михаилу Иванычу, который почему-то усѣлся у самаго входа.

— Дѣйствительно ли, обращается предсѣдатель къ купцу-свидѣтелю: — рука проходитъ въ тотъ разрѣзъ въ чемоданѣ?

— Съ охотой пролѣзаетъ, ваше высокоблагородіе, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчаетъ свидѣтель.—Потому что онъ ее, дыру-то, васкбродіе, ножичкомъ распоролъ, эво-ли какую! Икру, потому-што все онъ имъ рѣзалъ, ножикомъ-то... Вы у него увспросите у шельми...

— Вы не имѣете права, остановилъ предсѣдатель купца и довольно строго объяснилъ ему, какъ тотъ долженъ относиться къ подсудимому. Купецъ, все время отвѣчавшій весьма храбро и подробно, вдругъ испугался, замолкъ, поблѣднѣлъ.

— Потому что, который ножикъ у яво, лепеталъ онъ, спотыкаясь на каждомъ словѣ и обирая руками полы сюртука:—то онъ даже... васкбродіе... не имѣить, можетъ быть, своего ножа...

— Ишь путаетъ! говорили какіе-то мѣщане позади Нади.—Того и гляди, знать не знаю!

— Настращенъ старинными пустяками... Думаетъ, какъ бы самаго не упекли...

Надя и Софья Васильевна слушали и не понимали даже того, что́ понимаютъ мѣщане.

— Подсудимый! Что вы можете сказать на это?

Молодой малый, съ плутоватыми глазами, обвиняемый въ кражѣ денегъ изъ чемодана купца, кашлянулъ, тряхнулъ волосами и довольно наивнымъ голосомъ произнесъ:

— Ежели онъ меня упрекаетъ насчетъ бытто икры, то даже совершенно это напрасно. Потому я ее съ малыхъ де́нъ икру не потребляю...

— Дѣйствительно ли вы разрѣзали? поясняетъ предсѣдатель свой вопросъ.

— Дѣйствительно что я ее, васкбродіе, и по сіе время не люблю икру... И что въ ей скусу?

— Ишь оглобли-то поворотилъ! разсуждаютъ мѣщане.

Софья Васильевна и Надя понимали только одно, что подсудимый виноватъ въ употребленіи икры и за это окружонъ жандармами и штыками. Не къ чести ихъ относится также и то обстоятельство, что онѣ засмѣялись вмѣстѣ съ публикой, когда оказалось, что одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, пожилой мужикъ, заснулъ, свѣсивъ съ ручки кресла въ стилѣ «возрожденія» лысую голову и руку съ громадной шапкой. Несчастнаго разбудили, въ краткихъ словахъ изобразили ему, что поклясть-

ся предъ крестомъ и евангеліемъ, и захрапѣть — поступокъ, по меньшей мѣрѣ, не джентльменскій. Въ свое оправданіе, глубоко огорченный мужикъ могъ только сказать: «сморило... гналъ всю ночь... стомленъ...» Наконецъ, ему объявили: «вы больны» и посадили на его кресло въ стилѣ возрожденія другаго мужика, который вытянулся съ испугу, какъ палка, и съ затаеннымъ дыханіемъ и вытаращенными глазами сталъ слушать, какъ обвинитель началъ «мотивировать», «формулировать», «обособлять», и какъ защитникъ потомъ, въ свою очередь, сталъ «объединять факты», въ родѣ икры и дыры, «дѣлать компромиссы» и проч. Не знаю, какъ мужикъ, но ни Софья Васильевна, ни Надя рѣшительно не были бы въ состояніи произнести о подсудимомъ надлежащаго приговора, потому что неразвитое пониманіе ихъ было забито и испугано всѣми этими «da capo», «ab ovo», «ex-abrupto», «умственный уровень», «декорумъ той среды, гдѣ подсудимый» и другими оборотами образованной рѣчи защитниковъ и обвинителей, каковыми оборотами, словно кнутьями, поминутно обхлестывались уши слушателей, въ томъ числѣ Нади и Софьи Васильевны.

Въ глубокомъ унынiи и сознаніи своей глупости сидѣли онѣ и слушали, отмахиваясь платками отъ жары и отъ этого тягостнаго сознанія.

И вдругъ въ залу суда вошла молодая, отлично одѣ-

тая женщина, почти дѣвушка. Все, начиная съ походки и развязности, съ которою она прошла и сѣла около нашихъ подругъ, обличало въ ней, по малой мѣрѣ, полное знакомство со всѣмъ, что̀ тутъ ни происходитъ. Но черезъ минуту оказалось, что сосѣдка знакома и не съ такими вещами. Въ маленькихъ рукахъ ея очутились судебные уставы въ отличномъ переплетѣ; перелистывыя ихъ съ тою быстротой, съ какою вообще перелистываютъ книги дѣти, неумѣющія ихъ читать, она придавала своему лицу значительную серьёзность и шептала довольно громко:

— Боже, какъ они неправильно рѣшаютъ! Ахъ, какъ врутъ! Почему нѣтъ мужа? Гдѣ мужъ... Что та-акое?.. Икра-а?.. И въ окружномъ!.. Вотъ мило... Да это просто тюремное заключеніе... Отчего не говоритъ мужъ?.. Я не понимаю!.. Со взломомъ? обратилась она къ Надѣ. — Ахъ, вы недавно!.. Вы не слыхали. Ужасъ, что̀ они дѣлаютъ... Гдѣ мужъ?.. Отчего...

Все это говорилось весело, игриво и невольно располагало къ сближенію, помимо познаній ея во всемъ, что ни дѣлается кругомъ, что̀ заставляло Надю глубоко завидовать ей. Подъ вліяніемъ этой зависти, Надя не замѣтила, что въ разговорахъ сосѣдки о правильностяхъ и неправильностяхъ судоговоренія, главную роль играетъ мужъ, «который знаетъ все это лучше всѣхъ»; не при-

дала особеннаго значенія тому восторгу дамы, который охватилъ ее, когда изъ-за прокурорскаго кресла высунулась и кивнула ей весьма приличная фигура мужа, вслѣдствіе чего зала суда огласилась радостнымъ восклицаніемъ: «ахъ, вотъ онъ!» а судебные уставы упали на полъ и разговоры о юриспруденціи замѣнились продолжительными киваньями мужу, посыланіемъ поклоновъ, поцалуевъ и проч. Надя не замѣтила этого, она видѣла только, что эта женщина все понимаетъ, знаетъ, гдѣ правильно и гдѣ неправильно, и завидовала ей.

Случай познакомилъ и подружилъ ихъ.

Фигура, выглядывавшая изъ-за прокурорскаго кресла, повидимому удовольствовалась изліяніемъ супружеской любви, которую выказала сосѣдка Нади: она качнула головой, насупила одну бровь и скрылась; сосѣдка Нади тотчасъ же притихла, усѣлась, и снова было-взялась за судебные уставы; но такъ-какъ небольшіе часики съ музыкой, болтавшіеся у ней на груди, были занимательны ничуть не меньше юриспруденціи, то она, какъ ребенокъ, принялась баловаться и играть ими, вслѣдствіе чего въ залѣ суда запищала самая смѣшная музыка... Неумѣстность этого обстоятельства, здѣсь, среди людей, занимающихся дѣломъ, была до того понятна всѣмъ, не исключая Нади и Софьи Васильевны, что всѣ онѣ какъ-то вдругъ испугались, потомъ засмѣялись украдкою, вдругъ закры-

ли лица платками, переглянулись изъ-за нихъ—и подружились сразу.

Черезъ четверть часа онѣ уже о чемъ-то много и скоро говорили въ корридорѣ, выйдя сюда вмѣстѣ съ публикой и называя другъ друга «душечка»... Въ тотъ же день были приглашены «къ намъ съ мужемъ», а спустя нѣсколько дней—Надя и Софья Васильевна были уже у Шапкиныхъ нѣсколько разъ.

На этотъ разъ Надѣ показалось, что она дѣйствительно попала въ земной рай, не такой, какой съумѣлъ оборудовать Павелъ Иванычъ Печкинъ. Прежде всего, Шапкины жили въ удобномъ, свѣтломъ и чистомъ домѣ; въ комнатахъ было свѣтло, красиво: столы, рояль, стулья, полы и проч.,—все было новое, блестѣло и не носило на своей поверхности ни пылинки, которая клубами вылетала изъ всѣхъ угловъ и вещей, находившихся въ домѣ Печкиныхъ. Вмѣсто запыленной и разрушенной фигуры Павла Иваныча, здѣсь былъ статный, молодой человѣкъ, съ мягкимъ, деликатнымъ характеромъ, съ симпатичнымъ, солиднымъ лицомъ, на которомъ хотя и мелькала, довольно часто, весьма милая улыбка, но въ то же время особенно ярко выступалъ отпечатокъ серьёзной думы, виднѣлись слѣды образованнаго ума, чему въ особенности способствовали темныя стекла очковъ. Какъ и Павелъ Иванычъ, онъ говорилъ своей женѣ «ты», — но въ та-

комъ братскомъ обращеніи рѣшительно не звучало желанія припереть жену полѣномъ, или посадить ее на цѣпь: напротивъ, между супругами господствовало самое полное согласіе и любовь. Но что особенно сильно поразило Надю въ ихъ обществѣ, — это то, что жизнь ихъ была наполнена множествомъ занятій, уничтожавшихъ всякую возможность къ существованію того одуренія и ошалѣнія, которымъ такъ блистало райское семейство Печкиныхъ. Возвращаясь домой, мужъ сообщалъ супругѣ, чѣмъ рѣшили такое-то дѣло, кто хорошо или дурно говорилъ въ судѣ и проч. И жена была совершенно поглощена какими-то, совершенно новыми для Нади, интересами... Съ чувствомъ огорченія за самое себя, за свое невѣжество и съ чувствомъ зависти смотрѣла она на Шапкину, когда та разговаривала объ этихъ непонятныхъ вещахъ съ мужемъ, или принимала участіе въ сужденіяхъ по тому же поводу съ его знакомыми—все молодымъ и умнымъ народомъ, — употребляя въ разговорѣ слова: въ родѣ «обжаловать», «Станиславъ съ короной» и проч. Но этого мало. Въ первый же почти день знакомства съ Шапкиными, оказалось, что, помимо множества дѣлъ, которыя занимаютъ голову жены Шапкина, у ней есть и свои деньги, чего Надѣ рѣшительно не приходилось встрѣчать до настоящаго времени нигдѣ. Она переписываетъ мужу бумаги и получаетъ отъ него жалованье. Часы съ

музыкой куплены на собственныя ея деньги; на свои же деньги пріобрѣтены ею зонтикъ и альбомъ и еще нѣсколько вещей, которыя и показывались Надѣ съ особеннымъ удовольствіемъ... О взяткахъ и о чемъ-нибудь злодѣйскомъ, обезобразившемъ для нея, благодаря Михаилу Ивановичу, все—небо и землю,—здѣсь не было и помину. Напротивъ, былъ случай, когда Надя могла видѣть страшнѣйшій гнѣвъ и приливъ негодованія у обоихъ супруговъ, по тому только обстоятельству, что какая-то мужицкая борода осмѣлилась высунуть голову изъ передней въ залу и промычать: «батюшка!..» По неразвитію своему Надя было-сжалилась надъ человѣкомъ, говорившимъ такимъ жалкимъ голосомъ, съ лицомъ, носившимъ слѣды великаго горя, но ей тотчасъ же было разъяснено что человѣкъ этотъ—злодѣй и убійца.

— Еслибы у тебя, или у твоего брата оторвали голову, что́ бы ты сказала?.. возразила ей жена Шапкина.—Неужели ему прощать?..

Надя была убѣждена. Въ этомъ мірѣ умныхъ, занятыхъ людей,—самыя лучшія движенія ея сердца не стоили гроша, были ни къ чему ненужны, превращались въ нуль. Михаилъ Иванычъ, дѣлавшій наблюденія надъ новыми знакомствами Нади, — съ точки зрѣнія кухни, гдѣ онъ обыкновенно ожидалъ барышню, вступая съ злодѣями и убійцами въ болѣе обстоятельные разговоры, хотя и не

выносилъ изъ нихъ чувства глубочайшаго уваженія,—подобно Надѣ; хотя и бормоталъ почему-то все про разбойниковъ,—но на этотъ разъ не удостоился даже того, чтобы его слушали, ибо Надя не переставала питать самаго глубокаго уваженія къ новымъ знакомымъ, плѣненная свѣтлыми сторонами ихъ жизни. Она не видала того, что прежде нежели супругъ сталъ платить женѣ своей жалованье, — онъ положилъ къ себѣ въ карманъ довольно основательный кушъ, взятый за нею въ приданое; она не видала, что супруга, получающая жалованье и довольная своей самостоятельностью, стóитъ мужу втрое болѣе этого жалованья, что наконецъ самое жалованье есть не болѣе какъ любезность со стороны супруга, такъ-какъ писарь обыкновенный за ту же работу беретъ гораздо меньше; она видѣла, что у жены Шапкина свои деньги, свои труды, заботы, и свои веселые часы и дни... И завидовала ей безконечно, и безконечно любила ее.

Такъ-какъ къ этому времени война противъ Павла Иваныча утратила почти всякій интересъ, ибо даже Софья Васильевна въ эту пору могла говорить ему то, что́ прежде рѣшалась дѣлать только Надя, и такъ-какъ вслѣдствіе этого снова настала скука, то знакомство съ Шапкиными было пріятно нашимъ подругамъ, несмотря на непріятное ощущеніе самоуниженія, которое испытывали онѣ въ ихъ обществѣ. Это былъ уголокъ свѣта, —и его нельзя было

не любить, тѣмъ болѣе, что тотъ уголокъ тьмы и разоренья, гдѣ жили наши подруги, опротивѣлъ имъ до послѣдней степени, не исключая изъ числа надоѣвшихъ лицъ и Михаила Иваныча, сдѣлавшагося къ этому времени воистину бѣшеной собакой.

Одно обстоятельство, съ котораго въ жизни Михаила Иваныча начинается нѣчто новое, уничтожило однако эту любовь Нади къ Шапкинымъ и увеличило ея скуку новыми тягостными размышленіями.

Дѣло было въ мировомъ съѣздѣ. Однажды явилась къ Надѣ жена Шапкина и съ торжествомъ объявила, что сегодня мужъ ея, наконецъ, говоритъ... Очень жаль, что ему придется мало разговаривать, что нѣтъ возможности вполнѣ выказать талантъ,—но все-таки слушать его—наслажденіе. Михаилъ Иванычъ тоже отправился вслѣдъ за дамами, помѣстился въ заднихъ рядахъ толпы, наполнявшей небольшую комнату съѣзда, до половины занятую столами господъ судей. Дамы, въ сопровожденіи жены Шапкина, пробрались впередъ и помѣстились на первой лавкѣ, въ виду величественной и необыкновенно привлекательной фигуры самаго Шапкина. Новенькій, отлично сшитый мундиръ сидѣлъ на немъ превосходно; золотой воротникъ какъ нельзя лучше и изящнѣе оттѣнялъ бѣлыя выхоленныя и выбритыя щеки; бѣлая рука небрежно поигрывала золотою цѣпочкою и величественное лицо хра-

нило печать тайны. Самоуниженію Нади на этотъ разъ рѣшительно не было границъ, — ибо сосѣдка ея, жена Шапкина, помощію продолжительныхъ киваній, улыбокъ съ мужемъ, выказала самымъ непреложнымъ образомъ и свое участіе въ дѣлахъ, полное пониманіе, и полную любовь этого величественнаго мужа, который при одномъ ея появленіи озарилъ свое лицо самою ясною улыбкой.

— Авдотья Тиханова! раздался голосъ предсѣдателя.

— Слушай! шепнула Надѣ Шапкина, и притаилась, словно окаменѣла.

«Тихонова... Авдоть?.. Здѣсь?.. Здѣся!» послышалось въ публикѣ, и послѣ нѣкотораго волненія въ толпѣ, разступавшейся, чтобы дать дорогу Тихановой,—на средину комнаты робко выступила пожилая, худая, деревенская женщина; на плечахъ ея, несмотря на лѣтнюю пору, былъ надѣтъ старый и рваный тулупъ; изъ-подъ полинялаго, старенькаго платка выглядывало испитое и лихорадочно-желтое лицо, съ ввалившимися глазами. Въ рукахъ ея былъ темно-синій набойчатый платокъ. Отдѣлившись отъ толпы, она прежде всего стала искать глазами образа. «Гдѣ у васъ Богъ-то?..» «Ай, его нѣту?» Ай, вотъ онъ?» шептала она глухо, покашливая и прикрывая ротъ рукой. Окончивъ это, она подошла прямо къ столу судей и поклонилась; ее попросили отойти подальше, потомъ подойти поближе, и такимъ образомъ, установили на на-

длежащемъ мѣстѣ. Пріемы бабы не остались безъ улыбки со стороны публики. Подъ вліяніемъ игривой улыбки Шапкиной, Надя тоже было-улыбнулась, но больное лицо бабы и ея нищенская, жалкая фигура уничтожили эту улыбку, тѣмъ быстрѣе, что Тиханова, помѣстившись противъ судей, на надлежащемъ мѣстѣ, почему-то глубоко вздохнула, сложивъ на груди руки съ платкомъ и закашлялась.

Среди тишины, прерываемой только легкимъ звяканьемъ цѣпей, которыми поигрывали нѣкоторые изъ господъ судей, секретарь прочиталъ слѣдующее: «Такого-то числа и года, въ такомъ-то мировомъ участкѣ, такими-то сельскими начальниками было начато дѣло противъ вдовы Авдотьи Тихановой, обвиняемой въ неисполненіи приказаній начальства. Имѣя въ домѣ своемъ довольно злую собаку, она никакъ не соглашалась ее убить или посадить на цѣпь, что́ было необходимо: ибо оная собака дважды нападала на сельскаго старосту, а въ послѣдній разъ укусила за ногу проходившаго мимо дома Тихановой писаря. Хотя на излеченіе отъ укушенія, Тиханова и выдала писарю по требованію его до трехъ рублей, тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе неисполненіе приказаній сельскаго начальства, мировой судья постановилъ: оштрафовать Тиханову пятью рублями, а собаку разстрѣ-

лять. Тиханова объявила себя недовольной рѣшеніемъ, собаки не разстрѣляла и подала въ съѣздъ».

Во время чтенія этого протокола, Тиханова стояла, потупившись, и по окончаніи его, снова глубоко вздохнула.

— Что́ вы желаете объяснить суду?.. спросили ее.

Тиханова замялась, зашевелила платкомъ въ рукахъ и глухимъ надорваннымъ голосомъ произнесла:

— Я вдова, ваше высокоблагородіе... У меня пять человѣкъ дѣтей, мужиковъ нѣту, мнѣ невозможно безъ собаки... Ребята малыя, самой недосмотрѣть, мало-ли...

— Позвольте! весьма деликатно остановилъ ее предсѣдатель... Вы не имѣете права обжаловать дѣла по существу... Вы можете протестовать противъ окончательнаго рѣшенія...

Предсѣдатель проговорилъ ровно, заученно, словно по книгѣ прочиталъ.

Тиханова замолчала; лицо ея покрылось потомъ...

— Потому что, начала она взволнованнымъ голосомъ: — мнѣ безъ собаки никакъ невозможно... По моему сиротству, мнѣ требуется собака, чтобы вѣрная, злая... чтобъ она лихаго человѣка не подпущала... Ну, что же, ежели онъ ломитъ пьяный въ сѣнцы?.. Меня нѣту, собака нужается... Она поступаетъ по-собачьи...

— Потрудитесь разъяснить Тихановой существо ми-

роваго съѣзда! повидимому, потерявъ терпѣніе, сказалъ предсѣдатель Шапкину.

Необыкновенная жалость, охватившая сердце Нади при видѣ запотѣвшаго отъ испуга лица Тихановой, при видѣ ея тщетныхъ усилій обратить на себя и на свои нужды чье-нибудь вниманіе, — жалость эта отлегла отъ сердца Нади, когда поднялся Шапкинъ.

— Назначеніе съѣзда, началъ тотъ самымъ симпатичнымъ и мягкимъ голосомъ, причемъ Надя почувствовала самыя нетерпѣливыя и нервныя поталкиванія въ бокъ со стороны счастливой жены оратора:—назначеніе съѣзда утверждать, или кассировать рѣшенія мировыхъ судей; слѣдовательно, вы, подавая на кассацію, должны выставить суду неправильность употребленія господиномъ судьею тѣхъ, или другихъ законоположеній... Вы подаете на кассацію...

— Да, ваше высокоблагородіе, завопила наконецъ Тиханова.—И что же теперича разрѣшаютъ собаку къ разстрѣлу!.. Ну, какъ мнѣ безъ собаки возможно?.. Что же теперича, ежели я ее на цѣпь-то посажу,—нѣшто она мнѣ станетъ помочь давать?.. И на мене-то въ ту пору будетъ она, какъ на злодѣя глядѣть... Спусти ее на ночь, она не стеречь, а убѣчь наровитъ... Ну, что́ же я съ малыми ребятами...

— Кассаціонный порядокъ.... возвышая голосъ надъ

ревомъ бабы, попытался произнесть предсѣдатель, но баба упала на колѣни, зарыдала, отстаивая собаку, и въ съѣздѣ воцарилась нѣчто совершенно неосновательное... Съ одной стороны, господа судьи и Шапкинъ выказывали свойства истинныхъ джентльменовъ: умоляя бабу подняться съ колѣнъ, и помогая ей въ этомъ; съ другой стороны, едва баба поднималась и открывала ротъ о своихъ нуждахъ, самымъ тѣснымъ образомъ сопряженныхъ съ участью вѣрной собаки—какъ тѣ же джентльмены немедленно опять валяли ее на земь новымъ требованіемъ держаться кассаціи, въ чемъ Шапкинъ принималъ самое дѣятельное участіе. Сердце Нади сжалось послѣ рѣчей Шапкина, которыхъ она не понимала точно также, какъ и баба, и если не заплакала отъ этого, при видѣ плачущей вдовы, такъ именно потому, что не совсѣмъ ясно понимала и ея горе. Въ пугливомъ недоумѣніи взглянула она на жену Шапкина, но и на ея лицѣ не было замѣтно особеннаго веселья. Недоумѣвающее, сконфуженное лицо ея улыбнулось, но тихо, и коротко... Она слезливо поглядѣла на мужа, полагая въ простотѣ душевной, вмѣстѣ съ Надей и Софьей Васильевной, что въ его власти осушить бабьи слезы немедленно. Послѣ довольно продолжительнаго вытья бабы, среди котораго перемѣшивались слова «собачка», «кассація», «къ разстрѣлу», «идея мироваго института», «я вдова... мнѣ невозмож-

но...», «аппелируя на неправильность рѣшенія, вы...», «мнѣ легче помереть» и т. д.,—судъ ушелъ, потомъ пришелъ, и тутъ въ разстроганныя сердца нашихъ дамъ былъ нанесенъ новый ударъ, ибо Шапкинъ съ своей каѳедры окончательно пошабашилъ бабу: разсмотрѣвъ ее со множества сторонъ, подведя множество законныхъ основаній, онъ полагалъ бы приговорить бабу къ штрафу въ объемѣ тѣхъ же пяти рублей, но собаку оставилъ въ живыхъ.

По окончаніи рѣчи, онъ взглянулъ на жену, по прежнему улыбаясь, но жена почему-то кусала кончикъ перчатки и глядѣла на Надю, грустную и разстроенную, и на бабу, которая всхлипывала, отирала синимъ дырявымъ платкомъ заплаканное и запотѣлое лицо и глубоко вздыхала.

Во время антракта они вышли въ сѣни съѣзда, чувствуя въ груди нѣчто весьма тягостное. Шапкина уже не хвалила своего мужа, а только отмахивалась платкомъ и смотрѣла черезъ перила на лѣстницу, на которой сидѣли и стояли мужики и бабы.

— Что онъ? Ай онъ очумѣлъ! шумѣлъ внизу у самаго входа, среди кучки разныхъ людей, голосъ Михаила Иваныча.

Заслышавъ его, Надя тоже подошла къ периламъ. Михаилъ Иванычъ былъ совершенно взбѣшенъ, что́, вмѣстѣ

съ отсутствіемъ галстуха на худой шеѣ и совершенно нищенскимъ костюмомъ, придавало его рѣчамъ нѣчто дѣйствовавшее особенно сильно.

— Ай онъ одурманилъ? Что онъ ее гвоздитъ по башкѣ-то? Онъ въ сорока наукахъ ученъ, въ ста водахъ мытъ, — идѣ-жь бабѣ деревенской сладить съ нимъ? Докуда?..

— Нѣтъ, братъ! слышалось тоже внизу, изъ толпы, окружавшей Махаила Иваныча.—Зубовъ у нашего брата нѣту!.. Вотъ чего! Покуда зубовъ не наживемъ, все насъ этакъ-то кувыркать будутъ...

— Не дадутъ! зубовъ-то не дадутъ нагулять!.. бѣсился Михаилъ Иванычъ.

— А кабы она тоже его рѣзанула на евонномъ нарѣчіи, анъ и безъ штрафу-ба!.. Онъ сто двадцать вторая статья, а она ему пятьсотъ тридцать... онъ ей тыщу, а она бы ему миліонтъ, — небось-ба присѣлъ...

Всѣ необразованные слушатели были согласны о необходимости «зубовъ» при новыхъ жизненныхъ порядкахъ; но такъ-какъ никто изъ слушательницъ достаточнымъ образомъ не участвовалъ въ этихъ порядкахъ и не имѣлъ достаточнаго личнаго опыта, гдѣ бы зубы эти требовались, то разсужденія публики на этотъ счетъ хотя и припомнились Надѣ впослѣдствіи, но въ настоящее время не обратили на себя особеннаго вниманія, которое гораздо

болѣе было поглощено словами разозленнаго Михаила Иваныча. Ничѣмъ не превосходя ни нашихъ дамъ, ни бабу въ пониманіи юридическихъ наукъ, Михаилъ Иванычъ, подобно имъ, возмущался жестокосердіемъ господъ судей и выражалъ эту мысль на своемъ разозленномъ языкѣ такъ сильно, что слушательницы были возмущены поступкомъ Шапкина до глубины души, ибо не могли не сочувствовать ему.

— Онъ ошибся!.. съ трудомъ поборовъ тягостное молчаніе, проговорила Шапкина.

Въ это время въ сѣни вошелъ самъ Шапкинъ. Надя не чувствовала къ нему уже ни благоговѣнія, ни симпатіи—она боялась его. Стоя у перилъ, она не поворачивала головы въ сторону разговаривающихъ супруговъ, но слушала ихъ шопотъ съ любопытствомъ. Шапкинъ, успокоивая взволнованную жену, говорилъ ей, что онъ не имѣетъ права вступать съ бабой въ задушевныя бесѣды, что такихъ бабъ приходитъ по сту въ день, всѣмъ не разъяснишь, что, наконецъ, дѣйствовалъ такъ, какъ говоритъ законъ, и что никакого зла онъ бабѣ не желалъ.

— Развѣ ты не понимаешь, чего она хочетъ? говорила Шапкина.

— Разумѣется, понимаю.... Но видишь, въ чемъ дѣло...

— Такъ зачѣмъ же ты не слушаешь ее?.. Она говоритъ свое, а ты свое...

— Поэтому-то мы оба и правы: она говоритъ, что ей нужно, а я — что̀ мнѣ нужно.

— Да она не понимаетъ тебя. Ты былъ въ университетѣ, а она...

— Чѣмъ же я виноватъ, что она не была тамъ?

Шапкинъ улыбался. Жена молчала.

— Я самъ въ томъ же положеніи, какъ и она. Я не могу ей сдѣлать добра потому, что она тоже не можетъ доставить мнѣ удовольствія быть ей полезнымъ... Когда мы будемъ вмѣстѣ съ ней по одной книжкѣ читать, тогда все это и кончится...

Потолковавъ еще на тэму о всеисправляющемъ времени,—Шапкинъ ушелъ. На лицѣ его жены, послѣ этого разговора, не проходило выраженіе огорченія.

По уходѣ его, дамы постояли въ сѣняхъ еще минуты двѣ-три и тихо стали спускаться по улицѣ къ выходу. У воротъ, на улицѣ, онѣ встрѣтили бабу; полушубокъ ея былъ разстегнутъ и концы головнаго платка развязаны: отирая платкомъ раскраснѣвшееся и потное лицо, она сидѣла на тумбѣ, уложа около себя какіе-то узелки, и говорила другой бабѣ:

— Пуще всего рада, собачку-то не ухлопали... Какъ вѣдь онъ меня полыхалъ!..

Шапкина дала ей двугривенникъ (больше у нея не было съ собой) и приглашала ее къ себѣ пить чай, но баба не пошла, отговариваясь тѣмъ, что она и такъ пять дней дома не была черезъ этотъ судъ и не знаетъ, что́ теперь съ дѣтьми, живы ли.

Всѣ медленно разошлись по домамъ.

Въ головѣ Нади бродила мысль, что не всякое дѣло образованнаго мужа можетъ придтись по вкусу женѣ. Богъ знаетъ, можетъ, мужу придетъ охота взять должность душить да давить, какъ выражается необразованный Михаилъ Иванычъ,—и тогда жить тоже плохо. Тутъ ей припомнилась взаимная любовь Шапкиныхъ, ихъ поцалуи, нѣжности, перемѣшанныя съ непонятными словами, которые быть можетъ и значатъ дурное, — и она охладѣла къ нимъ, а на душѣ стало еще тяжеле. Необразованная мысль ея шла ухабами, кривыми дорогами,— словомъ, тѣмъ путемъ, какимъ шли современныя будни, неосвѣщенныя никакимъ запасомъ знаній, опытовъ. Много было отъ этого лишнихъ мученій скуки, потому что каждый опытъ, попадая въ эту нетвердую, неопытную мысль ея, только мутилъ и раззорялъ ее.

Грустно возвращались Надя и Софья Васильевна въ свою глухую улицу, чтобы снова томиться въ однообразіи пустоты и скуки, поджидая нападенія Павла Ива-

ныча. На этотъ разъ ихъ не сопровождалъ даже Михаилъ Иванычъ, съ которымъ въ эту пору происходили разныя новости...

VII.

Новости. — Чугунка.

Какъ уже сказано, злость Михаила Иваныча къ этому времени достигла самыхъ страшныхъ размѣровъ, такъ что рѣшительно не было человѣка, который бы, столкнувшись съ нимъ, не назвалъ его бѣшеной собакой. Причиною такого озлобленія было, вопервыхъ, долгое бездѣльное житье, къ какому Михаилъ Иванычъ совершенно не привыкъ и предѣлъ котораго былъ для него совершенно неизвѣстенъ; вовторыхъ, томительное однообразіе нищенскаго и безвыходнаго положенія, и втретьихъ, наконецъ, чугунка, открытія которой ждали съ минуты на минуту. До тѣхъ поръ, пока чугунка не была достроена, когда этого нужно было еще ждать, одинокая, заброшенная всѣми, душа Михаила Иваныча могла пробавляться раз-

ными надеждами на будущее. Терпѣливо ожидая ея, съ этими надеждами, ему было легче переносить постоянную насмѣшку надъ собой, скуку скитаній вслѣдъ за скучными барынями среди іюльской жары, пыли и проч. Но теперь это дѣлалось совершенно невозможнымъ. Глядя, какъ съ каждымъ днемъ около воксала уменьшаются лѣса, какъ двигаются первые тяжелые вагоны, свистятъ паровики, — Михаилъ Иванычъ сталъ чувствовать себя совершенно одинокимъ, ибо всѣ эти новости разсѣевали надежды на Петербургъ. Оказывалось, что у Михаила Иваныча нѣтъ денегъ, чтобы туда ѣхать, что даже и ѣхать ему незачѣмъ, а фигура Максима Петровича утратила почему-то всю ту ясность, съ которой представлялась до сихъ поръ. Михаилъ Иванычъ сталъ чувствовать себя растерзаннымъ, убитымъ, но пряталъ свое отчаяніе отъ насмѣшекъ и показывалъ только злость. Въ это время онъ уже не могъ, даже у Черемухиныхъ, злиться тихо, какъ прежде, а, напротивъ, наровилъ всякаго оборвать, перекусить пополамъ.

— Скучно! говорила Надя.

— Да вотъ какъ же! огрызался Михаилъ Иванычъ.— Сейчасъ для васъ заиграютъ въ барабаны, въ трубы затрубятъ, чтобъ вамъ веселѣе... Оченно всѣ объ этомъ въ заботѣ, чтобы васъ увеселить... Сію минуту-съ...

Вслѣдствіе замѣчаній старухи Черемухиной, чтобы

онъ говорилъ попокойнѣе, потому, молъ, что между простыми людьми незачѣмъ этакъ шумѣть, — Михаилъ Иванычъ иногда замолкалъ, и иногда, разозлившись, уходилъ ругаться въ другое мѣсто. Подобно семейству Черемухиныхъ, ему опротивѣлъ и помѣщикъ Уткинъ, и всѣ цаловальники и знакомые въ Желтиковѣ и на пути къ нему; онъ шатался то тамъ, то сямъ, оборванный, худой, не вступая ни съ кѣмъ въ подробные разговоры, отплевываясь и отругиваясь отъ всѣхъ вопросовъ, задаваемыхъ кѣмъ-либо ему, какого бы невиннаго содержанія они ни были. Кашель и ревъ въ груди, усилившійся въ послѣднее время, много помогали ему въ этой неразговорчивости.

Случай спасъ Михаила Иваныча отъ погибели, отъ одинокой смерти, гдѣ-нибудь въ полѣ, по крайней-мѣрѣ, на время. Оказалось, что есть люди, желающіе и умѣющіе взять дань съ этого кашля, ревущей груди и злости...

Предъявляя эти свойства на крыльцѣ мироваго съѣзда, въ защиту несчастной бабы, защищавшей свою собаку, Михаилъ Иванычъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ слушателей. Это былъ высокій, полный купецъ; слушая, какъ онъ лается на властей, обидѣвшихъ бабу, какія онъ употребляетъ при этомъ выраженія, купецъ не могъ не сообразить, что передъ нимъ стоитъ человѣкъ, который въ грошъ не ставитъ цѣну своей головы. Ку-

пецъ долго слушалъ его; при особенно вѣскихъ выраженіяхъ отходилъ прочь, начиналъ смотрѣть въ сторону, или въ потолокъ, принимая самое невинное выраженіе лица, и въ то же время не проронилъ ни слова...

— Чудёнъ! произнесъ онъ съ улыбкой, наряду съ другими слушателями, когда публика на крыльцѣ начала расходиться и сталъ надѣвать шапку, чтобъ идти. Надъ шапкой онъ возился до тѣхъ поръ, пока не разошлись всѣ, и тогда вышелъ за вороты, неторопливыми шагами пошелъ за Михаиломъ Иванычемъ, догналъ его, тронулъ пальцемъ въ плечо и проговорилъ:

— Толконись въ трактиръ Утюгъ... разговоръ будетъ... дѣло есть...

И прошелъ мимо, и съ беззаботностью ребенка, читая по складамъ вывѣски.

Михаилъ Иванычъ остановился, какъ-то одеревенѣлъ отъ радости при словахъ «дѣло есть»—и торопливо пошелъ вслѣдъ за купцомъ. Тотъ опередилъ его; первый вошелъ въ самый грязнѣйшій трактиришко, гдѣ его, повидимому, коротко знали, и спросилъ нумерокъ.

— Какое дѣло? пыталъ Михаилъ Иванычъ, войдя въ нумеръ. Но купецъ, не отвѣтивъ ему, оглянулъ стѣны, и сказалъ половому:

— Нѣтъ ли потемнѣй комнатки? Больно свѣту много... Дѣло секретное, не подходитъ!.. шепнулъ онъ Ми-

хаилу Иванычу. Половой привелъ ихъ въ темную клѣтушку, съ темными ободранными обоями и окномъ, заслоненнымъ какими-то постройками и грязными тряпками, сушившимися противъ него на веревкѣ.

— Какое дѣло? повторилъ Михаилъ Иванычъ, когда они усѣлись около маленькаго заплеваннаго стола.

— Настоящее будетъ дѣло-съ... сказалъ купецъ и потребовалъ водки и чаю.

— Просимъ покорно; выкушайте...

Михаилъ Иванычъ выпилъ и закусилъ, нѣсколько времени молча глядѣлъ на купца и опять спросилъ:

— Въ какомъ смыслѣ дѣло будетъ ваше?

Купецъ налилъ чаю, уперся локтемъ въ столъ, и сталъ хлебать, повидимому, не спѣша, приготовляясь къ самому основательному разговору.

— Кто такіе будете?.. спросилъ онъ наконецъ.

— Рабочій... выгнанъ за бунты... съ заводу.

— Оченно превосходно!.. Выкушайте рюмочку.

Михаилъ Иванычъ выпилъ.

— На какомъ основаніи имѣли ваше бунтованіе?..

— А на такомъ, что большой оченно разбой напущенъ на простаго человѣка.

Двѣ рюмки водки, выпитыя среди лютой іюльской жары, подѣйствовали сильно на больные нервы Михаила Иваныча, и онъ въ длинномъ и жолчномъ разсказѣ пе-

редалъ купцу свои взгляды на прижимку. Одобреніе, которое купецъ высказывалъ при словахъ: «рабочій человѣкъ ошалѣлъ», «задушенъ», — придало его рѣчамъ гораздо большее количество энергіи, нежели водка, и всѣ душевныя скорби его были выпущены на волю, безъ всякихъ ограниченій.

Разсказаны были, разумѣется, всѣ планы насчетъ Петербурга, Максима Петровича, отъ котораго въ дѣлѣ заступничества за простаго человѣка ожидается значительная помощь.

Купецъ все слушалъ, изучая натуру Михаила Иваныча, одобрялъ и, наконецъ, перевернувъ двѣнадцатую чашку, сказалъ:

— Имѣете большое роптаніе... Оченно превосходно! Для нашего дѣла такой человѣкъ требуется, чтобы съ ропотомъ... Толканитесь завтрашняго числа вторительно въ номерокъ, объ эту пору... Можетъ, Богъ дастъ, въ Петербургъ съѣздите... Будьте здоровы.

Какъ ни темны были дѣла, предлагаемыя купцомъ, но Михаилъ Иванычъ ужь былъ закупленъ въ пользу ихъ съ одного разу; вопервыхъ, эти дѣла одобряютъ его взгляды; вовторыхъ, сулятъ ему возможность уйдти отсюда, изъ этого проклятаго города, гдѣ онъ страдалъ и чахъ цѣлую жизнь. Не разгадавъ сущности дѣлъ, затѣваемыхъ купцомъ, Михаилъ Иванычъ съ теченіемъ даль-

нѣйшей бесѣды съ нимъ убѣдился, что лично ему поручаемое дѣло состоитъ именно въ томъ, чтобы защищать простого человѣка, что̀ составляло его завѣтную мечту.

— Вы обижены, говорилъ ему купецъ, сидя за чаемъ въ комнаткѣ:—вы простой рабочій человѣкъ, потерпѣли большое притѣсненіе... Такія ваши слова?

— Такъ точно. Потому всѣ мы замучены...

— Ну вотъ-съ. Вы такъ говорите, якобы всѣ. Еще того лучше... Слѣдственно ваше дѣло роптать на притѣсненія-съ... Куда вы намѣрены были сами въ Санпетербургѣ жаловаться, роптать, напримѣръ, то вы и ропщите... Производите по вашему рабочему дѣлу шумъ — больше ничего и не требуется... Шумите-съ... Передъ начальствомъ, напримѣръ, сдѣлайте объясненіе... По знакомымъ, чтобы тоже бы шумѣли... Ропщите, напримѣръ, и все тутъ!.. Больше ничего! Это для нашего дѣла оченно способствуетъ, ежели вы за нашего рабочаго заступленіе окажете въ Санпетербургѣ.

— За простаго человѣка? кричалъ въ такихъ случаяхъ Михаилъ Иванычъ, всегда угощенный водкой:—въ гробъ пойду!

— И чудесное дѣло!... Производите ваше роптаніе въ аккуратѣ, и отъ насъ будетъ вамъ взаимно.

Въ необходимости заступаться за простаго человѣка и шумѣть изъ-за него въ Петербургѣ, Михаила Иваныча

укрѣпляло нѣсколько разныхъ лицъ, которыхъ поочередно приводилъ въ комнатку первый купецъ. Всѣ они выслушивали ропотъ Михаила Иваныча, предварительно заставивъ его выпить водки, переглядывались между собою, шептали другъ другу «на что же лучше», и затѣмъ объясняли цѣль его будущей миссіи именно въ смыслѣ роптанія на теперешнее положеніе рабочаго человѣка.

Такіе толки и испытанія способности Михаила Иваныча шли довольно долго; но мы не будемъ останавливаться на нихъ, ибо всѣ засѣданія въ комнаткѣ грязнаго трактиришка были совершенно похожи другъ на друга. За день или за два до открытія чугунки, поѣздка его была рѣшена. Купцы дали ему пятьдесятъ цѣлковыхъ на расходы, одѣли его, какъ одѣваютъ вольника на три, на четыре дня, пока ему не надѣнутъ на плечи солдатской шинели, сказали, чтобы отписывалъ обо всемъ на имя какого-то ничтожнаго мелочнаго лавочника, и отпустили его собираться въ дорогу.

И въ то время, когда задыхавшійся отъ радости Михаилъ Иванычъ бѣжалъ къ Черемухинымъ, чтобы сообщить, что онъ воскресъ, что онъ побѣдилъ, между его благодѣтелями-купцами, въ томъ же нумерочкѣ «Утюга», шелъ такой разговоръ.

— А это, братъ, ты аккуратно придумалъ, говорилъ

одинъ: — коноводу тайнаго дѣла — запустить волчка.... хе-хе-хе...

— Хе-хе-хе... смѣялся коноводъ. — Потому что безъ волчка невозможно... Ежели мы, примѣрно, сами пойдемъ по этому дѣлу... насъ, братъ, начнутъ тамъ чистить, карманы наши, напримѣръ...

— Хе-хе-хе... Вѣрное слово!

— Кромѣ того, мы пужливы... Тяжелы... Этакое дѣло намъ начать, такъ вѣдь это насъ, по нашей глупости, какъ разграбятъ-то?...

— Синь пороха не оставятъ!

— То-то вотъ... А какъ я перво-наперво этакого-то дьявола пущу волчкомъ, какъ онъ нашумитъ тамъ, передъ начальствомъ-то, анъ ужь намъ тогда вольготнѣе; тады ужь они будутъ думать: эво, молъ, до чего народъ нѣмцемъ-арендателемъ прижатъ, что ровно бѣшеные, на послѣдніе въ Питеръ бѣгутъ жалиться... Какъ Мишку-то увидятъ... Вѣдь это что? Пуля!

— Пуля!... Это вѣрно... Ну, такъ надо думать, что башку ему свернуть тамъ...

— Это вѣрно! Прямо въ огонь лѣзетъ... Да что же? Первое дѣло, что своя его воля, а второе, что и башку ежели ему, такъ и то не Богъ вѣсть... Ни кола, ни двора, ни куринаго пера... А намъ все сходнѣй тогда-то съ хлѣбомъ съ солью подвалить... Такъ, аль нѣтъ?...

Разумѣется, всѣ были согласны съ практичностью такого употребленія особы Михаила Иваныча, тѣмъ болѣе, что и самое дѣло, которое намѣрены были господа предприниматели начать хлѣбомъ-солью, не было особенно гуманнымъ: партія провинціальныхъ капиталистовъ, появившихся какъ-то внезапно въ послѣднее время, намѣрены были взять у казны заводъ, находившійся въ настоящую минуту въ рукахъ нѣмца-арендатора. Пошатнуть нѣмца сразу было нелегко, потому что въ Петербургѣ онъ имѣлъ хорошую заручку; нужно было произвести особенный говоръ по вопросу о передачѣ завода въ русскія руки, нуженъ былъ шумъ въ Петербургѣ, сдѣланный фанатикомъ страданій рабочаго народа — и вотъ пригодились и больная грудь Михаила Иваныча, и его злость, и его фанатическая вѣра въ нынѣшнее время, когда простому человѣку даютъ ходъ.

Поможетъ или не поможетъ Михаилъ Иванычъ этимъ людямъ въ набиваніи ихъ кошелей, мы еще не знаемъ, какъ не знаетъ этого онъ самъ, твердо вѣрующій, что идетъ шумѣть за права простого человѣка. Вѣра въ это преобразовала его въ послѣдніе дни совершенно. Злость пропала и на худомъ, болѣзненномъ лицѣ свѣтилась какая-то дѣтская радость. Въ новомъ костюмѣ, стоившемъ нѣ-

сколько грошей, онъ, правда, походилъ въ это врема на человѣка, который только что выписался изъ больницы— худъ, еще нездоровъ, но радъ дышать чистымъ воздухомъ, радъ глядѣть на людей, ходить по травѣ. Безъ ругательствъ распрощался онъ съ жолтиковскими знакомыми, съ Уткинымъ, съ цаловальниками, съ дьячками — и всѣ они на этотъ разъ тоже дружелюбно отнеслись къ нему; иные даже просили похлопотать въ Петербургѣ. Дали ему множество адресовъ, просили розыскать, купить, написать поподробнѣе «обо всемъ». Михаилъ Иванычъ охотно принималъ порученія, цаловался съ оставляемыми имъ врагами и въ дѣтскомъ умиленіи говорилъ:

— Много терпѣлъ простой человѣкъ—пора вздохнуть! Авось найдутся добрые люди, помогутъ намъ?...

Всѣ говорили, что найдутся, и вѣрили этому.

За день до отъѣзда, онъ совсѣмъ перебрался изъ Жолтикова въ кухню Черемухиныхъ, и уже не злился въ это время на скучавшую Надю, и на старуху Черемухину, потому, что въ эти минуты былъ счастливѣе всѣхъ. Напротивъ, ему почему-то было немного даже жалко покинуть ихъ; да и имъ безъ него видимо было скучно, въ особенности Надѣ, которая въ эту минуту стала чувствовать къ Михаилу Иванычу особенное расположеніе: безъ него оставались одни мертвецы кругомъ ея. Подъ вліяніемъ этого расположенія къ Михаилу Иванычу, Надя,

ея мать и Софья Васильевна снаряжали его въ дорогу, какъ близкаго имъ родного. Ходили съ нимъ въ ряды покупать галстухъ, манишку, каковыя вещи, по мнѣнію Михаила Иваныча, весьма необходимы въ разговорахъ съ петербургскими людьми; набили ему двѣсти папиросъ изъ табаку въ гривенникъ, ибо Михаилъ Иванычъ не рѣшался тратить на пустяки много, когда нужны деньги на хлопоты объ участи простого человѣка. Въ свою очередь и Михаилъ Иванычъ взялся сдѣлать для Черемухиныхъ доброе дѣло: сынъ Черемухиной Василій, тотъ самый, который лазилъ къ Михаилу Иванычу на печку слушать сказки, пять лѣтъ почти безъ вѣсти пропадалъ въ Петербургѣ. Гдѣ онъ и что съ нимъ, мать рѣшительно не знала; послѣдніе два года онъ не писалъ ни строки; слышно было, что вышелъ изъ университета не кончивъ курса, но живъ ли теперь или умеръ — Богъ знаетъ. Михаилъ Иванычъ весьма былъ радъ взяться за это порученіе; кромѣ фантастическаго Максима Петровича, у него въ Петербургѣ не было никого, а Василій Андреичъ, братъ Нади, долженъ помнить его болѣе, нежели Максимъ Петровичъ, потому что онъ не одинъ десятокъ сказокъ разсказалъ ему въ дѣтствѣ.

— А не забыли, скажу, какъ вы ко мнѣ на печку бѣгали? а?... фантазировалъ Михаилъ Иванычъ... Да, помнитъ! Какъ забыть!... А Максиму Петровичу—прямо въ

ноги... Земной поклонъ! Передъ Богомъ! «Какъ ты, скажетъ,—смѣлъ купецкія краденыя деньги на дорогу брать?» «—Голубчикъ! Максимъ Петровичъ! ужъ неужтожъ такъ имъ и оставлять всѣ?... Довольно они денегъ-то нашихъ положили въ карманъ. Дай и намъ грошикъ!...» Эхъ и человѣкъ-же!

Минуты всеобщаго расположенія охмѣлили Михаила Иваныча до того, что онъ въ послѣдніе дни былъ постоянно немножко навеселѣ, ибо на радостяхъ рѣшался пропивать въ день по двугривенному, по пятиалтынному; въ такомъ радостномъ настроеніи онъ лѣзъ цаловать ручки у Нади, у Черемухиной, у Софьи Васильевны; попилъ—погулялъ съ мастеровымъ Ваней и его женой Фенюшкой; пѣсенъ попѣлъ съ ними, пошатался ночью по улицамъ съ мастеровымъ народомъ и гармоніей, и даже выказалъ поползновенія насчетъ женскаго пола,—остановившись на улицѣ противъ прохожей дѣвушки съ такими словами:

— Дать тебѣ дорогу, красавица, али нѣтъ?... сказалъ онъ, снявъ картузъ и прибавилъ:—проходи, милая, никто не посмѣетъ... Богъ съ тобой!...

Среди этого гулянья онъ не упускалъ случая раздругой заглянуть на чугунку и разспросить «не ушла ли?» Успокоенный отвѣтомъ «нѣтъ еще», шелъ проститься съ старымъ знакомымъ, въ кабачекъ, къ Трифонову, гдѣ на

прощаньи весьма основательно обругалъ Павла Иваныча, за что заслужилъ всеобщее одобреніе. Наконецъ въ одно утро,—ужь не рабочіе, а сторожъ при желѣзной дорогѣ, одѣтый какъ картинка, объявилъ, что сегодня въ седьмомъ часу вечера, будетъ изъ О. — первый поѣздъ въ Москву...

— Вре...? пролепеталъ Михаилъ Иванычъ, обрадованный до испуга, и долгое время стоялъ молча съ разинутымъ ртомъ, чувствуя, что какъ будто бы все тѣло его превратилось въ одно сердце, бьющееся отъ великаго счастія—и побѣжалъ къ Черемухинымъ...

— Облажена! пробормоталъ онъ, и сталъ сію же минуту собираться въ дорогу...

Надѣ вдругъ стало страшно тяжело отъ этого слова «облажено», отъ этого счастья улетѣть изъ разореннаго омута, освѣжить свою раззоренную, безплодно тоскующую голову...

Не для одного Михаила Иваныча и Черемухиныхъ этотъ день былъ чѣмъ-то особеннымъ, не будничнымъ, когда люди умираютъ отъ скуки, и не праздничнымъ, когда люди могутъ пить, спятъ до обморока и смотрятъ фейерверкъ въ присутствіи господина начальника губерніи... Въ этомъ днѣ чувствовалось что-то томительное и радостное. Въ нашу глушь, въ нашу скуку, беззащитную, брошенную жизнь, пришло что-то совсѣмъ новое,

сулящее лучшее будущее,—и еще не измѣнившее нашей тоски, нашего гореванья ни на волосъ. Не одинъ Михаилъ Иванычъ ни свѣтъ ни заря суетился и торопился на машину — весь городъ былъ какъ-то наэлектризованъ этой новостью, такъ, что когда часовъ въ шесть Михаилъ Иванычъ, сопровождаемый Надей и Софьей Васильевной, пришелъ въ вокзалъ, — здѣсь уже были толпы народа. Все это двигалось, было весело, собирались уѣхать, улетѣть; ни одной заспанной щеки, ни однихъ глазъ, заплывшихъ отъ одури, нельзя было встрѣтить, среди толпы, бродившей по широкимъ комнатамъ вокзала... Вся эта суета, пробужденіе, чѣмъ-то горькимъ отзывалось въ сердцѣ Нади; а Михаилъ Иванычъ, въ жизни котораго событія слѣдовали въ послѣднее время съ такой ошеломляющей быстротой, почувствовалъ нѣкоторый страхъ, вслѣдствіе чего, попросивъ барышень поглядѣть за узелкомъ, скрылся на время неизвѣстно куда, а возвратившись чрезъ нѣсколько минутъ имѣлъ лицо весьма радостное.

— То-есть, вотъ какъ обладимъ дѣла! сказалъ онъ Надѣ, тряхнувъ кулакомъ.

— Вы водки напились? вмѣсто отвѣта, сказала та.

— Да, голубчики! снимая картузъ залепеталъ Михаилъ Иванычъ: — милые!.. Да какъ мнѣ не выпить?.. Ангелочки вы мои...

И принялся цаловать у барышень руки, что́ хотя и было не особенно замѣтно среди толпы, однако заставило Надю и Софью Васильевну уйдти впередъ, на платформу.

Скоро Михаилъ Иванычъ розыскалъ ихъ и здѣсь. Но отъ изліяній воздерживался, ибо всеобщее вниманіе было обращено на лѣсъ, изъ котораго съ минуты на минуту долженъ былъ выпорхнуть первый поѣздъ. Въ ожиданіи его шли разговоры. Благородные толковали о томъ, что теперь представляется удобный случай ѣздить въ Москву, въ театръ. «Утромъ выѣхалъ, къ обѣду тамъ; умылся, одѣлся и — маршъ, а къ утру — опять дома».—«Великолѣпно!» Другіе, изъ числа тѣхъ же благородныхъ, смотрѣвшіе на это дѣло глубже, разсуждали о подвозѣ, о расширеніи... Простой народъ, не имѣвшій возможности понять, что оный подвозъ и оное расширеніе могутъ образоваться изъ ихъ дырявыхъ лаптей, трактовалъ чугунку съ точки зрѣнія величайшей умственной чуши...

— Потребовалъ ты чаю, слышалось въ толпѣ.

— Ну?

— Ну, сейчасъ подаютъ тебѣ—га-арячева... изъ первыхъ кипятковъ... Чуялъ?.. Чтобы бѣлымъ ключомъ кипѣлъ—ну, чтобы ты его выпилъ! Ужь чтобы, братъ, ты его въ три минуты выхватилъ... Ужь, братъ, тутъ ни-ни-ни...

— А ежели не дохлебаю?

— А ежели ты его не дохлѣбаешь—штрафъ! Потому ей некогда тебя дожидаться, пока ты расхлебывать будешь. Ты хлебнулъ, а ужь она, братъ, хвостомъ вильнула, — за тыщу верстъ... Тутъ, братъ, ужь ни Боже мой!..

— Хитра пружинка!..

Въ другой группѣ слышалось:

— А батюшка?

— А батюшка, — онъ почему? Потому, что онъ съ кропиломъ. Какъ она подлетитъ, сейчасъ онъ ей кропиломъ въ эвто мѣсто... Напримѣръ, въ морду ей, — будемъ такъ говорить; для тово, что намъ требуется, чтобы она насъ снабжала, напримѣръ на пользу, ну неужели чтобы дозволить ей разводить бѣсину — прости Господи! Надыть его выколотить оттэда... Вотъ почему отецъ Амвросій съ причтомъ, а нежели вы утверждаете, чтобы принимать ему благословеніе отъ петербургскаго генерала... Фальшъ!

Разговоры публики были прерваны необыкновенно громкимъ крикомъ какого-то сильнѣйшаго горла, раздавшимся откуда-то сверху...

— Ана-а!.. Бра-атцы!..

Все зашумѣло, шатнулось и замолкло.

Изъ глубины начинавшаго темнѣть лѣса выглянули

два красные глаза, донесся жиденькій свистокъ — это былъ первый поѣздъ.

— Вотъ она, матушка! шепталъ замлѣвшій Михаилъ Иванычъ въ то время, когда среди всеобщаго молчанія, поѣздъ все ближе и ближе подходилъ къ платформѣ.

— Ахъ, голубчики!.. слышалось робко то тамъ, то сямъ.

Поѣздъ пришелъ и остановился. Молчаніе смѣнилось еще болѣе оживленнымъ движеніемъ. Говоръ. Шумъ. Смѣхъ. Михаилъ Иванычъ чуть не плакалъ отъ радости и безпрепятственно цаловалъ ручки своихъ спутницъ которыя были совершенно подавлены всѣмъ, что̀ видѣли.

— Дай Богъ вамъ! За вашу доброту!.. Надежда Андревна! Софья Васильевна! бормоталъ Михаилъ Иванычъ.

— Отыщите брата! Пожалуйста! просила его Надя.

— Подъ землей вырою-съ!.. На нихъ надежда!.. Для васъ, для маменьки вашей... Ту-исъ...

И снова начиналось хватаніе рукъ, цалованіе концовъ кофты, въ которую была одѣта Надя... Долго на спинѣ Михаила Иваныча плясалъ узелъ съ пожитками отъ поклоновъ и намѣреній стать на колѣнки. Звонокъ прервалъ эти изліянія.

— Дай Богъ вамъ... крикнулъ Михаилъ Иванычъ, махнувъ картузомъ и скрылся въ толпѣ. Въ дверяхъ

началась давка, уничтожившая сразу всю новизну минуты.

Затертыя толпой, Надя и Софья Васильевна не видали, какъ Михаилъ Иванычъ, высунувъ голову въ вагонное окно, искалъ ихъ глазали, чтобы еще разъ сказать «дай Богъ вамъ!» Онѣ слышали, какъ застучали колеса поѣзда, раздались свистки, повисли надъ головами черные клубы дыма...

Видѣли, какъ дымъ поблѣднѣлъ, потомъ исчезъ...

Громъ колесъ сдѣлался тише и скоро замолкъ...

Поѣздъ выглянулъ чорной массой у новаго чугуннаго моста, прогремѣлъ надъ водой, окуталъ дымомъ старинную зарѣченскую колокольню, на которой жиденькіе колокола возвѣщали третій звонъ и скрылся.

Толпа долго стояла и смотрѣла въ слѣдъ. Многіе почему-то вздохнули и пошли по домамъ...

VIII.

Лѣтній вечеръ.

Былъ душный лѣтній вечеръ, когда Надя и Софья Васильевна возвращались съ желѣзной дороги. Ни той, ни другой не хотѣлось идти домой, — въ эту лютую скуку, изъ которой уходятъ даже Михаилы Иванычи. Надя была глубоко грустна и задумчива и не выказывала на этотъ разъ особенной внимательности къ Софьѣ Васильевнѣ, и такъ-какъ послѣдняя держалась и жила только этимъ сочувствіемъ Нади и ея внимательностію, то въ настоящую минуту чувствовала себя совершенно одинокою, подавленною, брошенною. Слезы были близко. Сначала думали онѣ идти ночевать къ Печкинымъ, ибо Софья Васильевна не была дома почти два дня; но мысль о томъ, какая скука ожидаетъ ихъ въ обществѣ Павла

Иваныча, сдѣлала невозможнымъ это намѣреніе. Подумали-было идти къ Черемухинымъ, но и тамъ было не веселѣй: пожалуй кто нибудь умеръ, кто нибудь отходитъ... Порѣшили идти на бульваръ; было уже довольно темно,—такъ, что простые костюмы не могли конфузить ихъ среди разряженныхъ губернскихъ баръ. И пошли въ той же тоскѣ и задумчивости.

Но на полпути къ бульвару, тоска ихъ была во сто разъ увеличена появленіемъ Павла Иваныча. На углу какой-то улицы, онъ наткнулся на нихъ и забормоталъ:

— Что̀ это? Господи! Вѣдь это, наконецъ... Что̀ же это такое?

— Мы на желѣзной дорогѣ были... отвѣтили вмѣстѣ Надя и Софья Васильевна, почувствовавъ, что къ тоскѣ прибавилось что-то похожее на злость.

— На желѣзной дорогѣ! воскликнулъ Печкинъ. — Вотъ это великолѣпно! Желѣзная дорога, желѣзная дорога, ну, что́ же такое? Ужь ежели желѣзная дорога, такъ мнѣ и выпячиваться на нее...

— Мы не выпячивались..

— Не выпячивались! Вотъ это еще великолѣпно! Не выпячивались, не выпячивались, а въ чомъ дѣло? Что̀ такое? Неизвѣстно!

Въ дрожавшемъ отъ бѣготни и раздраженія голосѣ Павла Иваныча все-таки слышалась на этотъ разъ нѣко-

торая доля радости, должно быть потому, что онъ отыскалъ жену и не въ сообществѣ офицеровъ, или вообще мастеровъ любовныхъ дѣлъ. Только этимъ и можно объяснить, почему онъ шелъ вслѣдъ за женой и Надей, и хотя выказывалъ намѣреніе вернуть ихъ домой, однако, пришелъ вмѣстѣ съ ними на бульваръ.

На бульварѣ играла музыка и происходило обычное провинціальное гулянье. Между темнѣвшими въ вечернемъ сумракѣ сучьями деревъ, въ особенности же около небольшаго кафе, въ русскомъ вкусѣ, виднѣлись разноцвѣтные фонари, освѣщая то женскую шляпу, то столъ съ чайнымъ приборомъ и проч. Липовая аллея, тянувшаяся по низменному берегу рѣки, около старинной кремлевской стѣны, была наполнена народомъ, медленно двигавшимся и весьма скучавшимъ. Когда замолкала музыка, то въ саду наставала почти мертвая тишина; слышался только шумъ ногъ и шлейфовъ по песку, стукъ чайной ложечки объ край стакана и возгласъ «человѣкъ!» Скука, составляющая обычное достояніе провинціальнаго гулянья, такъ-какъ обществу должно же надоѣсть исключительное занятіе однимъ гуляньемъ,—эта скука въ нынѣшній день перваго поѣзда была какъ-то упорнѣе и молчаливѣе обыкновенной. И можно сказать положительно, что «первый поѣздъ» игралъ въ этой всеобщей задумчивости не послѣднюю роль. То «что-то новое», со-

пряженное съ нимъ, та новая власть, какъ бы понукающая заснувшій народъ впередъ, которая скрыта въ этомъ событіи, и другіе элементы его, неуловимые, но вломившіеся въ нашъ умъ и тронутые имъ съ новою силою,— все это какъ-то отягчало душу не одного изъ тосковавшихъ на бульварѣ, помимо тѣхъ, разумѣется, которые были озабочены перемѣною начальства, распеканіемъ, даннымъ губернаторомъ, и проч. и проч. Не одинъ семинаристъ, изъ числа тѣхъ, которые выступаютъ на гульбище позднимъ вечеромъ и скитаются по заднимъ аллеямъ, боясь испугать своимъ халатомъ публику — не одинъ изъ нихъ чертилъ въ эту минуту планы будущей жизни въ Петербургѣ, куда теперь такъ легко попасть, и въ ожиданіи котораго такъ нелегко живется. Не одинъ подгулявшій мастеровой, раздумавшись на лавочкѣ около рѣки о своей судьбѣ, подумалъ о томъ, что «была не была. Удеру отсэда! Пропадай!» Не одна Надя и Софья Васильевна, завидовали участи улетѣвшихъ изъ этого мертваго царства.

Быть можетъ, это тосковань и нельзя признать общимъ; во всякомъ случаѣ, слегка знакомый намъ барчукъ Уткинъ, находившійся тутъ же на бульварѣ, испытывалъ на себѣ именно это гнетущее душу содержаніе нынѣшняго событія. Вялая, тощая фигура его, полулежащая на лавкѣ, едва виднѣлась въ темной тѣни бузин-

наго куста. Мы разсматривать ее не будемъ, предпочитая сказать два слова о томъ, что́ именно дѣлалось въ головѣ барчука. Чугунка, явившаяся, наконецъ, у насъ, привела его къ мысли, что время идетъ все впередъ и впередъ; что дѣла съ каждымъ днемъ все больше и больше. И все это какъ-то мимо его! Вспомнились ему безъ толку загубленныя галки, выстрѣлы въ собаку, въ окно; прикащичья дочь, безплодная возня съ ней въ теченіе полугода, чтеніе книгъ великихъ европейскихъ умовъ, при чемъ перевертывалось сразу по пятидесяти страницъ, и въ заключеніе раздавалось выпаливаніе въ галку... Все это необыкновенно грустно подѣйствовало на его душу. Напрасно буфетчикъ Ларивонъ Сердоликовъ, содержавшій въ саду кафе, вывѣсилъ объявленіе о новой кіевской наливкѣ, только что полученной изъ Петербурга; напрасно только что пріѣхавшая изъ Москвы камелія Анна Павловна нѣсколько разъ прошумѣла шлейфомъ около самыхъ его ногъ и даже закурила у него папироску, — не было никакого желанія съ горя пойдти въ буфетъ, выпить, встрѣтить пріятеля; съ горя пойдти за Анной Павловной; съ горя спѣть хоромъ какую-нибудь соотвѣтственную ея салону пѣсню, протратить деньги, и потомъ воротиться въ Жолтиковъ для продолженія мыслей о подготовкѣ, о прикащичьей дочери, о смерти и дѣятельности въ сферѣ избіенія галокъ, сопряженныхъ съ тоской о собственной

безполезности. Ничто не шло въ голову; даже денегъ въ карманѣ Уткина было болѣе обыкновеннаго, но они какъ-то слабо пытались вылетѣть оттуда на этотъ разъ. Не буфета, не Анны Павловны, не выстрѣла въ галку хотѣлось Уткину, а напротивъ, дѣла по возможности самого бы современнаго хотѣлось ему, чтобы жить и дышать за нимъ полной грудью. Спустя нѣсколько времени, онъ, правда, пошелъ и выпилъ, и даже съ Анной Павловной сказалъ нѣсколько словъ, и даже улыбнулся, когда она ударила его зонтикомъ по плечу, но, въ концѣ концовъ, все-таки пришелъ къ прежней лавкѣ и легъ подъ бузиннымъ кустомъ. Подъ вліяніемъ скуки, онъ не замѣчалъ ни публики, ни даже того, что около него на лавочку присѣлъ, предварительно извинившись, какой-то оборванный мастеровой съ значительнымъ градусомъ въ головѣ, и не слыхалъ, что онъ что-то бормоталъ.

— Вашъ бродь! шепталъ робко мастеровой. — Ужли пропаду?... Вашскбродь!... Неушта?... Да братецъ ты мой... Ягодка!.. Да я тебѣ скажу, это что́ такое? Игла! а-а! Вотъ то-то и оно. Я ей примусь орудовать—ахъ-ха! Долбону разъ — готово! Со святыми упокой! Прочнина на вѣки вѣковъ. Отъ этого дѣла гонятъ, съ иглой возьмутъ. Эхъ ты-и, бра-атъ! Баринъ! Чуешь, что́ ль?... Чудакъ ты.

— Что́ тебѣ? произнесъ Уткинъ, такимъ тономъ, который прямо говорилъ, что слушать не хотятъ.

— Ну, не надо! сказалъ мастеровой и сталъ молча перекладывать что-то изъ-за голенища за пазуху.

Настала тишина.

— Ну, посидѣли, и пора!.. Что хорошаго? донеслось до слуха Уткина съ сосѣдней лавки.

Здѣсь, освѣщонныя мѣсяцомъ, сидѣли Надя, Софья Васильевна и Печкинъ.

— Посидѣли и будетъ! повторилъ Павелъ Иванычъ, боясь забрюзжать при публикѣ, но все-таки съ признаками нѣкотораго раздраженія въ голосѣ.

— Пожалуйста, минуточку, утомленно пролепетала Софья Васильевна.

— Да по мнѣ, я говорю — все одно. Только что нехорошо. Посидѣли, и довольно. Что торчать-то?..

— Да что́ же все въ духотѣ? Господи! какъ-то раздражонно сказала Софья Васильевна.

— Въ духотѣ, въ духотѣ, забормоталъ уже обыкновеннымъ голосомъ Павелъ Иванычъ: — а вотъ какъ что-нибудь случится. Ишь вонъ какъ шатаются. Ну, чего торчать-то? Посидѣли, чего еще? Ну, и пора. Ишь вонъ какія шлюхи, ей-Богу...

— Павелъ Иванычъ! Да, неужели, въ самомъ дѣлѣ

лучше въ душной, начала-было Надя, но Печкинъ, взбѣсившійся въ конецъ, перебилъ ее.

— Да вотъ мы тутъ будемъ умудряться: ужели, нежели, а вотъ какъ случится что-нибудь. Вотъ и «нежели» будетъ.

— Что́ же случится?

— Да вотъ мы тутъ самое мѣсто нашли разсуждать! Самое настоящее мѣсто, очень нужно! Вѣдь кажется довольно посидѣли. Ну что́ хорошаго? Ишь вонъ какія шкуры...

Ему не отвѣчали.

Какъ ни была разбита голова Уткина, въ настоящую минуту, однако и въ ней нашлось нѣсколько доводовъ противъ того, что весьма глупо запрещать человѣку дышать чистымъ воздухомъ, на основаніи того, что кто-то шляется и что можетъ случиться какая-то дичь. Онъ понялъ, что кто-то, почему-то притѣсняетъ другого.

— Вашъ бродь! буркнулъ мастеровой... Извольте послушать!

— Будетъ, пожалуйста! умоляющимъ голосомъ останавливалъ его Уткинъ.

— Да вѣдь фальшивую дали... Цѣловальникъ-то который... Рупъ напримѣръ...

— Отстань!

— Да вѣдь лавочникъ-то...

— Убирайся къ чорту!.. внѣ себя воскликнулъ Уткинъ.

Мастеровой остановился, добродушно сказалъ: «ну, не надо!» и снова сталъ рыться за голенищемъ, за пазухой, перекладывая что-то изъ шапки въ рукавъ, изъ рукава въ сапогъ.

— То-есть, кабы зналъ бы... дребезжалъ Павелъ Иванычъ... Ну что толку! Ужь кажется, вѣдь довольно...

— Пойдемъ! отрывисто сказала Надя, быстро поднялась съ лавки и пошла. Въ слѣдъ за ними торопливо побѣжалъ Павелъ Иванычъ,—а черезъ нѣсколько минутъ и Уткинъ, сообразившій «что тутъ что-то есть», пошелъ тоже вонъ изъ сада, куда дѣйствительно началъ стекаться разбитной народъ. Музыка, оставленная капельмейстеромъ нѣмцемъ на произволъ солдата, помощника,—играла русскія пѣсни; по глухой аллеѣ кого-то тащили будочники. Кучка молодыхъ людей, среди которыхъ блистала на мѣсяцѣ кокарда, сверкали шляпы, накрененныя на бокъ, палки, положенныя на плечо—громко разговаривая, смѣясь, преслѣдовали двухъ дамъ, съ бронзовыми полумѣсяцами, въ большихъ шиньйонахъ и съ папиросками въ рукахъ...

Уткинъ шелъ почти слѣдомъ за Павломъ Иванычемъ и его дамами. Молча прошли они пустынную площадь Кремля, гдѣ у лавокъ бѣгали на веревкахъ собаки; ми-

новали соборъ, на высокій и свѣтлый крестъ котораго молился деревенскій мужикъ... Мѣсяцъ ярко освѣщалъ и площадь, и соборъ, и мужика. Уткинъ шелъ тихо,—считалъ часы, которые съ переливами били на колокольнѣ и молчалъ... И тамъ молчали... Только Павелъ Иванычъ, спотыкаясь о камни, и стукая о нихъ палкой, не сдерживалъ уже своего брюзжанія.

— Вѣдь этакъ торчатъ... Наконецъ вѣдь это... Надо же когда-нибудь домой? Не до бѣла же свѣта?

— Вѣдь домой идемъ, говорила Софья Васильевна... Ну, что-жь тутъ бормотать-то?

— Да то и бормотать, что дурно. Бормотать!..

— Что-жь тутъ дурнаго? говорила Надя.

— То дурное-съ, что нехорошо! Дурно! Больше ничего. Дурное! дурное, дурное, а-а... въ чемъ дѣло? Наконецъ ошалѣешь.

Въ такихъ разговорахъ они наконецъ достигли переулка и воротъ дома Павла Иваныча.

— Съ нами! голубчикъ! не пуская Надиной руки умоляла Софья Васильевна.—Ночевать! Но какая-то жажда одиночества, овладѣвшая Надей, на этотъ разъ рѣшительно побѣдила жалость къ ней. Надѣ захотѣлось быть дома одной, не говорить ни съ кѣмъ, никого не слушать.

— Нѣтъ, милая! Я домой! сказала она, вытаскивая руку.

Напрасно Софья Васильевна упрашивала ее остаться— Надя попросила кухарку проводить ее домой и ушла съ ней.

— Умру-у!.. слышался Уткину, повернувшему за уголъ, голосъ Софьи Васильевны... Пожалуйста! Завтра! Ра-ади Бо-ога...

— Ну, что же? Идти такъ иди! Не до свѣту же тутъ толкаться, проговорилъ Павелъ Иванычъ, оставшись съ женой у воротъ по уходѣ Нади.

— Иди ты, пожалуйста! съ неменьшимъ раздраженіемъ отвѣтила Софья Васильевна, быстро ушла въ калитку и побѣжала вдоль темныхъ сѣней. Тьма, духота и гниль, охватившая Софью Васильевну, едва вступила она въ первую комнату и отсутствіе Нади сразу подняло ея тоску до высокой степени. Захотѣлось сейчасъ же уйдти отсюда, и она бросилась къ окну, не обращая вниманія на то, что рукавъ ея платья зацѣпилъ какой-то горшокъ или миску и опрокинулъ все это на полъ...

— Это что такое? воскликнулъ Павелъ Иванычъ со двора, заслышавъ грохотъ падающей вещи... Это еще что такое? продолжалъ онъ, прибѣжавъ въ комнату, гдѣ у окна стояла Софья Васильевна и старалась отворить забухшую раму...

— Это что такое? Что такое грохнулось?...

Рама распахнулась съ шумомъ и трескомъ...

— Надя-а! Надя! звала Софья Васильевна.

— То-есть, я говорю, тутъ самъ чортъ не сживетъ! проговорилъ въ величайшемъ гнѣвѣ Павелъ Иванычъ... Тьфу ты Боже мой!... Ну, что ты зѣваешь на всю улицу?..

Софья Васильевна, безотвѣтной тишиной переулка убѣдилась, что Надя далеко, — и, не раздѣваясь, какъ была, сѣла, почти упала на стулъ у подоконника, положивъ на него свою голову...

— Ну, какая тамъ Надя! Надя-Надя... Опрокинула что-то... Что такое опрокинулось? бормоталъ Павелъ Иванычъ, ощупью направляясь къ столу, на которомъ обыкновенно помѣщался ужинъ и что-то шарилъ...

— Ну, вотъ! бормоталъ онъ... Такъ и есть... И соль! Э-эхъ ма! Ужь неужели... Неужели ужь нельзя... Такъ и есть!.. Протекло!.. Эхъ ма-а... Надя, Надя...

Руки его въ это время шлепали по скатерти, по полу, по лужѣ пролитыхъ щей и потоки гнѣва увеличивались съ каждой минутой. Когда же, поднимась съ полу, Павелъ Иванычъ самъ опрокинулъ что-то со стола,— гнѣвъ дошелъ до высшей степени,—и заставилъ его убѣжать въ другую комнату..

— Надя, Надя! А что такое? Съ этими Надями про-

сти Господи... Тьфу!.. Адъ, а не домъ! слышалось въ спальнѣ, въ то время, когда Павелъ Иванычъ срывалъ съ себя сюртукъ и жилетъ... Посуда не посуда,—брякъ объ земъ!.. Больше намъ заботъ нѣту... Умру, умру! А что такое умру? Позвольте узнать?.. Самъ чортъ, кажется...

Громкія всхлипыванія, донесшіяся изъ комнаты, гдѣ была Софья Васильевна, прервали эти рѣчи... Павелъ Иванычъ пріостановилъ свои ругательства, взглянулъ въ дверь и увидалъ, что жена его все лежитъ на подоконникѣ, — и шляпка, надѣтая на ней, колышется и дрожитъ отчего-то. Софья Васильевна плакала...

Павелъ Иванычъ поглядѣлъ на эту картину, сдѣлалъ шагъ впередъ, попробовалъ-было издали утѣшить жену, сказавъ: «эка важность, только пролилось...» Но видя, что это не помогаетъ, подошелъ еще ближе и попробовалъ употребить болѣе сильныя утѣшенія...

— Ну, будетъ... Ну, брось, ну поцѣлуй... Ну, сядь на колѣнки.

— Отстань ты, ради Бога! вся въ слезахъ едва проговорила Софья Васильевна и снова опустила голову.

Въ минуту-въ двѣ, слезы ея перешли въ такія громкія, пугающія рыданія, что Павелъ Иванычъ, по мѣрѣ увеличенія ихъ, сначала разинулъ ротъ, потомъ подал-

ся къ двери и наконецъ во всю прыть бросился на улицу...

Цѣль его была найдти доктора, но пробѣжавъ пустынный переулокъ и пустынную улицу, онъ наткнулся у забора на Уткина, который, повернувъ за уголъ переулка, медленно плелся вдоль большой улицы, испытывая ту же самую гнетущую тоску, какой были подавлены и Софья Васильевна, — одиноко рыдавшая въ пустой комнатѣ, и Надя, молча лежавшая лицомъ въ подушку среди мертвенной тишины родительскаго крова и множество другаго народа... Мы не будемъ распространяться о подробностяхъ того, какимъ образомъ Павелъ Иванычъ Печкинъ возвратился домой въ сопровожденіи Уткина, хотя бѣжалъ за докторомъ... Достаточно будетъ только сказать объ этомъ «случаѣ» и перейдти къ продолженію наблюденій Михаила Иваныча, — такъ-какъ только этими наблюденіями мы можемъ объяснить дальнѣйшую исторію Софьи Васильевны и Уткина и новый шагъ во взглядахъ и развитіи Нади.

IX.

Счастливѣйшія минуты въ жизни Михаила Иваныча и ихъ скорое окончаніе.

Первый поѣздъ гремитъ по новымъ рельсамъ, оставляя за собой всеобщій испугъ простыхъ деревенскихъ людей и клубы дыма, который долго копошится среди придорожныхъ луговъ, или комомъ застрѣваетъ въ густыхъ вѣтвяхъ лѣса.

Говоръ и шумъ наполняетъ вагонъ третьяго класса, но среди этого шума и говора, самый крикливый голосъ, самая смѣлая рѣчь принадлежатъ Михаилу Иванычу, который испытываетъ самыя сильныя ощущенія счастія. По мѣрѣ того, какъ родной городъ остается все дальше и дальше, — планы насчетъ Петербурга, насчетъ дѣлъ, которыя должны быть сдѣланы въ немъ, получаютъ все

бо́льшую прочность и широту и заставляютъ Михаила Иваныча заламывать картузъ на ухо, подпирать рукою бокъ и разрумянивать свои впалыя, худыя и чорныя щеки посредствомъ буфетовъ, не забывая поминутно предъявлять права человѣка, который никого не грабилъ и не грабитъ.

Во всѣхъ проявленіяхъ Михаиломъ Иванычемъ его правъ и надеждъ, принималъ весьма ревностное участіе нѣкоторый сильно-подгулявшій мужикъ, завербованный имъ въ поклонники, чуть-ли не съ первой станціи. Этотъ человѣкъ всегда выказывалъ полную охоту заорать на весь вагонъ о справедливости того, что́ говоритъ Михаилъ Иванычъ.

— Ай намъ на пятачокъ-то выпить нельзя? обращается къ нему Михаилъ Иванычъ, когда поѣздъ подходитъ къ станціи. — Василей! Неушто не разрѣшаютъ намъ мужикамъ этого? а? Вася?.. А не будетъ ли мужикъ-то почище..

— Почишша! братъ! зѣваетъ поклонникъ.—Почишша!

— А? Вася! продолжаетъ Михаилъ Иванычъ, обнявшись съ мужикомъ и подходя къ буфету: — дозволяютъ мужикамъ буфету? Какъ ты думаешь? за свои, примѣрно, деньги, примѣрно, ежели бетенброту мужикамъ бы? а?

— Бутенброту! грозно брякаетъ мужикъ, вламываясь

въ толпу у буфета, но увидавъ господъ,—пугается, снимаетъ шапку и бурчитъ:

— Дозвольте бутенброту, васкбр...

Михаилъ Иванычъ обиженъ такимъ поступкомъ мужика и долго ругаетъ его за малодушіе.

— За свои деньги ты оробѣлъ! укоризненно говоритъ онъ, отойдя отъ него въ сторону.—И дуракъ ты, сиволдай!..

— Голубчикъ! умиленно разѣвая лохматый ротъ винится мужикъ... Милашка!..

— Ай у нихъ деньги-то ценнѣя нашихъ? Свинья ты,—сволочь!..

Мужикъ шатается и смотритъ въ землю, оставивъ безъ вниманія собственную бороду и усы, которые носятъ обильные слѣды позорно добытаго бутерброда. Онъ виноватъ и готовъ чѣмъ угодно искупить свою вину.

Случаи къ такому искупленію представляются часто, поминутно, ибо Михаилъ Иванычъ тоже поминутно дѣлаетъ публичныя предъявленія своихъ плановъ, или правъ, такъ-какъ и къ этому тоже случаевъ довольно.

Какая-то барыня заняла два мѣста, ѣстъ сладкій пирожокъ и презрительнымъ тономъ разсказываетъ сосѣдубарину о томъ, что она никогда не ѣздила въ третьемъ классѣ, что быть съ мужиками она не привыкла, потому что она выросла въ знатномъ семействѣ, за ней ухажи-

вали... у ней былъ очаровательный голосъ... Какъ она пѣла?..

Этого достаточно, чтобы провинившійся мужикъ понадобился Михаилу Иванычу.

— Вася! Спой! Мужицкую...

— Спѣть, что-ли?

— Громыхни, другъ! Барыня такъ ли пѣвала,—спой! Нашу! Чего?

— Нашу? Э-а-ахъ да-а...

Ревъ на весь вагонъ.

— Кондукторъ! кондукторъ! кричатъ баринъ и барыня.

— Кондукторъ! тоже вопіетъ Михаилъ Иванычъ.— Пожалуйте! Разберите дѣло...

— Что такое? спрашиваетъ прибѣжавшій кондукторъ.

— Помилуйте! Мужикъ заоралъ... Силъ нѣтъ...

— Онъ запѣлъ! вступается Михаилъ Иванычъ.—Мы по своему, по мужичьи поемъ, — ежели вамъ угодно, — вы по господски спойте. Чегоже-съ? Громыхните ваше пѣніе... а мы наше... Г-нъ кондукторъ! Такъ я говорю? Гдѣ объ эфтомъ вывѣшено, чтобы не пѣть мужикамъ?

Кондукторъ рѣшаетъ дѣло въ пользу Михаила Иваныча, присовокупляя, что въ правилахъ нѣтъ пункта,

чтобы не пѣть и предлагаетъ барынѣ перейдти во второй классъ.

— Пожалуйте во второй классъ, прибавляетъ Михаилъ Иванычъ отъ себя.—Пожалуйте!..

— Па-ажжалте... бурчитъ мужикъ.

— Тамъ вамъ не будетъ безпокойства... а тутъ мужики, дураки... Черезъ нихъ вы получаете вашъ вредъ. Потому мы горластые, ровно черти... Вась! Громыхни-ко!..

— Э-о-а-а...

Хохотъ и гамъ на весь вагонъ.

— Что орешь, дуракъ! вмѣшивается какая-то новая фигура изъ мужиковъ.—Барыня сладкіе пирожки кушаетъ, а ты орешь?

— Сладкіе? перебиваетъ Михаилъ Иванычъ. — Василей! Чуешь?.. Потребовать мужикамъ сладкаго! Али мы не люди?.. Почему намъ сахарнаго не отвѣдать? Пирожникъ!..

— Эй!.. Пиррожн... вторитъ мужикъ.

— Давай мужикамъ сахарнова на пятачокъ!.. Барыня! Почомъ платили?

— Кондукторъ! Кондукторъ!

— Кондукторъ! кричитъ Михаилъ Иванычъ и мужикъ вмѣстѣ.—Къ разбору пожалуйте!

Является кондукторъ, узнаетъ въ чемъ дѣло и Ми-

хаилъ Иванычъ снова правъ, ибо нигдѣ не вывѣшено объявленія на счетъ того, чтобы не спрашивать, почемъ пирожки. Многочисленность и быстрота побѣдъ до такой степени переполняетъ гордостію душу Михаила Иваныча, что унять его отъ безпрерывныхъ предъявленій правъ,— рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

— Позвольте васъ просить! упрашиваетъ кондукторъ.— Сдѣлайте одолженіе, прекратите пѣніе.

— Невывѣшшшен... начинаетъ дебоширничать мужикъ, но Михаилъ Иванычъ немедленно зажимаетъ ему ротъ рукою и говоритъ:

— Цыцъ! Васька! Ни-ни-ни!.. Честно, благородно,— извольте! Ма-ллчи!.. «Сдѣлайте одолженіе», «будти такъ добры»,—другое дѣло!.. Это, братъ, другого калибру... Извольте, съ охотой...

И у буфета слѣдующей станціи можно снова видѣть фигуры мужика и Михаила Иваныча.

— Вася! Милай! говоритъ Михаилъ Иванычъ, стараясь глядѣть прямо въ осоловѣлые отъ водки глаза мужика.—Чуялъ что-ли?.. «Вы»... «сдѣлайте милость», ну не по скулѣ же!.. Понимай-ко-сь!...

— Гол-лубчикъ! лопочетъ мужикъ, обнимая Михаила Иваныча за шею и хороня на его груди безсильную хмѣльную голову...

Такъ Михаилъ Иванычъ проводитъ время въ дорогѣ,

и мы не будемъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ изображеніемъ его путешествія до Петербурга, такъ-какъ помимо вышеприведенныхъ сценъ, повторявшихся почти на каждой станціи, съ нимъ не произошло ничего существенно новаго и любопытнаго. Пріятное расположеніе духа продолжалось у него всю дорогу, несмотря на то, что мужикъ, его компаніонъ и поклонникъ, на одной изъ подмосковныхъ станцій покинулъ поѣздъ, причемъ борода его, усѣянная окусками сахарныхъ пирожныхъ и бутербродовъ, долгое время, въ виду всѣхъ пассажировъ, находилась въ разсвирѣпѣвшихъ рукахъ разозленной жены, встрѣтившей его на платформѣ. Исчезновеніе такого соратника не уменьшало торжества Михаила Иваныча и не дѣлало его одинокимъ, такъ-какъ каждую минуту на мѣсто его могло выступить вдвое большее число соратниковъ изъ той же простонародной публики. Помимо всего этого, не было также недостатка и въ возможности предъявить эти права: поминутно Михаилу Иванычу говорили: «позвольте пройти», «прошу васъ», «позвольте закурить», «извините». Эти и другія выраженія заставили его считать себя не завалящей тряпкой, не собакой, а дѣйствительно настоящимъ человѣкомъ, котораго не бьютъ по скулѣ... Эти случаи поглощали все вниманіе Михаила Иваныча во время дороги, такъ что новизна городовъ, черезъ которые онъ проѣзжалъ, не оставила въ немъ

особенно обильныхъ впечатлѣній. Шумная и разнохарактерная картина Москвы дала ему только возможность замѣтить, что здѣсь все на французскій ладъ. Попросилъ онъ квасу на копейку—его тотчасъ же спросили: «вамъ французскаго?» Шелъ мясными рядами, и на вывѣскѣ увидѣлъ золотыхъ поросятъ съ золотою подписью внизу, тоже по-французски, какъ объ этомъ объявилъ ему мясникъ, стоявшій на тротуарѣ съ окровавленнымъ носомъ и пѣвшій басомъ: «благоденственное и мирное» и проч. И болѣе не было никакихъ наблюденій насчетъ Москвы, ибо, вопервыхъ, извощики называли Михаила Иваныча «ваше сіятельство», а вовторыхъ, московскій будочникъ, съ револьверомъ и громадными усами, смутившими робкаго Михаила Иваныча, сказалъ ему весьма любезно:

— Вы чего пужаетесь? Вы насъ не опасайтесь... подойдите... Мы бросаемъ по нонѣшнему времени эту моду, чтобы каждаго человѣка облапить, напримѣръ, съ затылка и въ часть... Подойдите ближе!

Всего этого было слишкомъ много для запуганнной души простаго человѣка, и одного этого случая уже достаточно для того, чтобы не любоваться Кремлемъ, Иваномъ Великимъ, Царемъ-Пушкой, а прямо пойдти въ кабакъ и выпить въ пріятной компаніи веселыхъ людей.

Видъ Петербурга, къ которому обыкновенно поѣздъ

подходитъ долго и тихо, громыхая цѣпями и колесами на безпрестанныхъ переводахъ рельсъ,—нѣсколько смутилъ-бы добрый духъ Михаила Иваныча. Длинныя казармы съ тысячами оконъ, безконечныя кладбища, громадныя голыя стѣны домовъ съ бѣлыми полосами на мѣстѣ, гдѣ проходятъ трубы, — все это было такъ велико, незнакомо и грозно, что сердце его стало какъ-то тревожно биться и замирать, особливо когда поѣздъ сталъ входить въ темную арку дебаркадера, весьма похожую на разинутую страшную пасть, глотающую вагоны словно куски, фаршированные людьми и отправляющую ихъ въ такой бездонный желудокъ, каковъ Петербургъ. Наконецъ, самая близость этого Петербурга, влекущаго къ себѣ такое множество изстрадавшагося въ провинціальной глуши народа,—того самаго Петербурга, о которомъ грезятъ тысячи захолустій, какъ о чемъ-то не земномъ, и который теперь въ двухъ шагахъ, и тревожный, непонятный простому человѣку шумъ котораго уже доносится въ вагонныя окна,—все это испугало Михаила Иваныча, заставило похолодѣть и отрезвило...

Но если мы, черезъ полчаса, послѣ прихода поѣзда, отправимся въ одну изъ множества харчевенъ, усѣвающихъ собою берегъ узкой и грязной Лиговки, то мы будемъ имѣть случай снова видѣть Михаила Иваныча въ

его прежнемъ, и даже еще болѣе пріятномъ расположеніи духа.

— Намъ это дорого! говоритъ онъ, ударяя себя кулакомъ въ грудь и тотчасъ же выпиваетъ залпомъ стаканъ пива, который наливаетъ ему петербургскій джентльменъ-городовой. — Благодаримъ васъ, — вотъ какъ! — что вы не обидѣли насъ, простыхъ людей... Ну, толкони я ежели бы въ нашихъ въ подлыхъ мѣстахъ кого-нибудь этакъ-то узелкомъ-то?.. продолжаетъ Михаилъ Иванычъ, поднимая съ полу свой крошечный узелокъ и, швырнувъ его, вопіетъ: — задушили-ба! «Мужикъ! какъ смѣешь...»

— Нѣтъ, у насъ слободно! говорилъ городовой, наливая пива и себѣ... У насъ это можно... съ вѣжливостію ежели... Потому у насъ порядокъ..

Задушили-бы-ы! Милый человѣкъ! Позвольте вамъ сказать, почему намъ дорого! Потому, что мы, въ нашихъ мѣстахъ, совершенно замучены разною безтолочью... Потому — мученіе. Да какже-съ?.. Помилуйте!.. Почему я бунтовалъ? Почему я томленъ въ казаматахъ?

— Само собой, говорилъ городовой. — Потому глупость въ провинціи большая... Въ эфтомъ случаѣ. Ну, въ нашей сторонѣ, мы дозволяемъ человѣку... Съ чего же?.. Ну, чтобы по распредѣленію выходило — только всего... У насъ все распредѣлено: ежели васъ въ одномъ мѣстѣ повреждаютъ, — то въ другомъ вамъ дѣлаютъ по-

чинку; выхватили вамъ руку на Невскомъ, а лечить повезутъ на Обуховъ пришпектъ. Распорядокъ повсемѣстно... Выздоровѣлъ, — иди опять на Невскій, — запрету не будетъ... Хочешь, — иди въ кабакъ, — хочешь бунтуй... Только чтобы съ вѣжливостію... Вотъ!

Такія поощренія со стороны городоваго, въ лицѣ котораго ограниченный Михаилъ Иванычъ видѣлъ представителя самаго Петербурга, помимо того, что заставили его поставить въ видѣ угощенія Петербургу дюжину пива, — развязали языкъ его до самыхъ жаркихъ проклятій жизни простого человѣка, до самаго подробнѣйшаго изложенія всѣхъ причинъ бунтованія, всѣхъ плановъ насчетъ хлопотъ при содѣйствіи Василія Андреича и Максима Петровича, словомъ до того, что самъ городовой потребовалъ новую дюжину пива, уже на свой счетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ Михаилу Иванычу самую вѣрную и прочную дружбу.

При содѣйствіи новаго друга, Михаилъ Иванычъ въ тотъ же вечеръ, вмѣстѣ съ своимъ узелкомъ, былъ помѣщенъ въ одномъ изъ громадныхъ домовъ Ямской, населенномъ столичнымъ сбродомъ; какъ друга, его помѣстили гдѣ-то въ хозяйской кухнѣ, за ширмами, просили внимательно заботиться объ немъ и оказывать всякое почтеніе, ибо этотъ человѣкъ для насъ дорогъ, какъ объяснилъ городовой хозяйкѣ.

И Михаилъ Иванычъ, сморенный и обезсиленный дорогой, пивомъ и рядомъ радостныхъ тріумфовъ, глубокимъ сномъ заснулъ въ душной и жаркой кухнѣ, не слыша, что кругомъ его, за тонкими перегородками, шумятъ и ругаются пьяные люди, звенятъ деньги, среди игроковъ въ трынку, поютъ пьяныя женщины и не предчувствуя, что этимъ глубокимъ сномъ оканчиваются всѣ его тріумфы и побѣды, все его счастіе и вся его гордость.

X.

Человѣкъ, на котораго нельзя положиться. — Разсказъ Черемухина.

Причина такого быстраго окончанія радостей Михаила Иваныча заключалась въ томъ, весьма неосновательномъ убѣжденіи, что отдѣлавшись отъ разоренныхъ и умирающихъ стариковъ, онъ уже не встрѣтитъ разоренья въ ихъ дѣтяхъ; но фальшъ этой увѣренности обнаружилась тотчасъ же, какъ только Михаилъ Иванычъ разыскалъ брата Нади — Василія Андреича. Въ этомъ розыскѣ ему особенно много помогъ новый другъ-городовой, который, какъ оказалось, весьма коротко зналъ фамилію и мѣстожительство Черемухина, ибо неоднократно носилъ къ нему повѣстки пожаловать къ мировому. Послѣднее обстоятельство, впрочемъ, еще не особенно смутило Михаила

Иваныча, находившагося все-таки въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Не смутило его также и то, что Черемухинъ жилъ въ какомъ-то захолустномъ переулкѣ, близъ Николаевской дороги, въ одномъ изъ громаднѣйшихъ, набитыхъ всякою нищетою домовъ. Поднимаясь по грязнымъ лѣстницамъ этого дома, съ грязными, оборванными толпами дѣтей, пробираясь по темнымъ корридорамъ, переполненнымъ густымъ удушливымъ цикорнымъ дымомъ, Михаилъ Иванычъ чувствовалъ, что Черемухинъ живетъ въ большой бѣдности, но шелъ къ нему, испытывая то веселое ощущеніе, которое испытываетъ человѣкъ, приготовляясь встрѣтить знакомаго, знавшаго его нищимъ и покинутымъ.

Василій Андреичъ, дѣйствительно, жилъ въ большой бѣдности и, повидимому, въ полномъ одиночествѣ. О послѣднемъ можно было заключить по тому испугу, который выразился на его худомъ, зеленомъ лицѣ при появленіи Михаила Иваныча, и по той необыкновенной радости, которая озарила это лицо и оживила всю его фигуру, когда онъ узналъ гостя. Встрѣча ихъ была исполнена непритворной и глубокой радости, и въ тотъ же день, узелокъ Михаила Иваныча былъ перенесенъ въ каморку Черемухина. Здѣсь, въ теченіе нѣсколькихъ дней, непрестанно пилось пиво, шли разсказы о прошломъ, о будущемъ, высказывались обоюдно самыя энергическія

мѣры въ дѣлѣ Михаила Иваныча, желавшаго, чтобы рабочему человѣку было лучше и проч. Среди этихъ разговоровъ, человѣческому достоинству и самолюбію Михаила Иваныча было много самой роскошной, самой небывалой пищи. Оказывалось, напримѣръ, что Василій Андреичъ нетолько не забылъ его, но, напротивъ, съ особенною ясностію помнитъ всѣ, самыя ничтожныя сказки и прибаутки, которыя когда-то Михаилъ Иванычъ разсказывалъ ему на печи. Оказывалось, по словамъ Черемухина, что такую же и едва-ли не бо́льшую, чѣмъ его, радость, будетъ испытывать и Максимъ Петровичъ, когда Михаилъ Иванычъ его отыщетъ и придетъ къ нему и, наконецъ, Черемухинъ далъ самое искреннее обѣщаніе разыскать этого Максима Петровича, о которомъ онъ слышалъ много хорошаго, но котораго не видалъ уже два года. Послѣднее обстоятельство было особенно пріятно Михаилу Иванычу, ибо всѣ разспросы его по этому предмету у друга-городоваго были совершенно безуспѣшны. Другъ-городовой увѣрялъ Михаила Иваныча честію, что, хоть и знаетъ фамилію Максима Петровича, ибо одно время стоялъ на Выборгской сторонѣ, но что въ настоящее время его положительнѣйшимъ образомъ въ Петербургѣ нѣтъ.

Недѣли полторы или около двухъ, между Михаиломъ

Иванычемъ и Черемухинымъ царствовала полнѣйшая дружба и неподдѣльнѣйшая любовь.

Это были самыя свѣтлыя, самыя благородныя минуты въ ихъ жизни. Но, мало-по-малу, эти свѣтлыя ощущенія начали помрачаться чѣмъ-то новымъ и не особенно пріятнымъ. Несмотря на обѣщанія начать дѣло и хлопоты въ самомъ скоромъ времени, дѣлъ и хлопотъ, однако же, никакихъ не было. Большею частью, Михаилъ Иванычъ сталъ оставаться въ нумерѣ одинъ, такъ-какъ Черемухинъ сталъ надѣвать его пальто и уходить со двора на цѣлые дни. Возвращался онъ обыкновенно подъ хмѣлькомъ, принимался цаловать Михаила Иваныча, и снова, неподдѣльною искренностію своихъ сочувственныхъ разговоровъ, доводилъ его до восторга. Но дни шли, бездѣйствіе тянулось, и Михаилъ Иванычъ, оставаясь по цѣлымъ днямъ, среди незнакомаго населенія меблированныхъ комнатъ, сталъ грустить, ибо все это населеніе, больное, бѣдное и злое, отзывалось о Черемухинѣ весьма неодобрительно; не было, правда, человѣка, который бы не спорилъ про него, что онъ добръ, но всякій за то могъ сказать два-три факта не въ пользу его. Оказывалось, что этотъ человѣкъ ничего не дѣлаетъ, долговъ не платитъ, и если получитъ иной разъ откуда-нибудь деньги, то наровитъ прогулять ихъ и не отдать. Такъ говорило бѣдное населеніе, у котораго копѣйка стояла на первомъ

планѣ. Но какъ бы односторонни ни были эти сужденія, Михаилъ Иванычъ могъ убѣдиться, что это человѣкъ несостоятельный; человѣкъ, на котораго нельзя положиться, что это какой-то добрый обманщикъ... Нехорошія ощущенія врываются въ сердце вдругъ, и въ одну секунду истребляютъ въ немъ все, что́ сдѣлала самая продолжительная радость; съ Михаиломъ Иванычемъ было то же; наслушавшись этихъ сужденій, онъ пересчиталъ деньги, и оказалось, что большая часть ихъ ушла на Василія Андреича, на выкупъ его сюртука, на пиво, которое тотъ поглощалъ, ради встрѣчи, въ весьма значительномъ количествѣ... Михаилъ Иванычъ задумался и затосковалъ...

Нервная натура Черемухина въ ту же минуту почуяла это, и тоже сразу затуманилась. Отношенія ихъ быстро измѣнились. Оба стали чувствовать себя не ладно, напряженно... Новые факты, новыя посѣщенія какихъ-то людей, спрашивавшихъ разоренными голосами: «дома ли Черемухинъ?», пополнили разстройство. Михаилъ Иванычъ сталъ злиться; ему хотѣлось напомнить Черемухину насчетъ денегъ, прямо, но онъ не могъ и только косился на него. Черемухинъ былъ видимо подавленъ этимъ, грустилъ и пилъ.

Еще день, — насталъ полный разладъ. Нужно было кончить, разъяснить, разойдтись...

И это случилось въ одинъ изъ тѣхъ мокрыхъ, лѣтнихъ дней, когда все населеніе столицы, едва открывъ глаза, начинаетъ хворать и злиться. Въ бѣдномъ и дѣйствительно больномъ углу, гдѣ жили Михаилъ Иванычъ и Черемухинъ, почти до разсвѣта начались перебранки, рычанья другъ на друга, ссора. По мокрымъ и затоптаннымъ грязью лѣстницамъ ходили какія-то худыя, разозленныя лица, въ рваныхъ халатахъ, держась рукою за ревущую и надрывающуюся отъ хрипоты и кашля грудь и наровя спихнуть ногою попавшуюся на лѣстницѣ собаку, или шваркнуть за окно кошку, отвратительно мяукающую на весь корридоръ, но швыркнуть такъ, чтобы она въ дребезги разбилась о мостовую двора. Черемухинъ и Михаилъ Иванычъ проснулись тоже не вдругъ, такъ-какъ были разбужены солдатомъ-хозяиномъ, безцеремонно потребовавшимъ деньги, и украшавшимъ свою грубую рѣчь выраженіями: «ваша братія» «...Эдакъ только шеромыги...», «...къ мировому« и пр. Черемухинъ почти тотчасъ же ушелъ со двора, не взглянувъ даже на Михаила Иваныча. Михаилъ Иванычъ разозлился, тѣмъ болѣе, что деньги за квартиру были взяты у него Василіемъ Андреичемъ.

Затѣмъ полѣзли въ нумеръ Черемухина разныя суровыя лица, въ мокрыхъ пальто, съ промоченными до невозможности сапогами, съ мокрыми, сломанными вѣтромъ

зонтиками, и пр. Въ каждой чертѣ лица ихъ виднѣлось тысячу смертей, посылаемыхъ отсутствующему Василію Андреичу и, по крайней-мѣрѣ, такое же количество ихъ вручалось Михаилу Иванычу, со злостію отвѣчавшему: «нѣтъ дома...» Въ заключеніе, пришла какая-то женщина, лѣтъ сорока-пяти, весьма похожая на няньку, начала немедленно шумъ и не ушла, а осталась ждать.

— Пять сутокъ просижу, а ужь дождусь, говорила она, отирая мокрое лицо платкомъ, дрожавшимъ въ сердитыхъ рукахъ. — Что́ эт-та такое? Докуда будетъ? За свои деньги, да ходишь... Брать, такъ, небось, сами прибѣгутъ, а какъ отдавать, такъ...

— Зачѣмъ даете! сурово сказалъ Михаилъ Иванычъ, которому опротивѣло слушать эти ругательства.

— Да жалко его! Вотъ что! Мнѣ жалѣть-то некого, видишь вотъ! гнѣвно сказала баба, и потомъ, не переставая волноваться, и не теряя самаго разсерженнаго выраженія лица, объяснила, что родныхъ никого у ней нѣтъ, что попробовала она разъ помочь молочному брату, но тотъ вмѣсто благодарности выгналъ ее въ шею изъ дому. Сама же она ни въ чемъ не нуждается, живетъ на хорошемъ мѣстѣ и скучаетъ безъ добраго дѣла...

— Тоже сердце, другъ ты мой! Ишь онъ какой май! говорила она про Василія Андреича: — сколько времени мается, я еще когда его знаю — все безъ помочи... И

жаль вить!.. Да ежелибъ не безтолочь его, вить онъ ничего человѣкъ, ужь этого не скажи... Тутъ было дѣло: чиновникъ одинъ изъ ланбарту поступилъ со мной не очень-то чтобы опрятно. Василій-то Андреичъ только вотъ эдакъ, строчку ему писнулъ, тую-жь минуту на ребенка выдалъ... Вѣдь добрый! То-то другъ!..

Женщина объяснила, что, ради своей жалости къ Черемухину, она давно помогала ему, разыскивая его по разнымъ трущобамъ, что нѣсколько разъ терпѣніе ея готово было лопнуть, и что теперь наконецъ лопнуло совсѣмъ.

— Богъ съ нимъ!.. Пущай теперь, какъ знаетъ!.. заключила она, и нѣсколько часовъ къ ряду просидѣла, молча и сердито ожидая ненавистнаго человѣка. Михаилъ Иванычъ не глядѣлъ на нее и злился. Неудачливый столичный день съ каждою минутою вылегалъ все отчетливѣе и отчетливѣе. Михаилу Иванычу не дали обѣда, ибо деньги опять не были заплачены Василіемъ Андреичемъ, хотя и взяты. Въ такую-то самую злѣйшую минуту явился Черемухинъ, пьяный и грязный. Осажденный воплями бабы, онъ спьяну пробовалъ улыбнуться, но замѣтилъ, что лицо Михаила Иваныча побѣлѣло отъ этой выходки. Словно грозовая туча, онъ потемнѣлъ, и глубоко загрустилъ...

— Ну, будетъ! оставь, Авдотья... Ну, я виноватъ...

говорилъ онъ, нагнувшись надъ столомъ... Будетъ!.. Я все это кончу... Михаилъ Иванычъ! Пошли-ко, братъ, за пивомъ... Намъ и съ тобой нужно переговорить... Одна бутылка не разоритъ — что тамъ... Все равно!.. Посылай!..

Баба притихла и съ испугомъ смотрѣла на Василія Андреича.

Пиво стояло на столѣ; съ одного боку сидѣлъ Михаилъ Иванычъ, не глядя на Черемухина; Василій Андреичъ, сидѣвшій по другую сторону стола, съ разстегнутымъ воротомъ рубашки, безъ сюртука, тоже не обращался къ Михаилу Иванычу, и сосредоточивъ потупленные глаза съ наморщеннымъ лбомъ на пивномъ стаканѣ, говорилъ:

— Откровенно и по чистой совѣсти я долженъ признаться тебѣ, что никакихъ хлопотъ, никакихъ участій въ дѣлахъ твоихъ принять не могу! Сознаюсь тебѣ отъ чистаго сердца, какъ ни тяжело это. А дѣйствительно, братъ, это тяжело! Знаешь, что дѣло правое, выстраданное, вопіющее; знаешь, что за него надо умереть, истратить себя до послѣдней крупинки крови — и не мочь, — это, братъ, не легко! Нѣтъ!.. Это мучительно!.. Эти муки я испытываю давно, не въ одномъ только твоемъ дѣлѣ;

такихъ новыхъ, честныхъ дѣлъ кругомъ меня кишитъ въ настоящую минуту тьма! Пробовалъ и браться за нихъ, но нѣтъ! Два шага сдѣлалъ, и чуешь, что не подъ силу; честнѣй всего, уйдти назадъ... Да и диво ли, другъ ты мой! Всякое такое дѣло требуетъ самой полной, самой честной преданности ему, прямоты, правды... и все это у нашего брата въ такомъ крошечномъ количествѣ, все это чуть тлѣетъ, чуть даетъ ростокъ...

Василій Андреичъ поникъ головой надъ стаканомъ.

— И знаешь ли, продолжалъ онъ, взглянувъ на Михаила Иваныча:—отчего это тлѣетъ, а не горитъ полнымъ пламенемъ? Отчего все это можетъ быть уничтожено однимъ щелчкомъ, самымъ ничтожнымъ препятствіемъ?.. Да все оттого же, другъ мой, отчего и ты вотъ, простой человѣкъ,—нищій, больной и голодный!.. Помнишь, сколько ты разсказывалъ мнѣ о прижимкѣ и произволѣ, отъ которыхъ одурѣлъ, очумѣлъ простой человѣкъ,—неужели ты думаешь, что для непростого, для благороднаго,—ну хоть для такого, какъ я,—этотъ произволъ прошолъ даромъ?.. Нѣтъ, братъ! Ты знаешь, въ какой семьѣ родился я; люди жили припѣваючи, но среди этого житья ни мой отецъ, ни моя мать не могли ни однимъ словомъ, ни однимъ поступкомъ заронить въ мою душу первыя сѣмена того, чего теперь у меня такъ беззащитно мало... И именно потому, что жили припѣваючи... Твой отецъ,

общипанный купцомъ, ограбленный кабачникомъ, возвратясь домой, чтобы вмѣстѣ съ тобой глодать, какъ ты говоришь, собачью кость, ростилъ въ тебѣ эти добрыя сѣмена,—своимъ разсказомъ. Ты учился уважать трудъ, учился любить ограбленнаго отца, и—посмотри, сколько ты накопилъ въ своемъ сердцѣ и любви, и справедливой ненависти, и прочнаго убѣжденія... Все это сокровища, все это нужно, все это дѣлаетъ жизнь человѣческую, наконецъ, все это—и любовь, и твердость, и ненависть — нужны, просто для человѣческой природы... Ты счастливъ; ты настоящій человѣкъ... У меня, братъ, ничего этого не было!.. Отецъ мой, возвращаясь домой, за семейной бесѣдой не имѣлъ въ запасѣ ни одного слова, за которое я могъ бы его любить, жалѣть... Подумай-ко, чѣмъ онъ могъ подѣлиться со мною, что́ бы могло сдѣлать меня энергично-честнымъ? Напротивъ, если ты хорошенько подумаешь о томъ, что́ могли внушить мнѣ мои предки, мирно разговаривающіе о своихъ успѣхахъ въ области прижимки или веселящіеся исключительно ради веселія, — ты долженъ удивиться, отчего я не вышелъ прямо разбойникомъ, которому ничего не значитъ задушить человѣка за грошъ, а состою только въ званіи негоднаго и слабаго человѣка...

Черемухинъ быстро выпилъ стаканъ пива, какъ-то рванулъ всей пятерней свои, и безъ того, растрепанные

волосы и сердитыми, пьяными глазами поглядѣлъ на Михаила Иваныча.

— Удивишься! повторилъ онъ и помолчавъ продолжалъ:

— Въ жизни моей, — къ счастію или несчастію,— успѣхъ пути въ разбойники былъ ослабленъ, вопервыхъ, тѣмъ, что мои предки церемонились нѣсколько посвящать меня въ тайны своихъ нравовъ, въ тайны того куска хлѣба, изъ котораго дѣлалась моя ненужная кровь... Они предпочитали молчать. Выходили поэтому самыя настоящія русскія будни, половина которыхъ идетъ на сонъ, а другая — на просонки, толкованіе сновъ и ѣду... По крайней-мѣрѣ я, — глубоко чувствую всю тяжесть этой чуши на своихъ плечахъ едва-ли не каждую минуту. Я не могу забыть этихъ томительныхъ зимнихъ вечеровъ, съ мертвою тишиною, стуканьемъ маятника и отдаленнымъ храпомъ... Что̀ значутъ эти безконечныя слезы, которыя я проливалъ среди мертвой тишины всеобщаго сна, и которыхъ не могли унять никакія просьбы, обѣщанія, угрозы, на помощь которымъ такъ охотно приходили наши зимнія вьюги, стучавшія непривязанной ставней и гудѣвшія въ трубѣ?.. Я чувствую, вижу, что этими слезами вся человѣческая природа моя протестовала противъ этой нечеловѣческой жизни, которая была кругомъ меня. Она, голодная, тянула меня, милый другъ, къ тебѣ въ кухню,

на печку, слушать сказку, слышать рѣчь человѣческую! Я знаю множество русскихъ людей, которые, доживъ до сѣдыхъ волосъ, не могутъ вспомнить ничего отраднаго, кромѣ какого-нибудь разсказа няньки,—ничего лучшаго не было во всю жизнь... Что́ это значитъ? Въ моей жизни было такъ мало этихъ случаевъ, что я до сей поры помню ихъ самымъ отчотливымъ образомъ. Помню я, братъ, тебя и всѣ твои сказки про чорта, про кузнеца, но ты не полюбилъ меня, пересталъ разсказывать ихъ, а меня перестали пускать къ тебѣ. Я плакалъ поэтому вдвое сильнѣй, но мнѣ купили дорогую, но безсмысленную игрушку. Я взялъ взятку съ родителей, пересталъ плакать, и доброе сѣмя, которое упало въ мое сердце изъ твоихъ сказокъ, заглохло. Помню я также, милый мой, и солдата сапожника, который жилъ у насъ въ банѣ... Мнѣ было необыкновенно легко и хорошо всякій разъ, когда онъ сажалъ меня на свои колѣни, гладилъ по головѣ и разсказывалъ обо всемъ, что́ меня интересовало: о пѣтухѣ, о канарейкѣ, о сабакѣ и т. д. Грудь у него была твердая, теплая и пріятно грѣла мою спину. Руки были сильныя и могли поднимать меня къ потолку, опускать внизъ, такъ что, не ушибаясь, я могъ видѣть, что дѣлается на палатяхъ, въ печкѣ, на чердакѣ... Я любилъ его. А когда этотъ силачъ и добрый малый пришелъ ко мнѣ съ заплаканными глазами и объявилъ, что

у него пропали двѣ пары казенныхъ подошвъ, и что за это его накажутъ, я въ первый разъ заплакалъ почеловѣчески, въ первый разъ ощутилъ въ себѣ потребность заступиться за человѣка и выпросилъ у отца денегъ... И это было недолго! Какъ теперь вижу грязную улицу, середи ея рота солдатъ,—и въ числѣ ихъ Абрамъ. Слезы градомъ льются изъ моихъ глазъ, потому что Абрамъ не можетъ повернуть ко мнѣ лица, которое закрыто каской, ранцемъ и перерѣзано чешуйчатыми застежками по щекамъ. И опять я плакалъ. На этотъ разъ душевное разстройство было сильнѣе потому, что Абрамъ далъ мнѣ очень много. Но и это замяли, употребивъ уже болѣе сильныя средства: меня увѣряли, что Абрамъ воръ, въ доказательство чего приводились слезы кухарки, у которой, по уходѣ его, не оказалось платка... и увѣрили. Я пересталъ плакать, взялъ новую взятку — не помню, въ видѣ игрушки или сладкаго,—и лучшее достояніе сердца заглохло подъ грудою такого сора, какъ, напримѣръ, уваженіе къ родительскому сну, продолжающемуся пятнадцать часовъ... Кромѣ тебя и Абрама, помню я еще кормилицу Алену, которую я очень любилъ и для которой съ страшными слезами вымаливалъ у родителей позволеніе пройдтись со мной и съ маленькимъ братомъ по полю, гдѣ насъ обыкновенно встрѣчалъ какой-то молодой парень, угощавшій меня пряниками съ золотомъ,—но и ее

прогнали... Въ этомъ нечеловѣческомъ мірѣ, гдѣ никто никого не любилъ, она вздумала любить этого молодца; поймали ночью въ сѣняхъ и выгнали, на дождь и вѣтеръ... Вотъ, братъ, все! Кромѣ тебя, Абрама и Алены, въ дѣтствѣ и дальнѣйшей жизни моей, ничто не хотѣло, чтобы я былъ человѣкъ. И если въ моемъ нравственномъ фондѣ есть какой-нибудь грошъ, если у меня наконецъ есть силы узнать въ себѣ безсильнаго человѣка, то этимъ я обязанъ вамъ, никому больше!... И кланяюсь тебѣ до земли. Вмѣсто твоихъ сказокъ, вмѣсто добрыхъ розсказней Абрама, простыхъ ласкъ Алены и ея молодца, заводилось въ моемъ сердцѣ гнѣздо апатіи и пустоты... Средства у предковъ были къ этому большія, прочныя, и мало-по-малу сдѣлали свое дѣло блистательно. Сердце мое стало похоже на гладкую, мелкую тарелку, на которой валялся одинъ только грошъ, пожертвованный вами; всякій, кому угодно, могъ класть на эту тарелку все безпрекословно; успѣхъ былъ до того блистателенъ, что съ годами грошъ этотъ началъ ржавѣть и зеленѣть. Я подросъ; тарелка за отсутствіемъ васъ, наполнялась щедрыми подаяніями окружающихъ, и я принималъ все это съ полнымъ равнодушіемъ, именно какъ тарелка, которой рѣшительно все равно, лежитъ ли на ней апельсинъ или грошовая колбаса... Само собою разумѣется, что въ школѣ я былъ «лучшій»; кромѣ меня было тамъ бездна такихъ же. На-

чальство было довольно этимъ. Ему стоило захотѣть, чтобы мы, ради его желанія, стали наушниками, сплетниками другъ на друга; мы охотно исполняли это, въ пять минутъ насъ можно было повернуть какъ угодно, и покорить подъ власть какой угодно чепухи. Правда, были между моими товарищами честныя натуры, но съ ними намъ было страшно. Честный человѣкъ съ давнихъ поръ былъ рекомендованъ намъ въ видѣ пьяницы, вора, словомъ въ видѣ пьянаго спартанскаго илота; тотъ внушалъ отвращеніе къ пьянству, нашъ честный человѣкъ— указывалъ путь къ мелкодумію: онъ всегда былъ бѣденъ, нищъ, убогъ, говорилъ странно, ругался, на него было страшно смотрѣть. «Дурные» товарищи, само собою, были зачатками этихъ страшныхъ людей; «дурной» прибьетъ тебя за то, что ты пожалуешься, тогда какъ жалуясь ты исполняешь свой долгъ, принимаешь на свою тарелку подаяніе; урока онъ никогда не знаетъ, потому что играетъ въ бабки; наконецъ на твоихъ глазахъ, его родная мать со слезами проситъ начальство высѣчь его, и ты по совѣсти не любишь его, по совѣсти дѣлаешься безсовѣстнымъ. Едва-ли не съ тѣмъ же успѣхомъ продолжалъ опустошеніе моей души университетъ: но, по крайней-мѣрѣ, тутъ я вошелъ въ возрастъ... да... усы пошли...

Василій Андреичъ помолчалъ и вздохнулъ.

— И потомъ пошла самая разнохарактерная нравственная начинка (здѣсь онъ махнулъ рукой). За отсутствіемъ того настоящаго человѣческаго капитала, изъ котораго могли бы выдти человѣческіе интересы, я сталъ наполняться разною дрянью... Въ этомъ отчасти помогала и литература. Она потрафляла очень удачно испорченной общественной нравственности; она пихала въ ея нравственный желудокъ самую тонкую и разстроивающую его стряпню. Но обществу приходилась эта стряпня по вкусу; оно брало оброки, взятки, орудовало откупами и разработывало ихъ. Правда, были голоса призывающіе, но ихъ было неслышно; по крайней-мѣрѣ большинство, толпа, рать страны, не расположена была ихъ понимать... и жилось хорошо, весело. Но мнѣ не долго пришлось попировать съ моими фондами, то-есть съ пустотой. Быстро принеслось время другое—заговорили другіе люди. Разумѣется, они не пробрали бы меня никогда, еслибы слова ихъ не начали осуществляться въ окружавшей меня массѣ. Тамъ и тамъ, въ толпѣ показались новыя лица. Почему-то вдругъ пришлось вспомнить про заржавленный грошъ, брошенный вами, но, Господи, какъ мало его было для того нравственнаго обихода, который потребовали новые дни!... Каждое дѣло, каждое намѣреніе этихъ дней требовало большого капитала, большой силы, а у меня былъ грошъ—страшно стало! Какъ я ни пробовалъ порыться

въ тарелкѣ и поискать, нѣтъ ли гдѣ еще такого же гроша,—нѣтъ! Поминутно между разнымъ тряпьемъ, гнилью, безсиліемъ, я находилъ плоское, ничего несулившее дно!.. Попробовалъ притвориться, вздумалъ честно заработывать хлѣбъ, — не могу! Лѣнь, скука, мало! Рванусь впередъ, за какимъ-нибудь такъ-называемымъ общимъ дѣломъ,— на второмъ шагу начинаетъ дѣйствовать вся эта нравственная начинка, всѣ сотни направленій; пожелаю подходить къ дѣлу по сорока-семи дорогамъ, осѣняемый сорока-семью разнородными взглядами, — и въ результатѣ нуль, вредъ дѣлу. Чувствую, что не за что внутри меня держаться хорошему намѣренію, нѣтъ правды, нѣтъ любви, нѣтъ силы убѣжденія!...

Черемухинъ опустилъ голову и покачалъ ею.

— И тутъ я палъ, братецъ ты мой!.. Еслибы живъ былъ отецъ, онъ бы еще снабжалъ деньгами, и я бы еще, быть можетъ, фигурировалъ... Но ты вотъ говоришь «обмякло»—и я совсѣмъ пасъ!.. Ты, впрочемъ, не думай, что я одинъ только такой... Массы, массы, другъ любезный! Съ тою разницею, что у однихъ больше моего гроша, а другіе не совсѣмъ поняли свою безуспѣшность въ новыхъ нравахъ и врутъ или притворяются, — не знаю! Есть и настоящіе, — но это единицы, а первыхъ милліоны... Ты встрѣтишь,—погоди...

Михаилъ Иванычъ посмотрѣлъ искоса на Черемухина.

Тотъ сидѣлъ молча, но спустя нѣсколько времени, какъ-то пріободрился и сказалъ съ улыбкой:

— Ты, однако, не думай, что я совсѣмъ никуда не гожусь... и не расплачусь съ тобой и съ ней. (Онъ указалъ на бабу). Государству теперь нужна бездна народу... Нужны учителя, лекаря... толпы рабочихъ людей... Насъ не минуютъ... Будемъ гдѣ-нибудь наставниками, будемъ получать съ мужиковъ жалованье, глядѣть на разутыя ноги дѣтей, тосковать о собственной безполезности,— пить... Можетъ быть, даже и умремъ въ глуши отъ водки... Чегожь еще? Самый любимый литературный типъ!

Проговоривъ это, Василій Андреичъ совсѣмъ ободрился, всталъ и, заложивъ руки въ карманы брюкъ, нѣсколько разъ увѣренною поступью прошелся по комнатѣ: вся осанка его была такая, какъ-будто онъ въ самомъ дѣлѣ расплатился со всѣми.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, едва-ли не была согласна и баба, сидѣвшая здѣсь. Длинный разсказъ Черемухина видимо тронулъ ее: она почти не понимала, что́ такое онъ разсказываетъ; но еслибы даже Василій Андреичъ говорилъ понѣмецки, то и тогда баба съумѣла бы почуять, что это говоритъ человѣкъ несчастный.

— Ишь наговорилъ!.. сказала она тихо-тихо, потому

что чувствовала себя неловко: — пришла ругаться, а теперь вдругъ жалко...

— Говорилъ, говорилъ... денегъ-то, чай, нѣту? разрѣшила она вдругъ свое неловкое положеніе, хотя въ голосѣ ея снова звучала суровость...

— Свѣчи-то есть ли? Ишь огарки какіе! Поди ни чаю, ни сахару?

Черемухинъ ходилъ по комнатѣ, не слушая ее и задумавшись.

Но баба, попавъ на точку сожалѣнія, заботы, не могла скоро раздѣлаться съ этими качествами своей души. Наволочки оказались грязными; вытащена была изъ-подъ кровати пара носковъ, чтобы дома вымыть и принести чистые. Сосчитаны были какіе-то лоскутья бѣлья, — и оказалась пропажа. Все это тряпье баба собрала, сосчитала, спрятала, словомъ, проявила непомѣрную сердечную доброту, что́ не мало изумило Михаила Иваныча.

— Ишь какъ я объ тебѣ... слегка улыбаясь сказала баба, и вдругъ сердито прибавила:—на вотъ, три рубли, да смотри, не проверти... ты вѣдь пойдешь швырять... да отдай!

Черемухинъ все ходилъ, молчалъ и думалъ.

Баба еще порылась, положила на столъ три рубля, еще поворчала на счетъ того, что «ходишь безъ ка-

лошъ»... Сляжешь... кому ходить... Что мать-то къ тебѣ не ѣдетъ?.. Писалъ матери-то?..» и, еще разъ окинувъ все пытливымъ взглядомъ, прибавила:

— Усни... Ишь зеленый... Спи!

И ушла.

Видно было, что дѣйствительно ей некого любить.

Михаилъ Иванычъ сидѣлъ и думалъ.

Какъ и баба, онъ не понялъ и десятой доли ничтожныхъ, но все-таки весьма-основательныхъ страданій Черемухина, — злился, и не могъ не жалѣть Василія Андреича.

«Что это за люди!» думалось ему. «И добрый, и разбойникъ... И жаль, и душилъ бы... Хочетъ дѣлать, и не можетъ... Тьфу...» Черемухинъ молчалъ и ходилъ.

XI.

Высказывая передъ Михаиломъ Иванычемъ свои крошечныя страданія, повидимому, весьма исключительныя и недостойныя посторонняго вниманія, Черемухинъ въ сущности разоблачалъ предъ нимъ причины существованія и свойства одного изъ многочисленнѣйшихъ типовъ русскаго благородства, — безплодно живущаго и безплодно погибающаго человѣка. Въ прежнее время, воспѣваніе безплодныхъ шатаній человѣка этой породы составляло единственный подвигъ литературы, которая такимъ образомъ сдѣлала его почти образцомъ истиннаго героя, никогда не упоминая о вліяніи оброковъ, взятокъ, откупныхъ доходовъ и другихъ варіантовъ чужого труда на развитіе нравственнаго капитала человѣка, выросшаго

среди ихъ и на нихъ. И, благодаря сокрытію вышеупомянутыхъ, весьма некрасивыхъ вещей, типъ этотъ былъ весьма плѣнителенъ — и разнообразіе его оттѣнковъ было безконечно, хотя сущность оставалась одна и та же — недостатокъ нравственныхъ силъ, вслѣдствіе обезличивающаго вліянія семьи. Въ настоящее время, привлекательная сторона этого типа утратилась безвозвратно, но существованіе его, и до сихъ поръ, не подлежитъ никакому сомнѣнію и обнаруживается поминутно, только въ иной формѣ. Прежде онъ просто ничего не дѣлалъ и шатался по помѣщичьимъ паркамъ, опустошая сердца помѣщичьихъ дѣвицъ; теперь же онъ пытается дѣлать дѣло, выказываетъ желаніе радѣть народу, но срывается и внезапно опустошивъ земскій сундукъ, исчезаетъ куда-нибудь подальше дошатывать свой вѣкъ. Такъ-какъ нравственная пустота весьма удобно принимаетъ всякія направленія и выказываетъ готовность ко всякому сочувствію, подобно стакану, который одинаково способенъ принять и воду и вслѣдъ за ней вино, то было множество случаевъ, когда шатающійся типъ принималъ участіе въ дѣлахъ, совершенно новыхъ, и на первыхъ порахъ казался дѣйствительно дѣльнымъ человѣкомъ, какъ тотъ же стаканъ кажется краснымъ, когда въ немъ красное вино. Но, по обыкновенію, участіе это оканчивалось тѣмъ, что въ дѣло вмѣшивался будочникъ, а самое лучшее предпріятіе оскап-

даливалось въ глазахъ массы и доставляло полную возможность врагамъ его опорочивать и его сущность.

Михаилъ Иванычъ, исцѣленный тяжкими страданіями своей заброшенной жизни отъ возможности понимать нравственную толкучку людей, подобныхъ Черемухину, не понялъ почти ничего изъ его долгаго разсказа, но мы все-таки воспользуемся сущностью этого разсказа, который можетъ объяснить намъ нѣкоторыя незначительныя дѣла, происходившія въ это время въ покинутой имъ провинціи.

Дѣйствующимъ лицомъ былъ извѣстный намъ барчукъ Уткинъ.

Съ перваго взгляда Уткинъ, повидимому, совершенно не подходилъ къ этому типу, въ немъ не было ни одной черты, такъ непріятно очерчивающихъ Черемухина, но это происходило оттого, что у Уткина, вопервыхъ, была бабушка, снабжавшая его деньгами, и ему не было надобности наживать враговъ, подобно Черемухину, неимѣвшему копѣйки, а слѣдовательно, не приходилось становиться къ людямъ въ самыя непріятныя, враждебныя отношенія, не приходилось быть глубоко злымъ и разбирать самого себя съ такой основательной злобой, какъ Черемухинъ. Была, стало-быть, одна полусознательная скука, способность думать и дѣйствовать во множествѣ направленій сразу, не воспитавъ въ себѣ жизненными впечат-

лѣніями никакихъ нравственныхъ средствъ, чтобы быть просто самимъ собою — только. Намъ уже извѣстно, что вечеръ перваго поѣзда, направившій размышленія его въ направленіи «дѣла», привелъ его въ квартиру Печкиныхъ, гдѣ несомнѣнно должно было быть дѣло, что́ было весьма ясно изъ разговоровъ между супругами на бульварѣ, на улицѣ и т. д. Все это, однако, не опредѣлило Уткину, какого рода пріемъ слѣдуетъ ему принять при началѣ и веденіи этого дѣла, пока онъ не наткнулся случайно на черепки разбитой посуды, валявшіеся на полу. Это обстоятельство разрѣшило его затрудненіе.

— Такъ нельзя-съ! довольно сурово сказалъ онъ Павлу Иванычу.

— Господинъ докторъ... началъ было Павелъ Иванычъ.

Но Уткинъ прервалъ его.

— Я не докторъ-съ! съ гордостію сказалъ онъ вслѣдъ Печкину, выбѣжавшему на новые поиски. — Тутъ не припадокъ, тутъ вопросъ... Да-съ! Такъ нельзя... Тутъ не въ аптеку, а въ полицію-съ...

— Да и впрямь связать его съ будочниками! присовокупила кухарка, ползая со свѣчкой и съ тряпкой по полу. — Ишь мудруетъ... мужъ!...

При помощи ползавшей по полу кухарки, дѣло было разъяснено окончательно, и благодаря его совершенной ясности и полному убѣжденію, что стоитъ потратить себя

на пользу ближняго, Уткинъ весьма подробно и резонно изложилъ передъ Софьей Васильевной все, что̀ относится къ выгодамъ независимаго куска хлѣба. Изложено все это было съ полнымъ сочувствіемъ; увѣренія въ томъ, что «такъ нельзя», были обставлены весьма подробно, и главное «независимая корка хлѣба», какъ средство, могущее противостать противъ и не такихъ преградъ, какъ Павелъ Иванычъ, была выставлена въ весьма привлекательномъ свѣтѣ. Все это было сказано торопливо, подъ вліяніемъ только что полученныхъ впечатлѣній, но охота высказаться болѣе и обстоятельнѣе, быстро охватила все существо Уткина и въ концѣ рѣчи онъ предложилъ Софьѣ Васильевнѣ еще разъ перетолковать объ этомъ дѣлѣ, для чего и назначилъ особый пунктъ: городской бульваръ, завтра въ три часа.

Софьѣ Васильевнѣ, ни отъ кого неслыхавшей фразы «такъ нельзя», которая бы произносилась съ такою увѣренностію и сочувствіемъ, все это было необыкновенно ново, а положеніе ея было таково, что выдти изъ него было счастіе. И средство къ этому, въ видѣ корки хлѣба, тоже оказывалось вполнѣ возможнымъ и осуществимымъ. Оставалось только знать мнѣніе Нади, но такъ какъ и она не имѣла рѣшительно ничего противъ возможности выдти на какую-нибудь надежную дорогу, то свиданіе съ Уткинымъ и состоялось на слѣдующій день на бульварѣ.

Въ три часа дня, когда бульваръ обыкновенно пустъ, а Павелъ Иванычъ спитъ послѣ обѣда, въ кустахъ, на ступенькахъ старой губернаторской бесѣдки, можно было видѣть Уткина, Надю и Софью Васильевну. Всѣ они испытывали какое-то новое ощущеніе, и главнымъ образомъ старались узнать, что изъ этого выйдетъ. Болѣе всѣхъ это ощущеніе овладѣло Уткинымъ, такъ какъ онъ одинъ изъ всѣхъ спеціально размышлялъ о томъ, что «вотъ новое дѣло» и онъ тутъ... и все это ново и т. д. Эти ощущенія сдѣлали его веселымъ, развязнымъ. Онъ торопливо пощипывалъ маленькую бородку и говорилъ.

— Это дѣло такого рода-съ, что... Сносить постоянныя оскорбленія... это...

— Я скорѣе готова корку хлѣба, говоритъ самымъ искреннимъ голосомъ Софья Васильевна.

— Корку! Разумѣется, самостоятельная корка хлѣба...

Здѣсь Уткинъ сталъ закуривать папироску и замолкъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, Соничка такъ стѣснена... начала Надя: — что если бы какія нибудь средства...

— Трудъ-съ, сказалъ Уткинъ, бросая спичку: — стоитъ только пойдти въ первый дворъ, въ первый домъ, и взять заказъ бѣлья... Корка хлѣба добытая честнымъ трудомъ...

Но рѣчь Уткина была прервана; Софья Васильевна, готовая идти въ прачки, и въ особенности Надя, налегли

на заказъ бѣлья съ такой энергіей, что въ самое короткое время для Уткина сдѣлалось предлежащее ему дѣло совершенно яснымъ. Оказалось, что ему нѣтъ никакой надобности насчетъ достоинствъ корки, насчетъ необходимости свергнуть иго и пр. Нужно было одно: идти въ первый дворъ и попросить заказъ бѣлья. Еслибы Уткинъ былъ простой мужикъ, умѣющій войдти въ первыя ворота, остановить первую бабу, и назвавъ ее тёткой или красавицей, прямо объявить ей въ чемъ дѣло, то онъ бы такъ и сдѣлалъ. Но у него были сотни разнородныхъ взглядовъ на предметъ и поэтому, какъ только его дѣло обнаружилось вполнѣ, вся серьезность и значеніе его поблекли. Уткинъ представилъ себѣ, какъ онъ, барчукъ, стоитъ среди двора и проситъ бѣлья въ стирку, и какъ потомъ онъ идетъ съ узломъ. Въ головѣ его мелькнула мысль, что такъ не бываетъ, что это даже смѣшно. Онъ былъ совершено согласенъ съ тѣмъ, что это нужно, что это дѣйствительно такъ, и въ тоже время находилъ, что это невозможная и смѣшная чушь. Таковы были свойства нравственной толкучки.

Не знаемъ, что́бы отвѣтилъ онъ дамамъ, еслибы его не выручилъ пріятель, проходившій по средней аллеѣ. Это былъ офицеръ, возвращавшійся изъ ресторана, гдѣ обыкновенно обѣдаетъ болѣе состоятельная губернская холостежь. Возвращаясь оттуда, онъ увидѣлъ женщинъ и

прямо пошелъ на нихъ, какъ будто это такъ было и нужно. Безъ церемоніи перешагнулъ онъ черезъ скамейку, обломилъ на пути какую-то вѣтку, и похлестывая ею по ногѣ, очутился среди общества Уткина, Нади и Софьи Васильевны.

— А! Николай Петровичъ! сказалъ онъ Уткину и посмотрѣлъ на всѣхъ такими глазами, въ которыхъ не видно было, чтобы пріятель Уткина считалъ «дѣломъ» происходившее здѣсь. Смѣлость и особенную выразительность этого взгляда поддерживали простые костюмы дамъ.

— Такъ, пожалуйста! торопливо поднимаясь заговорила Надя.

— До завтра! сказалъ Уткинъ. — Это дѣло такого рода.

— До завтра! сказала Надя и вслѣдъ затѣмъ онѣ ушли.

Уткинъ и пріятель остались одни.

— Эге, батюшка! двоихъ... сказалъ пріятель, но Уткинъ нахмурился и объяснилъ, что предположенія его неумѣстны. Что тутъ такое и такое-то дѣло. Пріятель, въ качествѣ современнаго человѣка, извинился.—«Не узнаешь вѣдь», сказалъ онъ, взялъ серьезнаго Уткина за талію и пошелъ съ нимъ по дорожкѣ.

— А та, угловая-то, недурна, сказалъ пріятель.

— Тутъ не въ томъ дѣло, началъ Уткинъ сурово.

— Я очень хорошо понимаю. Вы, батюшка, ужь больно горячо. Вѣдь я понимаюсь-съ. Читали тоже.

Уткинъ почувствовалъ, что обидѣлъ пріятеля почти понапрасну.

— Онѣ обѣ недурны, сказалъ онъ мягкимъ, но обидчивымъ тономъ.

— Нѣтъ, та, блондинка-то...

— Да онѣ обѣ блондинки, тѣмъ же недовольнымъ тономъ проговорилъ Уткинъ.

— Ну, вѣдь не разглядишь...

Они подошли къ рѣкѣ и сѣли на лавку.

— А знаете, сказалъ пріятель:—я, батюшка, какъ-то недолюбливаю блондинокъ... а?

— Гм,—промычалъ Уткинъ, но не возразилъ, потому что увлекся разсматриваніемъ полуобнаженныхъ бабъ, колотившихъ вальками на плотахъ бѣлье.

— Право, продолжалъ пріятель, и сообщилъ въ довольно продолжительномъ разсказѣ всѣ свои свѣдѣнія о блондинкахъ и брюнеткахъ. Подъ вліяніемъ этихъ разсказовъ, взгляды Уткина, незамѣтно для него самаго, приняли весьма веселое направленіе.

— Да, сказалъ онъ снисходительно: — блондинки вообще...

— Я вамъ говорю...

— Но эта, кажется, нѣтъ. Открытая война съ мужемъ... не шутите...

— Послушайте! перебилъ пріятель оживленно.—Будетъ вамъ умничать... Знаете? Тащите-ко ихъ пить чай.... Деньщика по шеѣ... а?

Уткинъ сообразилъ, что въ подобныхъ случаяхъ многозначительно говорятъ «милостивый государь?» и попробовалъ сдѣлать серьезное и презрительное лицо; однакоже, попытка эта, неподдержанная никакимъ нравственнымъ пособіемъ, тотчасъ же уничтожилась и Уткинъ сказалъ:

— Не пойдутъ!

— Ну, вона!..

И пріятель сталъ убѣждать Уткина, у котораго вслѣдствіе этого очень скоро образовались два, совершенно дружелюбные между собою и совершенно различные, взгляда на нашихъ пріятельницъ: «Не худо бы, думалось ему, обработать и вопросъ и чай».

— Не пойдутъ! повторилъ онъ уже съ улыбкой, и прибавилъ: — неловко!

Скоро, при помощи пріятеля и картины стиравшихъ бѣлье бабъ, обнаружилось, что въ нравственномъ фондѣ Уткина одновременно могутъ уживаться и не такіе еще взгляды.

Мимо пріятелей прошелъ солдатъ съ комкомъ бѣлья подъ мышкой и мокрыми косицами.

— Купался? спросилъ офицеръ, когда солдатъ сдѣлалъ ему честь.

— Такъ точно, васкбродіе.

— Съ бабами?

— Тамъ ихъ страсть... копошится...

Пріятель Уткина и самъ Уткинъ полюбопытствовали узнать, гдѣ копошатся бабы. Солдатъ подался къ рѣкѣ и показалъ гдѣ.

Пріятели поглядѣли по указанію, но ничего не видали.

— Ну, что же, началъ офицеръ.—Лукерья съ тобой... Вѣдь ты шельма!

— Нѣту-съ, васкбродіе... второй мѣсяцъ, какъ прогналъ ее.

— Прогналъ?.. Вотъ негодяи-то! Ты? За что́ же?..

— Не производи обману... Обѣщалась подарить часы, а замѣсто того—нѣту ничего! этого нельзя!

Солдатъ остановился.

— Ну? побуждали его слушатели.

— Ну, пришла она, я ей и доказалъ, «какъ ты меня обманула, говорю»... то и взялъ ея платье себѣ...

— Вотъ скоты! не безъ улыбки произнесли слушатели.—Ну?

— Ну. Потомъ стали сѣчь.

— Какъ сѣчь?!

— Черезсѣдельникомъ. Скрутили его вдвое и давай... хе-хе... Сначала я—Матвѣевъ держалъ. А потомъ Матвѣевъ сталъ держать, я принялся, еще сорокъ ударовъ далъ.

— Ну, ужь это подло! сказалъ Уткинъ и прибавилъ:—какъ же ты ее, по платью, что ли?

Солдатъ объяснилъ. Офицеръ сказалъ: «вотъ мерзавцы»; Уткинъ объявилъ, что это мерзко, и оба вмѣстѣ долгое время хохотали...

Разсказчикъ еще долго потѣшалъ господъ, по ихъ небрежному, но безпрерывному понуканію, и наконецъ ушелъ. Къ концу вечера взгляды Уткина на женскій полъ до того прояснились въ извѣстномъ направленіи, что онъ уже самъ сказалъ пріятелю:

— А что, въ самомъ дѣлѣ? Но, какъ бы опомнившись, тотчасъ же прибавилъ:—нѣтъ, не пойдутъ.

На слѣдующій день, отправляясь на бульваръ, чтобы вести переговоры, онъ несъ съ собою такое громадное количество самыхъ разнородныхъ взглядовъ на нашихъ подругъ, что ни считать, ни распространяться о нихъ мы не рѣшаемся. Всѣ эти взгляды мирились, жили въ немъ одновременно, но едва-ли могли быть пригодными для осуществленія крошечныхъ надеждъ Софьи Васильев-

ны. Эту непригодность чутьемъ провѣдала Надя, несмотря на то, что Уткинъ, такимъ же сочувственнымъ тономъ, какъ и вчера, отзывался о необходимости для Софьи Васильевны сверженія ига, и проч. Точно также какъ и вчера, въ кустахъ около бесѣдки можно было слышать разговоры о томъ, что Софья Васильевна увѣрена въ своей готовности ѣсть корку хлѣба, что Уткинъ вслѣдъ затѣмъ нѣсколько разъ подтверждаетъ это, говоря: «ко-орку! Разумѣется, корку... Чего же лучше?» Но Надя уже со втораго свиданія какъ-то замолкла, пытливо смотрѣла на Уткина, и ушла домой въ раздумьѣ.

Такимъ образомъ, оказывается, что первые шаги впередъ, какъ у Михаила Иваныча, такъ и у Нади, не были особенно удачны и только убѣдили ихъ въ силѣ окружающаго ихъ разоренья и разнообразіи формъ, въ которыхъ оно проявляется. Ошеломленный и въ конецъ разстроенный Черемухинымъ, Михаилъ Иванычъ съ каждою минутою разстроивался еще болѣе, теряя всякую возможность разъяснить себѣ будущіе свои планы, по мѣрѣ того, какъ входилъ въ болѣе короткое знакомство съ обывателями черемухинскихъ нумеровъ. Нумера эти содержалъ какой-то сѣдой старикъ, отставной солдатъ. Какимъ образомъ онъ нажилъ деньги, чтобы завести въ Петер-

бургѣ большое хозяйство, было неизвѣстно: ни онъ, ни жена его, молчаливая, сгорбленная и злая старушонка, никогда объ этомъ не упоминали, оба они молча и угрюмо толклись въ кухнѣ, стряпали, таскали дрова, ходили на рынокъ и бѣгали въ кабакъ, по приказанію господъ жильцовъ. Посторонній человѣкъ, какъ Михаилъ Иванычъ, могъ глубоко жалѣть ихъ, потому что большинство жильцовъ не платило старику денегъ и, кромѣ того, на его счетъ покупало водку и пиво, занимало на извощиковъ и т. д. Но въ сущности, солдатъ этотъ нисколько не страдалъ отъ того, что ему не платятъ и берутъ у него деньги, ибо среди молчаливаго тасканія дровъ и сосанія махорки, онъ тоже по своему понималъ духъ времени и разоренья и извлекалъ изъ нихъ болѣе существенную пользу, нежели Михаилъ Иванычъ. Сущность этого пониманія солдатъ любилъ высказывать одинъ, глазъ на глазъ съ самимъ собою. Это случалось по вечерамъ, когда всѣ жильцы улягутся, угомонятся; тогда солдатъ надѣвалъ рваный халатъ, и выбирался изъ кухни въ переднюю отдыхать; отдыхалъ онъ стоя, курилъ въ это время трубку, смотрѣлъ на ночникъ и разсуждалъ:

— Денегъ не платятъ!.. произносилъ онъ.—Хорошо! Ну, ежели пущу я въ комнату трудящаго человѣка, съ вѣрными деньгами?... Тутъ онъ задумывался и, пососавъ трубку, заключалъ: —мнѣ это хуже!.. Во сто разъ мнѣ

превосходнѣе допущать благороднаго человѣка безъ своего капиталу, нетрудящаго... Это вѣрно. Трудящій своимъ трудомъ живетъ, онъ копѣйку бережетъ, онъ хозяину подверженъ, его могутъ прогнать, а нетрудящій— онъ трудомъ не живетъ, онъ живетъ займомъ, помочью... занятыхъ денегъ ему не жаль... такъ-то ся... Много ихъ нониче Богъ послалъ... Одному родня помогаетъ, а другому, вонъ, баба деревенская... видишь вотъ!

Онъ запахивалъ халатъ, поплевывалъ и продолжалъ:

— Теперича пиво я имъ забираю, всякій продуктъ на свои... ожидаю... ну, получу съ лишкомъ... За подожданьё... Сейчасъ въ одно мѣсто записку снесу, въ другое и въ третье,—за проходъ мнѣ деньги... Откажутъ по запискѣ—ожидаю, и опять же онъ мнѣ заплати за это,— надбавку... Рано ли, поздно ли, а ужь достанетъ денегъ, займетъ у кого нибудь... Я и беру все сполна... Получаю свое удовольствіе... Потому, жить имъ надо!.. Будутъ жить! займутъ!..

Выработавъ такой взглядъ относительно «нетрудящихъ людей», солдатъ крѣпко и стойко держался его, принимая въ свои апартаменты только ихъ. Узнать человѣка, имѣющаго намѣреніе жить займами, не составляло для него никакого труда; входитъ баринъ, барыня и двое дѣтей и требуютъ комнату «получше» — это значитъ, что баринъ и барыня настолько не обезпечены постояннымъ

заработкомъ, что не имѣютъ возможности одолѣть свою квартирку, хоть и похуже... Является хорошо одѣтый баринъ и требуетъ комнатку рублей въ пять, — это значитъ, что въ настоящую минуту онъ не имѣетъ въ карманѣ и рубля... «Всѣмъ жить нужно, всѣ достанутъ! займутъ!» думаетъ солдатъ и принимаетъ ихъ въ нѣдра своего жилья, записывая на стѣнѣ мѣломъ: за проходъ, за подожданье и т. д. Все это изображено у него просто въ видѣ палокъ, которыя тѣмъ не менѣе имѣютъ для него каждая свой смыслъ и значеніе.

И вотъ уже два года нумера солдата населяются исключительно «нетрудящимъ» народомъ, — народомъ злымъ, оскорбленнымъ, вспоминающимъ прошлое и строящимъ блестящіе планы насчетъ будущаго. Такъ какъ костюмъ этого народа находится подъ залогомъ у того же самаго солдата, то онъ обыкновенно сидитъ постоянно дома, въ каморкахъ безъ форточекъ, въ душныхъ облакахъ кофейнаго, кухоннаго и табачнаго дыма, лежитъ, ходитъ взадъ и впередъ по своему логовищу, ведетъ долгіе переговоры съ хозяиномъ-солдатомъ насчетъ бутылки пива, убѣждаетъ, грозитъ, пьетъ, вздыхаетъ, напивается, поетъ, бушуетъ и проклинаетъ.

Михаилъ Иванычъ, истощившій свой кошелекъ до послѣдней возможности, и не находя адреса Максима Петровича, обѣщаннаго Черемухинымъ, томился въ не-

привѣтливыхъ солдатскихъ нумерахъ наравнѣ со всѣми ихъ обывателями. Какъ и всѣ, онъ курилъ, лежалъ, злился, шатался по корридору, заходилъ въ кухню, смотрѣлъ на проходящаго по двору мужика и думалъ: «куда онъ идетъ?» и, повинуясь внезапному взрыву злости, снова въ ажитаціи шатался по корридору и по своей норѣ...

Среди этой тоски и томительныхъ скитаній, Михаилъ Иванычъ незамѣтно перезнакомился со всѣми обывателями солдатскихъ нумеровъ; всѣ они на первыхъ порахъ возбуждали въ немъ нѣкоторую долю состраданія и совершенно сходились съ нимъ въ положеніи. Всѣ они одинаково были согласны, что человѣкъ живетъ неправдою, что истинныя достоинства ставятся ни въ грошъ, и что хорошо жить на свѣтѣ могутъ лишь люди гнусные. Такъ говорили всѣ вообще жильцы — и толстый человѣкъ въ угольной каморкѣ, говорившій по-французски, и маленькій человѣчекъ, неизвѣстной профессіи, жаловавшійся на жену, и другой, человѣчекъ, покинутый женою, и женщина, жаловавшаяся на тирана мужа, отъ котораго она ушла и т. д. Все это вередило раны сердца Михаила Иваныча, доводило его тоску до послѣдней степени и заставляло на послѣдніе гроши угощать этихъ несчастныхъ людей пивомъ. Но послѣ двухъ или трехъ пріятельскихъ бесѣдъ за бутылкой, всѣ эти лица принимали въ глазахъ Михаила Иваныча совершенно другой видъ.

Толстый человѣкъ, подъ хмѣлькомъ вспомнившій старину, вдругъ выходилъ какимъ-то губителемъ, хватавшимъ взятки, въ качествѣ начальника надъ какою-то «дистанціей» бичевника. Маленькій человѣчекъ, роптавшій на жену, оказывался просто деспотомъ и звѣремъ, ненавидящимъ свою жену за ея «простое званіе», которое его компрометируетъ передъ благородными знакомыми, благодаря которымъ онъ давно бы могъ получить невѣсту съ капиталомъ, хотя самъ не отказался бы отъ дѣвчонки и простаго званія, еслибы она не претендовала на бракъ. Женщина, покинувшая мужа, оказалась раззорительницею его и т. д. и т. д. Поочередно съ каждымъ изъ этихъ лицъ Михаилъ Иванычъ сходился, сочувствовалъ и потомъ плюнувъ и озлившись уходилъ прочь, неся въ сердцѣ новую рану. У всѣхъ этихъ людей, Михаилъ Иванычъ, кромѣ того, замѣтилъ любимую фразу о томъ, что «мы свое дѣло сдѣлали», «росписались, братъ, въ полученіи» и проч., которою они весьма искусно отмахивались отъ Михаила Иваныча, въ то время, когда онъ, въ первыя минуты сочувствія къ нимъ, предъявлялъ имъ свои требованія и приглашенія помочь. Эта фраза особенно сильно терзала его, когда онъ, плюнувъ на нихъ и снова оставшись одинъ, сидѣлъ въ каморкѣ и думалъ о своемъ положеніи. Въ покинутой имъ глуши остались, по его мнѣнію, просто изверги; здѣсь же, въ столицѣ, ему хотя и сочувствуютъ

но одни, какъ Черемухинъ, могутъ только испортить дѣло, а другіе «уже сдѣлали свое дѣло», раззорили, изуродовали, обобрали. Что-жь это такое? Гдѣ же Максимъ Петровичъ, который никого не грабилъ и выросъ въ «неблагопріятныхъ обстоятельствахъ» русской жизни?

Но Максима Петровича не отыскивалось.

Михаилъ Иванычъ томился, смотрѣлъ въ окно и кашлялъ...

Положеніе Нади было ни чѣмъ не лучше положенія Михаила Иваныча. Мертвый домъ съ умирающею роднею, со всѣми этими злодѣями, рекомендованными Михаиломъ Иванычемъ, и выглядывавшими изъ-за каждаго забора, стоялъ въ полной неизмѣнности. Попрежнему ругалась, измученная звонкàми кухарка Авдотья, попрежнему, старая бабка разъ въ мѣсяцъ разѣвала ротъ, чтобы гаркнуть: «въ карр...манъ-то-о...» Попрежнему соборовали масломъ генерала и генеральшу и тщетно ожидали ихъ преставленія на тотъ свѣтъ. Убитый Ваня лежалъ повернувшись къ стѣнѣ, молча уткнувъ исхудалое, обросшее длинными бѣлыми волосами лицо въ подушку. Глаза его были всегда закрыты и только легкій стонъ говорилъ, что это лежитъ избитый человѣкъ... За мертвымъ и непривѣтливымъ родительскимъ кровомъ, оставались попрежнему одни безтолковые мучители въ родѣ Печкина, добродѣтельные и симпатичные злодѣи въ родѣ Шапкина

и пустота, желающая во всемъ принимать участіе, въ родѣ Уткина.

Разумѣется, какъ Михаилу Иванычу, такъ и Надѣ, могли встрѣтиться иные люди, но все, о чемъ мы говоримъ, случилось именно такъ, а не иначе; темный уголъ, гдѣ выросли и родились наши герои, и гдѣ они хотѣли найти помощь, не могъ имъ представить ничего другаго, кромѣ широчайшаго и громаднѣйшаго разоренья, и не было отсюда видно ни одного луча свѣта...

Такое томительное положеніе продолжалось довольно долго, не представляя никакого выхода, и наконецъ такъ или иначе разрѣшилось.

Для Нади и Софьи Васильевны это произошло на томъ же бульварѣ въ присутствіи Уткина. Отправляясь на третье свиданіе съ Уткинымъ, исключительно вслѣдствіе просьбы Софьи Васильевны, Надя уже не надѣялась услышать отъ него ничего новаго, никакой правды. Она даже холодно обошлась съ нимъ, молча сѣла на ступеньки бесѣдки, не принимая никакого участія въ ихъ разговорѣ и ждала Софью Васильевну. Невольно слушая сочувственныя слова Уткина, неподвигавшагося ни на шагъ къ дѣлу, и совершенно искреннія изліянія Софьи Васильевны насчетъ готовности ѣсть корку хлѣба, она не

могла не замѣтить, что тутъ сошлись люди, совершенно ненужные другъ другу. И тутъ, съ самою поразительною отчетливостію, припомнилась ей сцена съ бабой у мироваго судьи: и тамъ точно также понимали, что́ хочетъ баба, и хотѣли ей сдѣлать, но не могли; припомнились ей также и всѣ разговоры, происходившіе на крыльцѣ суда, и въ особенности разсужденія о зубахъ. «Зубы, зубы надо... небось бы!» припоминала она...

Все, что́ было непонято, выстрадано, передумано, все на мгновеніе какъ-то вдругъ столпилось въ ея головѣ, она какъ-то съ разу оживилась и въ слухъ сказала себѣ самой:

— Знать! знать надо... все, все! повторила она, быстро поднимаясь съ ступеньки крыльца бесѣдки.

— Пойдешь или еще будешь? сказала она Софьѣ Васильевнѣ, не глядя на Уткина.

Торопливость, съ которою Надя надѣвала перчатки обнаруживая намѣреніе уйдти не дожидаясь, оторвала Софью Васильевну отъ разговора съ Уткинымъ.

— Такъ до завтра! сказалъ Уткинъ, дѣлая Софьѣ Васильевнѣ весьма ласковые глаза, и подруги ушли бы тотчасъ же, еслибы въ это время не произошло нѣчто особенное.

Отодвигая сердитою рукою кустъ, на площадку пе-

редъ бесѣдкой выступилъ знакомый намъ лавочникъ Трифоновъ.

— Вотъ они соколики! заговорилъ онъ такимъ голосомъ, какимъ говорятъ люди, поймавшіе вора. Ишь жеребца какого припасли! Гдѣ тутъ еще-то? Ихъ тутъ двѣсти штукъ. Эй ты, тетеря!..

На этотъ зовъ откуда-то явился Павелъ Иванычъ.

— Правду говорилъ? сказалъ Трифоновъ.—То-то я слышу: корку-корку. А вотъ они тутъ какую корку... Чего глядишь? Ошарашь жеребца-то по рылу! Пакля! Кабы не разбудилъ, издохъ бы не узналъ!..

Павелъ Иванычъ и Софья Васильевна были въ какомъ-то ужасѣ. Печкинъ не могъ произнести слова и стоялъ блѣдный какъ полотно. Уткинъ прочищалъ палкой и ногой дорогу въ кустъ.

— Ну, что-жа? командовалъ Трифоновъ.—Пехтерь! Производи свой порядокъ, получай жену-то. Докажи ей, шельми...

Софья Васильевна вдругъ какъ-то рванулась впередъ, поблѣднѣла, хотѣла что-то сказать и вдругъ заплакала, зарыдала...

— Домой! закричалъ внезапно что есть мочи Печкинъ.

— Эхъ ляпнулъ дѣло! передразнилъ его Трифоновъ. — Трехони ее, бери...

Печкинъ рванулся къ женѣ, но Софья Васильевна, словно опомнившись, схватила руку Нади и побѣжала впередъ по извилистой дорожкѣ.

— Не пойду! Никогда! крикнула она всей грудью, скрывшись за кустъ.

И тутъ настало общее смятеніе. Трифоновъ, Печкинъ и множество зрителей бросились вслѣдъ за подругами по узенькимъ и извилистымъ дорожкамъ, цѣпляясь за кусты, ломая сучья и надо всѣмъ садомъ раздавались крики:

— А-га-а! Ко-орку!... То-то я гляжу! Ай-да барыня,— шлюха этакая! Съ жеребцами? Отъ мужа!... Полюбился! Нѣтъ, по мордѣ!... Домой! вопилъ какимъ-то неестественнымъ басомъ Печкинъ. — Дуракъ! слышался голосъ Трифонова.—Бѣги налѣво! Сволочь... Держи!!. Эй, молодецъ, захвати даму! бей въ мою голову. Ничего, за косу... То-то, корку, корку... Хе-е-е...—Домой!..

Долгое время множество народу вылетало на средину дорожки изъ боковыхъ аллей, кричало, ругалось, и снова исчезало въ кустахъ, и снова кричало...

Софья Васильевна и Надя, бѣгомъ пробѣжавшія двѣ-три улицы, пошли тише. Софья Васильевна едва двигалась, задыхаясь отъ испуга и быстрой ходьбы, и не могла произнести ни слова...

Надя тоже молчала, но въ умѣ ея еще какъ-то ярче вылегали слова:

— Знать... все... все...

Такъ онѣ пришли домой, и больше ужь не ходили къ Уткину.

X.

Возвращаясь домой Надя несла въ душѣ, какое-то серьезно-радостное ощущеніе... Видѣлось впереди не веселое, но умное и дѣльное.

— Ваня, поправляется! сказала ей мать. Незнаю, что съ нимъ, поднялся и сидитъ на кроватѣ.

— И говоритъ?

— Говоритъ... Еле-еле...

Какая радость въ этой области смерти!.. У Нади радостно билось сердце при этой вѣсти, хотя она сама не знала почему...

— Господи! сказала она, глубоко вздохнувъ и снимая шляпку, но не кончивъ этого дѣла, вдругъ почему-то принялась цѣловать у матери руки...

А мать стала плакать...

И никто изъ нихъ не могъ-бы опредѣлить почему все это дѣлается.

Жизнь, жизнь, пробуждается гдѣ-то около ихъ... и сулитъ имъ что-то... тоже жизнь!..

Надя сбѣгала къ Печкинымъ тотчасъ-же, но ей сказали, что Ваня спитъ. Ей разсказали, что онъ усталъ сегодня— онъ требовалъ къ себѣ свои инструменты, разсматривалъ ноты, бумажки, просилъ все разставить по мѣстамъ. Все это исполнили... Въ полуотворенную дверь Надя видѣла спящаго Ваню, около кровати котораго на стульяхъ стояла его скрипка безъ струнъ, валялись развернутыя тетради нотъ... Какъ это было радостно!.. Поглядѣвъ она ушла домой, долго не спала и встала рано.

День былъ чудный.

Она тотчасъ пошла къ Ванѣ...

Онъ сидѣлъ на постѣли, худой, съ ввалившимися глазами, съ головой, при взглядѣ на которую,—воображенію представлялся черепъ, съ руками и ногами, напоминавшими не трупъ а скелетъ...

— Цѣла? едва говорилъ онъ матери...

— Цѣла, цѣла! отвѣчала та, отирая тряпкой пыльный грифъ скрипки...

Въ груди Вани вмѣсто отвѣта слышались рыданія безъ слезъ. Онъ нѣсколько разъ всхлипывалъ отъ избытка глубокой радости и каждую минуту готовъ былъ упасть въ обморокъ...

Надя поддерживала его...

— Голубчикъ мой! говорила она ему (хоть онъ и не узналъ кто она такая). Все цѣло!.. Я все соберу!

— Все, все цѣло. Говорила мать Вани... Погоди я вотъ отца приведу... Хочешь?..

Ваня долго рыдалъ, склонивъ голову на грудь, и неотвѣчая на вопросъ...

— Зе... млю... Наконецъ выговорилъ онъ и слабо какъ могъ потянулся изъ рукъ Нади... Зем-млю...

— Что ему?... Спрашивала Надя... Землю?.. Какую землю?..

— Что тебѣ?.. спрашивала мать.

— Ему землю хочется поглядѣть, — сказала кухарка и вполнѣ поняла мысль больнаго.

— Надо его поднять! сказала Акулина и къ окошку поднести... Пусть поглядитъ на травку.

Всѣ трое подняли его, худого, съ пролежнями до кровавого мяса на всемъ тѣлѣ, съ неразгибавшимися колѣнами и безъ особеннаго труда поднесли его къ окну. Онъ рыдалъ безъ слезъ и стоналъ,—

— Ну вотъ смотри... Вотъ земля! сказала ему мать...

Все цвѣло и благоухало въ глухой улицѣ...

Вонъ зарыдалъ.

— Зеленое... пролепеталъ онъ.

И слезы, крупны какъ градины, затопили его лицо, усы, рубашку...

Всѣ плакали...

Мокрая отъ слезъ, сухая, рука Вани танулась къ подоконнику, какъ бы стараясь взять эту зелень въ руки...

Попросили прохожаго нищаго сорвать травку. Тотъ сорвалъ и подалъ Ванѣ.

Ваня сжалъ траву въ рукахъ и буквально, цѣлое море слезъ, затопило его лицо...

Всѣ рыдали тихонько и какія это были чудныя слезы!..

Тихо отворилъ дверь, генералъ,—добравшись до комнаты Вани, и едва взглянулъ,—тоже заплакалъ...

Глаза Вани были закрыты, руки сжимали траву, лились слезы и стояла тишина...

Ваня умиралъ.

Черезъ минуту узнали и увидали что онъ умеръ...

Мертваго, съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ его положили на постѣль...

Трава съ корнями осыпанными землей, была въ его рукѣ...

Какія эти были чудныя минуты для всѣхъ кто только не былъ тутъ, кто мучилъ и мучился, кто желалъ страдать и страдалъ самъ!.. Это были слезы человѣка, убѣжденнаго что онъ злодѣй и грѣшникъ, и узнавшаго, — хоть не одну минуту! — что онъ не виноватъ...

Все это старое погибающее, проживши не одинъ десятокъ лѣтъ, не имѣли другой, болѣе плѣнительной, болѣе чистой минуты.

Но минута эта кончилась очень скоро. Похороны Вани, вытащили на сцену разсужденія о расходахъ, о скупости генерала, снова раздались упреки въ томъ, что онъ спряталъ деньги, что уморить человѣка онъ умѣлъ, а когда пришлось хоронить этого человѣка, — сталъ упираться, не хочетъ и т. д. Не смотря на всевозможныя усилія генеральши похоронить Ваню, какъ генеральскаго сына, — не смотря на всевозможныя крики и проклятія, которыми былъ осыпаемъ генералъ Птицынъ, — похороны были самые бѣднѣйшіе и жалчайшіе.—Все нищее, что привыкло не стѣсняясь плакать, идя за такимъ неказистымъ, простымъ деревяннымъ гробомъ, какъ тотъ въ которомъ лежали кости Вани, — все тронулось за нимъ большою, рваною, бѣдною толпою, — и плакало, не надѣясь даже получить за это кусокъ, какого-бы то ни было пирога...

Какая мертвая тишина стала въ нашемъ углу послѣ смерти и похоронъ Вани...

Чтобъ уйдти отъ угнѣтающаго смысла этой тишины, Надя забрала съ собою къ матери, всѣ книжки, всѣ тетради Вани, цѣлые дни роется въ нихъ, откладывая изъ массы хлама, въ которомъ не послѣднюю роль играютъ

Таинственные Монахи, Кузьмы Рощины, проповѣди о грибной пищѣ, и т. п.—арифметику, географію... Она усердно учится и читаетъ, — какая-то сила все сильнѣй и сильнѣй побуждаетъ ее убѣжать отъсюда. Она очень хорошо знаетъ, что надо учиться, трудиться, знать, — а вмѣсто того хочется бѣжать, бросить все... Смерть разоренпаго угля до того ясна, до того, на каждомъ шагу— доказательна, что Надѣ хочется новаго мѣста, чтобъ думать и дышать...

Современемъ мы разскажемъ, что стало съ него.

Генералы живы...

МЕЛОЧИ.

I

Старьевщикъ.

(изъ московской жизни).

Зима. Стыдь...

Задолго еще до перваго колокола, до перваго визга извощичьихъ саней по закаленному лютымъ морозомъ снѣгу, начинаетъ пробуждаться жизнь на столичномъ дворѣ. Въ грязныхъ клетушкахъ, въ нижнихъ этажахъ, гдѣ гнѣздятся сапожники и портные, напоминающіе міру о своемъ существованіи скромною вывѣской, уставившейся

своимъ золотымъ сапогомъ или растопыренными ножницами куда-нибудь въ стѣну, въ кучу дровъ или въ такой уголъ, куда съ незапамятныхъ временъ не забредала ни единая человѣческая нога,—въ этихъ-то сырыхъ подземельяхъ, обдающихъ свѣжаго человѣка какою-то кислятиной вмѣсто воздуха, прежде всѣхъ просыпается людское горе, съ вечера звонко залитое въ кабачкѣ, подъ извѣстнымъ заглавіемъ: «Уединеніе» «Мечта» и пр. Просыпается оно въ тощей фигуркѣ сапожника Сидора Иванова, портнова Ивана Сидорова, и запахиваясь рваным халатомъ, сквозь который морозъ запускаетъ свои колючіе, какъ иглы, лапы, — ежась бѣжитъ опохмѣлиться, поправиться, обыкновенно ухлопывая при этомъ послѣдній пятачекъ, а за отсутствіемъ его, собственный жилетъ, сапожную колодку, женнинъ платокъ и вообще все, что не подвернется подъ руку... А навстрѣчу ему уютное пристанище съ отрадною надписью: «распивочно», давно уже распахнуло свои гостепріимныя объятья, и прочно погребаетъ за своей почернѣвшей дверью, весь этотъ болѣющій людъ, испугавшійся при дневномъ свѣтѣ собственнаго безобразія и старающійся куда-нибудь скрыться даже отъ самаго себя. Этотъ же внутренній испугъ заставляетъ до свѣту убраться со двора, затащенную юнкеромъ Тесаковымъ камелію, вчера же претерпѣвшую тысячи заушеній и заплеваній отъ высоконравственной съемщицы Распориной... Виляя

своимъ искалѣченнымъ кринолиномъ, нетвердою поступью бѣжитъ она черезъ дворъ и, выйдя за ворота, направляется къ Грачевкѣ.

Гдѣ-то ударили къ обѣднѣ; жизнь на дворѣ шумитъ сильнѣе и сильнѣе; тащится съ салазками молошница, со скрипомъ въѣзжаетъ водовозъ, вмѣстѣ съ бочкой, составляющей какъ бы одинъ довольно объемистый кусокъ льду; медленно плетется на дровняхъ съ угольями, весь почернѣвшій, отъ сосѣдства съ ними мужикъ, и ставъ посреди двора, громко кричитъ: «уголь!», выставляя при этомъ свои бѣлые какъ снѣгъ зубы. Просыпаются рачительные хозяева и опрометью спѣшатъ на рынокъ, на ходу совершая крестное знаменіе и, очевидно, призывая этимъ помощь божью въ предстоящей битвѣ съ мясникомъ, овощнымъ лавочникомъ и т. д. Просыпается харчевникъ, Кузьма Шестовъ и выкатываетъ собственное трехъ-обхватное зданіе на крыльцо, находя здѣсь почему-то болѣе удобнымъ почесать свое тучное благоутробіе... Чуть не до-красна раскаленный, Кузьма Шестовъ мгновенно тонетъ въ облакахъ собственнаго тепла: паръ, распространенный имъ, то столбомъ рвется вверхъ, будто стараясь лизнуть корнизъ дома, то тучей ползетъ по землѣ, подергивая легкой дымкой—забытый съ прошлаго года кѣмъ-то тарантасъ, водовоза и этаго пигалицу-мальчишку, посланнаго за калачемъ и уже поглощеннаго до такой степени неизмѣримымъ драповымъ

картузомъ, что его съ удобностію можно бы было натянуть на самую вершину Сухаревой башни. Морозъ жжетъ, щиплетъ, душитъ и свободно вздохнуть не даетъ... Изъподъ тысячи полозьевъ несется неумолкаемый визгъ и какъ бы какой-то безконечной струей стоитъ надо всѣмъ городомъ... Изъ трубъ медленно ползутъ къ верху столбы дыма, застилая собою небо, и сквозь эту дымную занавѣску тускло смотритъ, колеблющимся пятномъ, зимнее солнце...

Въ это время посреди двора стоитъ старьевщикъ. Въ теплой дубленкѣ, въ тепломъ картузѣ и валенкахъ онъ не боится холоду и поэтому, не спѣша, попѣваетъ свою пѣсенку:

— Сстаррова тряпья... старрыхъ сссапагговъ нѣтъ ли продавать? Попоетъ-попоетъ, поправитъ подъ мышкой аккуратно свернутый кулечикъ, и поведетъ глазами по сотнямъ оконъ, преимущественно заглядывая или подъ крышу, или на другой конецъ—въ самый низъ, откуда печально смотрятъ эти микроскопическія, продолговатыя оконца, лѣтомъ сплошь забрызганныя грязью, а зимой скрывающіяся за напухшею грудою снѣга, льду и сосулекъ.

Смотритъ старьевщикъ, постукиваетъ нога объ ногу и снова тянетъ свою пѣсенку, и поетъ онъ ее такимъ заунывнымъ голосомъ, такъ плакучье, что ее слышитъ только та непроходимая голь-нищета, у которой вся на-

дежда на существованіе—это старыя голенища, да и то тогда только, когда за нихъ сподобитъ Господь содрать копѣекъ двадцать.

Гдѣ-то вверху открылась форточка, женскій писклявый голосъ позвалъ старьевщика, и скоро онъ, шагая по нескончаемымъ столичнымъ лѣстницамъ, распрашивалъ у добрыхъ людей, какъ пройти въ квартиру къ мѣщанкѣ Слезовой.

Мѣщанка Слезова сама утверждала, что Господь наложилъ на нее особый крестъ, который она и должна нести до гроба. Крестъ этотъ она называла совѣстью.

— Надѣлилъ меня, батюшка Милостивый, надѣлилъ! говорила она... И столь онъ, батюшка милостивый надѣлилъ меня, что всякій можетъ мнѣ на шею сѣсть, добавила она, заливаясь горючими слезами.

Не неси она этого креста, ей не нужно было бы теперь сбывать оставшійся послѣ покойника мужа хламъ, потомъ что сама она съ голоду не умретъ: женщинѣ много ли нужно? Такъ пожевала-пожевала что-нибудь въ сухомятку — и сыта: а на это-то хватитъ, стало-быть съ этой стороны и толковать нечего. Но ее постоянно мучитъ постоялецъ—отставной прапорщикъ Волшебновъ, непремѣнно требующій обѣда, да еще старуха Митревна,

уже третій день проклинающая, лежа на печи, и жизнь свою сибирную, и сосѣдей, и хозяйку,—старуха, которая ежеминутно молитъ Бога о смерти, и потому только, что въ эти три дня не удалось ей потѣшить чайкомъ свою ветхую утробу... Можно было бы уладить дѣло и съ этой стороны, можно было бы доложить Волшебнову, что увѣреніе въ благородствѣ хоть и важная вещь, но что въ лавочкѣ за него не дадутъ и ваксы на двѣ копѣйки. Да и Митревну можно бы посдержать, напомнивъ, «что молъ я, Слезова, не изъ корысти держу тебя, не изъ корысти пою-кормлю, а только ради холода твоего да голода, соболѣзнуя твоему горю, отъ котораго и самой некуда дѣться...»

Но видно такъ уже была устроена Слезова, что мысли о заступничествѣ за собственный карманъ она никакимъ образомъ не подпускала близко къ себѣ, и поэтому-то ежеминутно терзалась и голоднымъ желудкомъ прапорщика, и жаждою старухи. Въ подобныя минуты ей даже казалось, что на нее съ укоромъ смотритъ и холодная печка, и пустые горшки, и согнутый на сторону самоваръ... «Что же ты, говорятъ будто бы эти враги, топи чтоль меня? А! тебѣ нечего варить во мнѣ,—хозяйка тоже!.. Тьфу ты! вотъ что ты, а не хозяйка!..» А занятые третьяго дня у сосѣдки три куска сахару... Гос-

поди! какими камнями, лежатъ они на ея честной, правдивой душѣ!

Сообразивъ такое состояніе людей, обитавшихъ въ кухнѣ, читатель быть можетъ пойметъ, что небесная помощь, въ какомъ бы то ни было видѣ, здѣсь ждется всѣми, и поэтому очень естественно, что старьевщика, какъ воплощающаго въ своей плутоватой фигурѣ эту помощь, приняли здѣсь съ распростертыми объятіями.

— Куда тутъ? какъ бы кадушку-то не того... опрокинешь неравно, говорилъ онъ влѣзая въ кухню сквозь маленькую дверь, и втаскивая съ собою тучу холода, которымъ и безъ того изобиловало жилище Слезовой... Шурша своимъ закалянившимся тулупомъ, на ходу зацѣпляя имъ ухватъ, сковородникъ и кочергу, старьевщикъ вступилъ въ сосѣднюю комнатку, до того микроскопическую, что помѣщавшіеся въ углу образа занимали чуть не цѣлую ея треть. Тутъ же стояла кровать, а на стѣнѣ болталось зеркальце, имѣвшее особенную способность стягивать всѣ черты лица въ одну точку, къ концу носа.

Взойдя, старьевщикъ произнесъ: «добраго здоровья!» уложилъ на полъ свой мѣшокъ, шапку и рукавицы, обтеръ полою полушубка заледенѣвшіе усы и холодно произнесъ:

— Продаете что?..

— Да, вотъ кой-что есть, говорила Слезова, нагибаясь къ полу и запуская подъ кровать палку.

— То-то, продавайте:—я нонѣ добрый...

— Видишь ты! произнесла старуха.

— Сейчасъ издохнуть!.. Такой милосливой и-и-и!.. на тощакъ не выговоришь... Мѣху нѣтъ ли? галуновъ? Пошарьте.

— Нако-сь вотъ сюртукъ... годится ли?

Принимая въ руки сюртукъ, старьевщикъ зоркимъ глазомъ, съ одного маху, окинулъ его и, заглядывая въ мельчайшіе закоулки, нападалъ на такія пятна, прожженныя щелки и изъяны, которые Слезовой очень желалось бы спрятать... И вотъ отъ этой-то зоркости старьевщика каждая дыра на полѣ и на рукавѣ прожигала такую же дыру въ ея сердцѣ.

Вскорѣ изъ-подъ кровати, при пособіи палки и кочерги, которую орудовала старуха, появились на свѣтъ божій, вмѣстѣ съ кучею сора и неизвѣстно откуда взявшагося пуху, старые, совершенно жолтые панталоны покойника супруга, Ануфрія Максимыча; потомъ заплеснѣвѣлая бутылка съ продавленной внутрь пробкой, и наконецъ чей-то, богъ-вѣсть какимъ образомъ попавшій сюда, форменный картузъ съ зеленымъ околышемъ и разорваннымъ козырькомъ. Все это будило въ головѣ Слезовой забытое прошлое, поднимало и вихремъ несло ея

прошлыя скорби. То представлялось ей, какъ покойникъ супругъ-парикмахеръ, въ видахъ барышей перебравшійся въ Петровскій паркъ на дачу, вдругъ запилъ, залукнулся въ городъ и пропалъ безъ вѣсти. А тутъ зима. Лѣсъ опустѣлъ, снѣгъ сугробами одѣлъ дорогу въ Москву, а морозъ уже успѣлъ прбглодать углы въ досчатой хибаркѣ... Со слезами на глазахъ, завернувъ въ полу заячьей шубки свою Лизу, которая теперь гдѣ-то въ бѣлошвейкахъ на Дмитровкѣ, бредетъ она, Слезова, въ Москву, къ Каменному мосту: «дескать, не распознаю-ли у сродственниковъ про Ануфрія Макеимыча?» Вѣтеръ дуетъ въ упоръ, вязнутъ въ сугробахъ слабыя ноги, а идти далеко! Добрела. — Не у васъ ли, Марфа Марковна, супругъ мой? А супругъ, будто кругомъ виноватъ, смирный такой, услыхаль изъ другой комнаты и кротко таково говоритъ; «А, говоритъ, Аксюша! ты это... здравствуй! виноватъ я, Аксюша!..» И присѣла она въ это время на оконникъ и сидѣла ровно безсловесная, потому—и слеза нейдетъ, и слова выговорить нельзя... Или вдругъ—смѣшно сказать! Эти желтые панталоны, протертые на колѣняхъ и заплатанные синимъ тикомъ отъ женниной шубы,— какую страшную сцену, ворошатъ они въ ея головѣ!... Помнится ей, какъ вотъ въ этихъ самыхъ панталонахъ, надъ которыми старьевщикъ покатился со смѣху, привезли Ануфрія Максимыча замертво. Подняли его добрые

люди гдѣ-то на улицѣ; а оттого онъ довелъ себя доэтого, что не на добрыя деньги вздумалъ гулять—пустилъ ризу съ вѣнчальнаго образа, раздѣлъ его, батюшку, донага! И вотъ онъ въ больницѣ; то хочется ему огурчика, то селедки, то кваску,—и Аксюша съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ, рождающимся только въ пору высокой привязанности, умѣетъ протащить ему эти продукты, утаивъ ихъ отъ зоркихъ глазъ начальства гдѣ-нибудь на груди, въ концахъ головнаго платка, или подъ полою.—«Виноватъ я, говоритъ больной, — много я тебя, Аксюша, бивалъ понапрасну, ни за что, и много я у господняго престолу долженъ отвѣту дать за мои буйства и кровопролитія. Только прости ты меня, Аксюша, здѣсь, на семъ свѣтѣ, потому и безъ этого я, новопреставившійся рабъ божій долженъ въ муку вѣчную. А подъ подушкой на Лизино счастье узелокъ есть, и скопилъ я тамъ на ассигнаціи сто рублевъ...»

И монго-много еще!..

Осажденная этими воспоминаніями, Слезова съ какимъ-то уныніемъ искала, чтобы присоединить въ кучѣ разнаго зброда, валявшагося на полу. Старьевщикъ все принималъ и даже старался ободрить хозяйку, видя что она конфузится, подавая какой нибудь шерстяной носокъ съ дырявой пяткой или заплѣсневѣвшій картузъ: онъ надѣвалъ носокъ на руку, утверждая, что изъ него очень

легко сдѣлать варишки, примѣривалъ картузъ, и примѣривалъ такимъ ухарскимъ манеромъ, что даже Слезова не могла не улыбнуться, а старуха просто плюнула, проговоривъ:

— О шутъ тебя возьми, пугало воронье!..

Наконецъ, сѣвъ на полъ и подобравъ подъ колѣни весь собранной скарбъ, старьевщикъ придавилъ его растопыренною рукою и произнесъ:

— Еще чего нѣтъ ли?

— Нѣтъ, больше ничего нѣту...

— Пошарьте...

— По комодамъ развѣ?

— Ну, по комодамъ... Галуновъ нѣтъ-ли?...

— Нѣтъ, галуновъ нѣту... Ничего больше нѣту.

— Ну, такъ стало-бытъ сколько? Говори мать по-божьему.

— Что мнѣ? Я по-божьему...

— Ты самъ-отъ по-божьему-то, произноситъ старуха, чувствуя потребность заступиться за Слезову, потому что надежда на чаепитіе почти обезпечена.

— Эна! Мы люди, бабка во какъ—одно слово!..

— Видишь ты!!.

—То-то и есть... А я, милая моя, вотъ какъ: я свою цѣну даю, ты свою... Что же? разберемъ такъ: сертукъ этотъ самый, что говорить, очень онъ превосходенъ, и дадутъ

намъ за ихъ милость двадцать копѣекъ, а мы, значитъ даемъ ему назначеніе—гривенникъ по той причинѣ, какъ намъ и самимъ преферанцъ надобенъ. Такъ-то-съ!

Происходитъ общій вопль, котораго впрочемъ старьевщикъ кажется не слышитъ, потому что онъ продолжаетъ снова, примѣривая картузъ.

— Они теперича.. Какое объ нихъ мнѣніе? высокое! ибо цѣна трынка...

Опять ропотъ.

— Да ты вотъ что: Богъ-то есть въ тебѣ?

— Какъ не быть.

— Стало-быть нѣту...

— Вѣрно есть! Повѣрьте—такъ точно... А что, ежели что—трынка, такъ чѣмъ же она не монета? Слава Богу!

Въ это время въ дверяхъ показался постоялецъ, офицеръ, съ взъерошенными волосами, въ плисовомъ рваномъ халатѣ.

— Ты, обратился онъ къ старьевщику,—купишь?

— Покажте-съ.

— Что тебѣ? нюхать что-ли? Видишь кинжалъ, сабля...

— Придется, нюхаемъ... Только онъ, оружій этотъ дешевъ...

— Какъ?!.

— Ничего онъ для насъ не стоитъ...

— Мерррзза...!

Постоялецъ исчезаетъ.

— А то вотъ не купишь-ли, говоритъ старуха, вылѣзая изъ кухни.

— Какой товаръ?

— Пуговицы костянныя.

— Много ль?

— Пара всего... Теперь такихъ пуговицъ нѣту...

— Ну сталъ-быть и пущай они дружка съ дружкой... парочкою стало-быть.

— А я, мылъ, авось гривну какую...

— Гривну-у? гривну-то я за тебя, старушка дамъ-ли?... И то, ежели на распорку, коли дѣло будетъ. Вотъ какъ хе, хе, хе... А то—изволите видѣть!

— Покупаешь? произноситъ снова явившійся офицеръ...

— Никакъ нѣтъ... радъ бы душею.

— Подлецъ!!

— Сердитъ баринъ-отъ, саркастически произноситъ старьевщикъ, прислушиваясь, какъ за Волшебновымъ хлопаетъ одна дверь, другая, и потомъ падаетъ на полъ кинжалъ. Прапорщикъ свирѣпъ; онъ быстро ходитъ взадъ и впередъ; но спустя немного снова принимается рыться въ тощемъ чемоданѣ съ тою же цѣлью—всучить что нибудь старьевщику. Попадался-ли ему старый эполетъ, сломанная на какомъ-то балѣ шпора, покраснѣвшая пуговица съ цифрами—онъ все валилъ въ кучу и назначалъ, по

собственному мнѣнію, самыя умѣренныя цѣны, хотя въ итогѣ образовалась такая кругленькая сумма, которую прапорщикъ предполагалъ распорядиться самымъ милымъ образомъ.

— Сколько за все? восклицаетъ онъ черезъ минуту...

— Надыть вникнуть...

— Опять! что за чортъ! ты съ кѣмъ толкуешь?

— Да что, ваше благородіе, я скажу такъ, что для нашего брата вся это теперича ваша премудрость, ровно плюнуть да растереть.

— Прочь отсюда! завопилъ прапорщикъ, грохнувъ объ полъ весь ворохъ собственнаго товара,— и мгновенно изчезъ.

Въ то время, какъ въ разочарованную душу прапорщика врывались терзающія мысли о томъ, отчего судьба не потянула его по болѣе широкой дорогѣ, гдѣ-бы онъ, не печалясь, какъ теперь, о трехдневномъ отсутствіи водки, могъ бы безмятежно покоиться подъ титуломъ штабсъ-капитана, разъѣзжать на рысакахъ, звонко покрикивать „пошолъ!“, обладать первой въ Москвѣ камеліей, совершая все это на вдовьи капиталы купчихи Засосовой,—въ эти плачевныя минуты прапорщичьяго негодованія на судьбу, лишившую его всѣхъ, только что изображенныхъ благъ,—старьевщикъ съ приказками и прибаутками валилъ въ мѣшокъ все достояніе мѣщанки Слезовой, вмѣстѣ съ

старьемъ, погребая въ этомъ же мѣшкѣ и всѣ воспоминанія, всѣ прошлыя скорби...

— А что, хозяюшка, говорилъ старьевщикъ, вынимая изъ запазухи свертокъ сахарной синей бумаги, въ которомъ сочно звякали мѣдяки; я у васъ эту старушку, Богъ съ ней, поторгую,—и онъ кивнулъ головою на старуху. Именно правда, потому шкура у ее, у этой у старухи... Рубъ сорокъ да семь—рубъ сорокъ семь: пожалуйте-ко... Ибо, говорю, шкура у этой у старухи оченно способна, и погонимъ мы ее на шлеи, али-бо на тяжи.

Слезова грустно улыбалась; но старуха едва-ли что нибудь слышала изъ словъ старьевщика, потому что была совершенно поглощена заботами о чаѣ и хлопотала около самовара.

Черезъ полчаса кухня Слезовой представляла нѣсколько иной видъ: сама хозяйка, слегка подрумяненная рюмочкой водки, поминутно совалась то къ столу, на которомъ надрывался, пыхтѣлъ самоваръ и не менѣе надсаживалась надъ самоваромъ старуха, то къ печи, гдѣ дымился котелъ, около котораго тощее пламя единственнаго полѣна какъ-то подобострастно егозило и казалось хотѣло сжать его въ своихъ объятіяхъ, лишьбы только угодить Слезовой — поскорѣе вскипятить

воду. Въ углу стояла сосѣдка съ рюмкой въ рукахъ, готовясь поднести ее ко рту, при чемъ говорила Слезовой что-то очень утѣшительное, награждая ее въ будущемъ неизмѣримымъ счастьемъ, — чего въ одно и тоже время желала и сулила также и старуха; но Слезова только вздыхала и полагалась во всемъ на власть божію. Не то было за перегородкой, въ комнатѣ прапорщика. Разстроенное воображеніе его не давало ему покою.

— Господи! Господи! взывалъ онъ въ душѣ:—хоть бы что-нибудь. .

Соображая предостоящіе барыши, плетется старьевщикъ по пустынному переулку. Отъ нечего дѣлать онъ можетъ зайдти въ лавочку, гдѣ ему всѣ друзья-пріятели отъ мала до велика, почему онъ всегда смѣло можетъ прибѣгнуть сюда и перехватить рубликъ-другой, безъ залога узла, дѣлая это конечно только въ тѣхъ случаяхъ. если гдѣ-нибудь по близости лафа, т. е. можно погрѣть роки около чьей нибудь добротной шубы, салопа и вообще вещицы, на которую не хватаетъ казны, размѣщенной по всѣмъ карманамъ, во всевозможныхъ узелочкахъ, завертках, «портманеяхъ» и тому подобныхъ казнохранилищахъ.

Тутъ въ лавкѣ онъ потолкуетъ съ хозяиномъ, дескать, «какія нонче времена тугія», сообщитъ пожалуй извѣстіе,

что какой-нибудь купецъ, Столбовъ, пожертвовалъ въ приходъ колоколъ пудовъ въ тысячу; пошутитъ съ прикащикомъ, посочувствуетъ ему въ его эротическихъ подвигахъ на Цвѣтномъ бульварѣ; однимъ словомъ, — онъ можетъ толковать обо всемъ и всегда,—именно, потому, что не толковать про все—не возможно. «Такое наше дѣло, говоритъ онъ:—человѣкъ ты завсегда на народѣ, на самомъ на юру, — ну и долженъ со всякимъ вступать въ разговоръ: отъ этого я и могу во всемъ постигать».

Но всмотритесь пристальнѣе въ эту плутоватую личность, сбросьте съ обросшей образины старьевщика весь грузъ прошедшихъ лѣтъ—и передъ вами бойкій, столичный мальчишка; весь дворъ зоветъ его юлой; иные впрочемъ замѣняютъ эту кличку шиломъ, а собственный родитель не иначе именуетъ сына, какъ щенкомъ. Усматривая въ сынишкѣ нѣсколько жульническую сообразительность и пронырливость, родитель рѣзчикъ печатей Голодаевъ, умѣлъ въ раннюю пору дѣтства направлять такія достоинства ребенка въ собственную пользу: что препоручалъ онъ щенку передать полковницкой кухаркѣ, Агафьѣ, чтобы она вечеромъ выходила на тротуаръ, да такъ, чтобы матка—не замѣтила и чрезъ глупую его, щенка, голову не намылила бы при сборищѣ цѣлаго двора и косматую главизну самаго родителя-измѣнщика. И щенокъ дивно исполнялъ такое порученіе! Или въ

періодъ голоданья и холоданья, щенокъ отправлялся, напичканный разными наставленія, за похищеніемъ гдѣ-нибудь щепокъ...

— Ты, Мишъ, нахрапомъ, говорилъ отецъ: — ноне нахрапомъ не возьмешь, — къ вечеру безъ головы останешься...

И нужно было видѣть сердце родителя какъ оно прыгало и трепетало, когда онъ усматривалъ всѣ тонкія или нахрапистыя сношенія щенка съ плотникомъ, орудующимъ около длиннаго бревна, протянувшагося чрезъ дворъ. Нужно было видѣть также всю злобу разныхъ квартирныхъ хозяекъ, приготовившихся было только-что выступить въ походъ за этими щепками, уже отогрѣвающими теперь семейство щенка. Въ этомъ неистовствѣ на собственное простоволосье рождалась неизбѣжная потребность мѣсти, и въ такую минуту ни одна изъ нихъ не задумывалась запустить въ щенка кирпичь, заржавленную задвижку, гвоздь, — словомъ, все, что ни попадалось въ руки... Но и отъ этого щенокъ умѣлъ улизнуть.

Какъ не прибыточна была, для рѣзчика Голодаева, такая дѣятельность только-что оперяющагося пройдохи, однакоже нежеланія предоставить сыну голодъ и холодъ своего неблагодарнаго ремесла заставило родителя искать ему болѣе безпечную дорогу. И вотъ скоро Мишка-щенокъ—микроскопичечкій портной. Съ плотно острижен-

ными волосами, сквозь которые синѣютъ желваки, только-что полученные отъ собратій по мастерству, какъ знакъ вступленія въ санъ, прытко шныряетъ онъ съ огромнымъ утюгомъ, чтобы гдѣ-нибудь подсунуть его на чужую плиту. Дѣло у него такъ и кипитъ, и тосковать о горькой долѣ ему нѣкогда, да оно и не стоитъ: пусть бѣгаетъ онъ босыми ногами по льду, безъ шапки и въ одной нанковой рубашенкѣ, — онъ съумѣетъ и согрѣться, прокатившись съ разбѣгу по льду, или соданетъ кого-нибудь изъ своей братіи плечомъ, и тутъ-же для собственной потѣхи лизнетъ горячимъ утюгомъ по снѣгу... Все у него кипитъ подъ руками! И вдругъ, когда портныхъ дѣлъ мастеръ только-что хотѣлъ убѣдиться въ томъ, что уже ремень и оплеуха въ приложеніи къ щенку не имѣютъ болѣе никакого смысла и что съ нимъ, щенкомъ, нужно вести дѣло на другой манеръ, изъ-подъ ласки, — въ это-то золотое, и завидное для многихъ время, щенокъ страшно роняетъ себя, похитивъ какой-то жилетъ и прогулявъ вырученныя за него копѣйки на пряникахъ. За жилетомъ слѣдуетъ пантолоны, сюртукъ... А черезъ недѣлю щенокъ ужь на волѣ, снова онъ живетъ въ обиталицѣ своего родителя, который теперь клянетъ его за обпиванья и объѣданья.

Мудро созерцая способы исправленія сына, рѣзчикъ Голодаетъ приходитъ къ тому заключенью, что теперь

остается одно: «драть его, шельму, до зеленаго змія»! Не медля ни минуты, съ горестью и вмѣстѣ любовью въ сердцѣ принимается онъ за вѣникъ, и тутъ же происходитъ то глубокомысленное врачеваніе отъ всѣхъ пороковъ и золъ, во время котораго изъ квартиры Голодаева сквозь мельчайшія щели и скважины несется вопль и стонъ прокаженнаго, очевидно наводимаго на путь истины... Вотъ послѣ этого-то спустя мѣсяцевъ шесть, вы и встрѣтили прежняго щенка на Кузнецкомъ мосту,— говорю: прежняго потому, что теперь вы щенка не узнаете, ибо передъ вами такая личность, которую въ Москвѣ опредѣляютъ однимъ словомъ: Чуйка.

— Судырь, судырь! ваше ссіятельство!.. не громко и таинственно произноситъ Чуйка, догоняя васъ.

— Что тебѣ?

— Пожалуйте наминуточку-съ.

— Меня?..

— Васъ, васъ... на секунтъ... за уголъ только...

— Меня-ли? почемъ ты меня знаешь?

— Какъ не знать-съ! Что вы... Знаемъ-съ, пожалуйте.

Вы идете, строя планы о предстоящемъ загадочномъ дѣлѣ.

— Ну, говори: что такое?

— Покупка есть... Какъ бы кто не увидалъ... Магазинская цѣпочка-съ,—дивная!

Чуйка оглядывается по сторонамъ и вытаскиваетъ изъ-за пазухи какую-то цѣпочку, которая горитъ передъ вашими глазами и разсыпается искрами на солнцѣ.

— Кудажь ты ее прячешь?..

— Невозможно, вашскородіе, никакъ... увидятъ... Сто цалковыхъ стоитъ... сорокъ прошу.

— Да это краденая!

— Сохрани-богъ! что мнѣ?.. въ кутузкѣ-то мнѣ не очень желательно сидѣть... по нуждѣ продаю.

— Что-то не ладно ты говоришь!

— Баринъ! баринъ! ваше бла городіе!.. куда же вы?. Двадцать пять!..

— Десять.

— Что вы, ваше благородіе! Обдирать человѣка... Гасспадинъ, позвольте...

— Ну?

— Угодно двадцать рублей,—не по моему, не по вашему...

— Ничего мнѣ не угодно.

— Какъ ваша цѣна? Какъ же такъ ничего не угодно?

— Пять цѣлковыхъ; — она не нужна мнѣ...

И вы идете.

— Эхъ, какой вы баринъ сердитый, вяло произноситъ Чуйка.

— Ну пожалуйте, пожалуйте, что съ вами. На чаекъ бы...

— Ну-ко, братъ, оцѣни-ка, сколько заплатилъ? говорите вы пріятелю, показывая покупку.

— Что́ стоитъ?—Пятачекъ, или больше далъ?

— Что-о-о-о?..

Въ другой разъ Чуйка встрѣтилась вамъ у Иверскихъ воротъ. Подъ аркой, среди грохота и стука сотни экипажей, среди разнообразныхъ криковъ и пѣнія, доносившагося изъ часовни какъ-то назойливо журчала рѣчь Чуйки. Держа въ рукахъ книгу «Химическій анализъ», пачку конвертовъ и двѣ-три палочки сургуча, она не отступно слѣдуетъ за какимъ-то купцомъ и ежеминутно дребезжитъ надъ самымъ его ухомъ:

— Аннализъ!

Купецъ идетъ молча, но Чуйка не отстаетъ: она словно прилипла къ нему: забѣгаетъ впередъ, егозитъ и тычетъ ему въ самый носъ свою книгу...

— Аннализъ!

— Прочь!..

— Аннализъ! генеральская книга-съ!

— Прочь!...

— Отъ сорока недуговъ можетъ и по звѣздамъ предѣлы...

— Прочь говорю!!

Дѣло оканчивалось тѣмъ, что иной находилъ, теперь самымъ удобнымъ закричать: «караулъ!»; а другой, соблазнившись достоинствами книги, покупалъ ее, тащилъ куданибудь на Ордынку, за Москву-рѣку, сажалъ за нее сынишку съ явнымъ желаніемъ вложить въ его тучное существо генеральскія познанія; но эта попытка постыженія сорока недуговъ и придѣловъ по звѣздамъ оканчивалась колоссальной, неожиданной деркой, а химическій анализъ находилъ пріютъ въ кухнѣ и употрѣблялся на постилку подъ кулебяки.

И вотъ, спустя годъ-другой, властительно ходитъ осолиднившаяся Чуйка по дворамъ, выкликая нужду на бой. Совершилось это перерожденіе въ силу той же причины, какая родила на свѣтъ божій поговорку: «рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше». И дѣйствительно, Чуйкѣ теперь много лучше: скитаясь по Кузнецкому, тоскаясь у Иверской, она была воплощенная нужда, искавшая милости въ каждомъ; а теперь эта же нужда, которой вездѣ — непочатый уголъ, сама гоняется за Чуйкой и подобная гонка, на долгіе годы впередъ, сулитъ хорошій кусокъ хлѣба.

II

Идиллія.

(изъ чиновничьяго быта).

Была осень. По небу бродили сѣроватыя тучи и медленно сыпали на мокрую и грязную землю хлопья рыхлаго снѣга.

У растворенныхъ воротъ одного небольшаго домика въ три окна стояло два чиновника, держа другъ друга за руки.

— А то зайдемте, Семенъ Кузмичъ, говорилъ одинъ изъ нихъ, въ старой шинели, надѣтой въ рукава, съ отвисшей изъ подъ капюшона коленкоровой подкладкой.

— Да ужь заходить-ли? въ раздумьи проговорилъ другой.

— Что тамъ! эва! Заходите, да и только. Право по одной пропустить, — истинно пріятно!

— Развѣ по одной?

— Ей Богу; у меня есть этакая особенная... Пойдемъте-ко.

— Н-ну, такъ и быть ужь...

И они двинулись.

Скоро они взошли въ небольшую комнатку. Въ углу горѣла лампадка передъ образомъ въ большомъ красномъ кивотѣ, на которомъ до самаго потолка громоздились просфиры въ бумажкахъ, расписанныя яица и другіе подобные предметы. По полу растилались чистые половики, у стѣнъ чинно размѣстилось нѣсколько старыхъ креселъ съ круглыми спинками.

— Прошу покорно, сказалъ хозяинъ и, наскоро сотворивъ крестное знаменіе, направился въ чайную.

Оставшись одинъ, гость не спѣша вынулъ изъ задняго кармана красный ситцевый платокъ и весьма обстоятельно расправился съ собственнымъ носомъ, послѣ чего обратилъ особенное вниманіе на образъ Казанской Божіей Матери.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ на столѣ кипѣлъ самоваръ. Старшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ семнадцати, разливала чай; мать ея, старушка, сидѣла тутъ-же. На порогѣ показался отецъ.

— Ты съ кѣмъ это? спросила жена.

— Съ Семеномъ Кузьмичемъ. Чайку намъ дайте, да свѣчу! Поскорѣе!.. Эй ты, Марфа! крикнулъ онъ горничной, — свѣчу неси.

— Сейчасъ принесетъ, проговорила жена.

— Что это долго такъ нынче? прибавила она.

— Да таки долговато... Ирмосы тянули-тянули. Я думалъ и конца не будетъ...

Проговоривъ это, супругъ хотѣлъ было удалиться,— но какая-то тайна очевидно мучила его. Нерѣшительно подвигаясь къ двери, онъ потиралъ кулакомъ спину и необыкновенно тихо заговорилъ:

— Поясница что-то...

— Опять небось разпахнулся на паперти.

— Нѣтъ... О-охъ!.. Какъ ломить! О-ой!.. Ты бы намъ дала по рюмочкѣ, да закусить чего-нибудь

— Пошли закусочки, отчаянно произнесла жена.

— Ну что закусочки! Мелетъ, не знаетъ что!

— Нѣтъ, знаю!..

— А ты, сдѣлай милость молчи... Во сто тысячъ разъ лучше это будетъ.

— Что молчи-то? И такъ все молчу. Совсѣмъ дурашная какая-то стала.

— И была-то не больно тово! Дура дурой и была-то

безцеремонно замѣтилъ супругъ, и вошелъ въ залу, аккуратно претворивъ за собою дверь.

— Вы что это смотрите? обратился онъ къ гостю.

— Да вотъ ризой любуюсь. Гдѣ это вамъ дѣлали?

— Въ Москвѣ. А что?

— Такъ. То-то я смотрю какъ будто не нашей работы. Я вамъ скажу, продолжалъ гость, помѣщаясь на кончикѣ стула и снова вытаскивая платокъ, — у меня тоже икону —здѣсь отдавали—такъ обезобразили, что именно, я вамъ говорю жалость смотрѣть!

— Гм-м-м, промычалъ хозяинъ, покачивая головой, и присѣлъ на диванъ противъ гостя.

Воцарилось молчаніе.

— Намедни у Еноховыхъ «вѣчную кликали», наконецъ проговорилъ гость.

— А! Сорокоустъ? спросилъ хозяинъ.

— Сорокоустъ-съ.

— Это когда?

— Третьяго-дня.

— Да-да-да. А мы съ Емельномъ Иванычемъ были у Селезневыхъ на перепутьи.

— Что-же, какъ? съ любопытствомъ спросилъ гость.

— Хорошо. Признаться, до такой степени, что именно —еле-еле...

— Хе-хе-хе-хе.

— Никольскій, Егоръ Егорычъ, — знаете? — такъ тотъ все просилъ, чтобъ его въ колодезь опустили въ бадьѣ.

— Зачѣмъ-же?

— Ужь и ей-Богу, даже совершенно не могу вамъ опредѣлить этаго...

Хозяинъ и гость дружно засмѣялись.

Изъ сосѣдней комнаты показалась горничная съ подносомъ, на которомъ помѣщались графинъ водки и тарелка съ кусками бѣлаго хлѣба. Пріятели выпили.

Въ это время въ передней застучалъ кто-то галошами и хлопнулъ дверью.

— Кто тамъ? спросилъ хозяинъ.

— Это я-съ.

— А-а.

— Кто это-съ? полюбопытствовалъ гость.

— Сынъ мой.

Гость оправился.

Вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, съ примасленными волосами и лоснившимся лицомъ, выражавшимъ высокое смиреніе.

— Гдѣ былъ? спросилъ отецъ.

— Въ Крестовой-съ, подходя къ родительской ручкѣ и потомъ свидѣтельствуя почтеніе гостю, произнесъ сынокъ.

— Садись-ка.

— Сяду-съ.

— Водки хочешь?

— Не пью-съ.

— Ну что-жъ много народу было?

— И-и Боже мой!

— Тамъ вѣдь постоянно большое стеченіе, вмѣшался гость.

— То-есть яблоку не гдѣ упасть! энергически добавилъ сынъ.

— А-а-а.

— Да-съ. Нынче архіерейскіе пѣвчіе пѣли двухорное Слава въ вышнихъ, Бортнянскаго сочиненіе. Басы, я вамъ, тятенька, скажу, просто на стѣну лѣзли.

— Именно на стѣну, вмѣшался гость.

— И какъ глотки цѣлы, подумаешь? произнесъ сынъ и задумался.

Подали чай.

— Саня! крикнулъ отецъ, — нѣтъ-ли тамъ ромцу?

Въ сосѣдней комнатѣ мать и дочь встрепенулись.

— Послушай-ка, что-то кричитъ, произнесла мать, вся обратившись во вниманіе.

— Рому спрашиваютъ, отвѣчала дочь.

— Нѣту; намедни съ этимъ-же пьянчугой-то выпили.

— Нѣту рому, пріотворивъ двери въ зало, проговорила дочь.

— Ну нѣтъ-ли наливочки какой? Поищите тамъ....

— Наливки пожалуйте, говорила дочь матери.

— Слышала, отвѣчала съ горечью та.

— Я къ маменькѣ пойду-съ? вопросительно произнесъ сынъ.

— Поди.

— Вотъ подите-же, человѣкъ вышелъ, проговорилъ отецъ, мотнувъ головой на удалявшагося сына,—а я признаться совсѣмъ не ожидалъ.

— Что-о вы?

— Именно говорю: опасался, не ожидалъ. Да я вамъ что скажу, ближе придвигаясь къ столу произнесъ хозяинъ— онъ было меня со свѣту сжилъ!

Хозяинъ вопросительно смотрѣлъ на гостя.

— Онъ какія со мной штуки дѣлалъ. Опредѣлилъ я его на службу прямо изъ училища. Учился онъ хорошо: изъ закона пять, и изъ другихъ тамъ... тоже слава Богу... И начальники случалось, ежели спросишь: какъ молъ?—тоже все говорятъ: Слава, молъ, Богу... Ну, думаемъ съ женой слава тебѣ Господи! И вообще по наукѣ, чистописаніе или что,—не пожалуюсь... Ну только былъ этакой вялый, дробный. Думаю себѣ: придется кормить не за что. Помѣстилъ его въ свой столъ. Только что-же? Разъ въ имянины приноситъ мнѣ чашку. „Вотъ, говоритъ, тятенька, прошу принять посильный даръ.“ —

„Это ладно, говорю, да гдѣ ты деньги-то взялъ?“ — „Посильные, говоритъ, труды.“ И замялся. Ну я понялъ, порадовался, авось думаю облегчить бремя родительское. По чему-же не брать хоть за справку или тамъ за что? Бери! Ну хорошо; только что дальше. Пріѣхалъ къ намъ гурьевскій мужикъ. Вотъ стоимъ мы съ нимъ въ палатскомъ корридорѣ и говоримъ промежду себя. Гляжу: мимо сынокъ идетъ, посмотрѣлъ такъ-то на насъ и пошелъ. Немного сгодя и я тоже пошелъ. Черезъ часъ никакъ иду къ этому самому мужику, авось, думаю себѣ, что-нибудь перепадетъ, гляжу: навстрѣчу сынъ. „Ты куда?“ — „Никуда-съ,“ говоритъ. — „А вы не къ гурьевскому ли мужику?“ — „Тебѣ на что?“ — „Такъ-съ. Если къ нему, такъ не ходите-съ: я получилъ.“ — Какъ сказалъ онъ мнѣ: „я получилъ,“ такъ я и обомлѣлъ. — Какъ, у отца, сынъ, перебивать?—„Ты какъ же, говорю, смѣлъ это сдѣлать“? —„Виноватъ, говоритъ“. — „Сколько же, говорю, ты мошенникъ, взялъ?“ — „Рубль сорокъ, говоритъ.“ — „Подай, стервякъ ты эдакой!“ — „Тятенька,“ говоритъ, и заплакалъ: жалко стало! Отодралъ я его тутъ за виски; говорю: „Не перебивай. Самъ собой, какъ знаешь; а у отца ни-ни-ни. Помни: «чти отца твоего.» Ну-съ хорошо, прошло никакъ дня два. Опять такая штука; немного погодя другая. И пошло-о-о. Вѣрите-ли никакъ мѣсяцъ домой съ пустыми руками приходилъ. Да что-жь

это, думаю, наконецъ, вѣдь этакъ, прости Господи, и околѣть не долго? Что онь меня, аспидъ эдакой, заморить что-ли хочетъ? Не вытерпѣлъ: призываю, говорю: «Убирайся изъ нашей Палаты вонъ.» —«За что же, говоритъ?» —«За то, что я тебя видѣть не могу. Съ глазъ долой!« —«Тятенька помилуйте!»—«Что миловать-то? говорю. Ну вотъ, говорю, ты скажи-ка мнѣ, что ты меня съ голоду хочешь уморить что-ли?»—«Помилуйте, тятенька какъ можно!» — «Ну и убирайся говорю, подавай просьбу за болѣзнію.» — «Ды, тятенька, говоритъ, я здѣсь обжился.» Я такъ и окоченѣлъ! «Да мерзавецъ-же ты! Я здѣсь сижу тридцать пять лѣтъ, три дюжины стульевъ подъ собой просидѣлъ; все это мнѣ извѣстно:»—«И мнѣ, говоритъ извѣстно.» Измучился я. «Да бери ты, говорю, гдѣ хочешь, только не препятствуй мнѣ. Не мѣшайся въ мои-то дѣла!... Не мути моего покою! Что ты, какъ бѣсъ, между ногъ бросаешься! Въ дураки меня не ставь.» Нѣтъ да полно, вымолвилъ хозяинъ, разводя руками и понюхалъ табачку.

Гость, всевремя выражая въ лицѣ своемъ удивленіе, качалъ головой, безмолвно разскрывалъ ротъ, и опять качалъ головой.

— Ну-съ, батюшка вы мой. «Нѣтъ, говоритъ, мнѣ здѣсь спокойно. Я, говоритъ, обжился.» Что дѣлать? Подумалъ подумалъ, да и махнулъ просьбу нашему, что молъ, будучи тѣснимъ безпрерывно своимъ единокровнымъ сыномъ

я прибѣгаю къ позлащеннымъ мудростію стопамъ вашего превосходительства, омочая оныя старческими слезами ну и прочее, и прошу выгнать вонъ. Выгнали! Не вижу годъ. Разъ какъ-то въ соборѣ на страстной гляжу: стоитъ въ шубѣ. Енотовая славная шуба! Я ничего, ни-ни-ни. Начали выходить, гляжу это съ паперти, подаютъ ему дрожки. Ну думаю, авось и на новомъ обжился. Немного сгодя, слышу-послышу въ чиновники особыхъ порученій въ слободы раскольничьи назначенъ. Н-ну, думаю...

И хозяинъ, и гость разомъ выразили удивленіе подвигамъ молодаго чиновника.

— Никакъ черезъ мѣсяцъ на конной вижу жеребца торгуетъ, къ лѣсу прицѣняется. Разъ какъ-то сижу я дома, отъ ранней пришелъ, подаютъ записку отъ кого-то. Читаю: «Милостивый Государь тятенька!» А! думаю! Долго и напряженно думалъ я какъ васъ назвать, наконецъ называю тятенька.» Посмотрѣлъ внизъ; подписано: «сынъ вашъ такой-то.» Читаю далѣе, проситъ прощенія. Подумалъ я что мнѣ злиться? Взялъ и пишу: «Сынъ! когда ты меня называешь тятенькою, то я тебя сыномъ моимъ называю,» подписался: «Отецъ.» и послалъ. Прилетѣлъ самъ, увезъ меня къ себѣ. Гляжу бариномъ живетъ. Дамочка какая-то ходитъ: «Кто, говорю, такая?»

— «А это, говоритъ» и знаете, замялся. Ну я смѣкнулъ

—кто такая, усмѣхнулся, говорю: «Ничего», успокоилъ его, говорю: «Всѣ мы грѣшны.»

Гость осклабился.

— Угостилъ онъ меня тутъ обѣдомъ. Славный былъ обѣдъ: разварная стерлядь, вершковъ въ пятьнадцать, а то и весь аршинъ. Да-а-а. Ну и выпили мы тутъ. Разгорячившись я подзываю его метрессу и даю ей полтинникъ. Обидѣлся вѣдь!

— Обидѣлся? спросилъ гость.

— Обидѣлся! Какъ благороденъ-то? «Тятенька, говоритъ, не ужели-же я, говоритъ, не могу удовлетворить моему грѣховному похотѣнію...» Хе-хе-хе!

Гость тоже залился смѣхомъ, но потомъ крѣпко вздохнулъ и, грустно покачивая головою, произнесъ:

— Охъ дѣтки, дѣтки! Что горя-то съ ними перенесешь! У меня тоже существуетъ сынокъ. Только, я вамъ скажу, поискать да поискать, а такой ослопятины навряд-ли гдѣ сыскать можно.

Гость раздулъ ноздри и, выпучивъ глаза, уставился на хозяина.

— Да-съ. Примѣрная скотина! Непочтителенъ, грубъ, безбожникъ. Постоянно дуется. «Чего это ты, говорю?» — «Ничего.» Я какъ стебану по рожѣ. Позеленѣлъ! «Вотъ тебѣ, говорю, ничего: будешь знать какъ родителю отвѣчать.» Не пронялся-же! Разъ встаемъ изъ-за стола

не пе́рекрестился?» говорю: почему ты не перекрестился?

— «Я говоритъ, такъ хочу.» — «А я, говорю, тебя изувѣчу.» — «И я тебя, говоритъ, изувѣчу...» «Да я, отецъ!?» — «А я, говоритъ, сынъ!» Я ему прямо когтями въ волоса! Ужь трепалъ, трепалъ! Вижу: на столѣ хрѣнъ стоитъ,—схватилъ я его, всю рожу ему такъ и обмазалъ. Ибо силъ моихъ болѣе не хватало.. терпѣть!

— Гдѣ стерпѣть!

Часа черезъ два съ крыльца сходилъ, еле держась на ногахъ, гость. Хозяинъ тутъ-же стоялъ со свѣчей, покачиваясь изъ стороны въ сторону; его за рукавъ придерживала дочь.

И хозяинъ и гость что то бормотали, но что именно, —разобрать было трудно.

Сверху шелъ снѣгъ, на дворѣ была темь.

III

Зарокъ не пить.

I.

Столбовая дорога, во всю длину изрѣзанная колеями, млѣла въ безмолвіи и жарѣ лѣтняго полдня. Среди царствовавшаго повсюду безлюдья и тишины, едва внятно перешептывались ивовыя листья, да слышались тихіе и неторопливые шаги отставнаго кавалера Кузьмы Вершкова направлявшагося къ празднику домой. Не спѣша подвигался онъ впередъ, ибо твердо зналъ, что и безъ того въ деревню Лыки попадетъ за-свѣтло, стало быть успѣетъ не только расказать свои городскія новости, но даже разузнать и про деревенскія.

Кругомъ тишина и жара: безконечная аллея ракитъ, караулящихъ дорогу, вдали при поворотѣ, сливается въ

густую зеленую массу. Въ иномъ мѣстѣ, аллея эта перерывается, потому что столѣтняя вѣтла, отъ которой такъ далеко протянулись корни, свалилась, не устоявъ противъ бури и удара молніи, и теперь лежитъ обожженная и почерневшая, упираясь въ землю своими изсушенными вѣтвями. Неизмѣримо долго тянется одна безлюдная верста, тянется другая и третья. Пустынно. Хочется живаго человѣка, и поэтому, какъ порадуется сердце пѣшехода если въ этакую пору проѣдетъ мужикъ, мѣрно стуча колесами съ разсыхающимися ободьями... Кавалеръ не упускалъ въ этихъ случаяхъ тронуть слегка свой клеенчатый куртузъ съ четвероугольнымъ козырькомъ, начто и проѣзжій отвѣчалъ, въ свою очередь, поклономъ, взявъ въ горсть дно своей рыжей шляпенки и приподнимая ее вертикально надъ головой... Но мужикъ проѣзжалъ, оставляя за собой длинную полосу пыли, — и наставало опять безлюдье... Снова безконечныя версты и снова встрѣча: гдѣ-нибудь подъ ракитами, въ тѣни, замѣчаетъ кавалеръ узкую и длинную кленчатую фуру — «Люди», думаетъ кавалеръ и подходитъ ближе. Дѣйствительно, люди: какой-то тоже, должно быть отставной служивый и не совсѣмъ старая баба съ ребенкомъ; тутъ и самоваръ съ зелеными потеками по краямъ и расписныя чашки... Тутъ и каша въ котелкѣ, въ которой хозяинъ аккуратно и съ разстановкой запускаетъ свою деревянную ложку, потомъ съ такою

же аккуратностію несетъ ко рту, причемъ придерживаетъ ее снизу кусочкомъ хлѣба. . Невдалекѣ пасется лошадь съ спутанными ногами, углубившись въ свою ѣду, и поминутно отмахиваясь хвостомъ отъ мухъ...

— Богъ помочь!.. Хлѣбъ да соль! говоритъ вѣжливо кавалеръ, опускаясь невдалекѣ на придорожный валъ.

Встрѣчные серьезно смотрятъ на кавалера и продолжаютъ свой обѣдъ.

— Усталъ!.. продолжаетъ кавалеръ, вынимая со дна своего глубокаго куртуза красный платокъ и отирая потъ. Экая жарынь... Фу бватюшки!...

— Стрась! произноситъ баба... Все-то на тебѣ горитъ!

— Радъ-радъ въ холодку-то доберешься, добавляетъ ея сожитель постукивая ложкой въ край котелка...

— Хочь бы малость самую Господь дождику послалъ говоритъ кавалеръ... а то сушь эта больно одолѣла...

Молчаніе.

— Дальніе?

— Изъ Ставрополю... ставропольскіе...

— Далеко!.. Какъ-же это въ нашъ-то край?..

— Въ Москву, къ Троицѣ-Сергію-чудотворцу ѣздили...

— Такъ, такъ ..

— Потому старичекъ у насъ есть, хворый, такъ чтобы въ здравіе ему. . ну и себѣ тоже...

— Дѣло доброе!

— Авось, пригодится...

— Это вѣрно!.. утвердительно заключилъ нашъ кавалеръ.

— На томъ свѣтѣ, милые, кашляя, добавляетъ изъ фуры старичекъ... Это безпремѣнно упомянутъ...

Старикъ начинаетъ усиленно кашлять и замолкаетъ...

— Тамошняя скотинка-то? кивая на лошадь, спрашиваетъ кавалеръ.

— Тамошняя...

— Тьфу! прости Господи, какъ-бы не зглазить... крѣпинькій таки животокъ .. въ хозяйствѣ такой и надобенъ ..

— Безъ лошади – безъ рукъ...

— Что говорить!

Настаетъ молчаніе; чуть-чуть пищитъ ребенокъ, крякхтитъ старикъ и лошадь, глухо стучитъ въ землю связанными ногами...

— Ну, одначе, подтить по маленьку, произноситъ нашъ кавалеръ.

— Далеко ли?..

— Да тутъ верстовъ шесть.. Лыки...

— А къ своимъ? али какъ...

— Къ своимъ... родня есть... Ну, счастливой дороги!

— Съ Богомъ!..

И опять плетется старикъ-кавалеръ, и опять идутъ скучныя и безмолвныя версты... Часовъ съ трехъ кое-гдѣ началъ попадаться народъ; богомолки валявшіяся въ са-

мую лютую жару гдѣ нибудь подъ ракитами, въ тѣни, причемъ кряхтѣли, охали и искали другъ у друга въ головѣ,—теперь тронулись въ путь, поспѣшно ступая разутыми ногами...

— Путь-дорога! возглашаетъ кавалеръ, равняясь съ богомолками... Тѣ что-то шепчутъ въ отвѣтъ, низко нагибая головы.

— Куда Богъ несетъ?..

— Въ Почаевъ, родной.

— Доброе дѣло!... Привелъ тоже и мнѣ Господь-батюшка помолиться тамъ...

— Походомъ чай?

— На походѣ... Я, милые мои, всю Россію можетъ взадъ и впередъ не десятокъ разъ исходилъ...

— Охъ милый, человѣкъ! видѣли тоже и мы свѣту бѣлаго... Типерича въ Оптиной пустыни... въ Соловецкомъ монастырѣ,—вездѣ, родные, вездѣ угодничкамъ Божіимъ помолились...

— Чай, старушки по нонѣшнему времени-то Христовымъ именемъ трудно жить стало?

— Трудно... теперь вотъ хоть бы въ Т. въ странноприимномъ домѣ... купчиха одна завела... Что же? — Этакіе, прости Господи, жидоморы... Обыкновенно всякій человѣкъ пищу принять хочетъ,—ну и просишь у куфарки: нѣтъ-ли молъ милая расинки какой, —потому съ ранней

обѣдни, вотъ ни эстакаго персточка въ роту не было,—а куфарка, злющая бестія, твою-же палку у тебя выхватитъ, да ею-то картошку-двѣ истолчетъ въ чашкѣ, ткнетъ тебѣ: жри, молъ... Нечто это такъ возможно!.. Зальешся слезами... да и только!..

— Что сдѣлаешь-то!..

II.

Подъ вечеръ, вдали показались наконецъ Лыки; кавалеръ свернулъ съ большой дороги и ускоренными шагами пошелъ узкимъ проселкомъ, пролегавшимъ во ржи; по мѣрѣ того, какъ проселокъ, по которому шелъ служивый, опускался въ маленькія лощины и потомъ поднимался опять, выползали, надъ верхушками колосьевъ, шершавыя и нечесанны крыши дворишекъ.

Чѣмъ ближе становились Лыки, тѣмъ больше и больше усиливалъ кавалеръ свои шаги: мѣсто и народъ были знакомые, и чуялось, что радостно встрѣтитъ этотъ народъ стараго земляка... Еще далеко за селомъ, попадавшіеся мужики считали обязанностію снять шляпу передъ кавалеромъ и привѣтствовать...

— Ахъ, Миронычъ, произносилъ кавалеръ... Вотъ и я!!.

— Въ кои-сто вѣки забрелъ... Я, мылъ, — померъ поди... Что-то давно не слыхать.

— Гдѣ помирать!.. Я, гляди, скоро воевать иду...

— О?

— А то какже! Ну, съ Богомъ...

Мужикъ, заѣхавшій въ рожь, для того, чтобы дать пѣшеходу дорогу, начиналъ дергать возжами, и скоро только шляпа его подпрыгивала надъ колосьями, спрятавшими проселокъ... Наконецъ, вотъ они, Лыки: нѣсколько дворишекъ, раскинувшихся на косогорѣ, маленькая, но не совсѣмъ новая церковь— и только. На одномъ дворѣ, который съ противоположной отъ села стороны былъ видѣнъ какъ на ладонѣ, толпилась сходка; нѣкоторые мужички были въ соломенныхъ шляпахъ и задумчиво опирались на палки: они были извѣстны подъ именемъ «старичковъ», на долю которыхъ достается рѣшеніе самыхъ запутанныхъ вопросовъ, причемъ рѣшеніе это остается неизмѣннымъ.

Кавалеръ пытливыми глазами осматривалъ окрестность, когда взбирался на горку, къ селу: все было тоже и плетень, и канава, и мельница... Такъ же въ эту пору на ручьѣ стучали бабьи вальки, и гоготали гуси... Цѣлое стадо шло навстрѣчу гостю, когда онъ вступилъ въ улицу... Коровы, овцы, бараны, цѣлымъ полчищемъ скакали, прыгали, или медленно подвигались впередъ, поднимая гору пыли. Слышалось блеянье, визги бабъ, высыпавшихъ за вороты. Въ иномъ мѣстѣ, среди стада, за коровой или свиньей шла съ хворостиной баба; кое-гдѣ въ отворенныя ворота скакали

черезъ подворотню бараны, бабы считали своихъ ярокъ... Кавалеръ, помахивая палкой, пробирался черезъ стадо; бараны съ дуру бросались отъ него въ сторону, пугали коровъ, и жали другъ друга въ плетню... Коровы разступались, медленно и задумчиво пошевеливая рогами... У нѣкоторыхъ коровъ на шеяхъ были привязаны деревянные колокольчики, издававшіе какой-то тупой и глухой звукъ...

Скоро блеянье и весь этотъ гулъ, произведенный стадомъ, доносился издали; стадо прошло, а кавалеръ вступалъ въ сѣни сватьи Анисьи...

Вся семья, обрадовавшись, обступила гостя и безмолствовала, въ то время, когда кавалеръ цаловался крестъ-накрестъ со всѣми по очереди.

— Ну, здравствуйте! сказалъ онъ наконецъ.

И всѣ вошли въ избу.

III.

Вѣковѣчная скука русскихъ и въ особенности деревенскихъ будней, жадно хватаетъ всякую новость, неохотно отпускаютъ разговорчиваго захожаго человѣка, и потомъ, въ долгіе и однообразные дни, перебираетъ услышанныя новости и плететъ ихъ на разные лады. Поэтому понятно, что вечеромъ, когда гость кавалеръ сидѣлъ

съ семьею Анисьи за столомъ, и, исправно орудуя деревянной ложкой, показывалъ, что онъ вовсе не разучился въ городѣ ѣсть по-деревенски,— понятно, что въ это время около него, и за столомъ и на лавкахъ, размѣстилась родня и друзья пріятели, обрадовавшіеся приходу гостя. Никто изъ собравшихся здѣсь не видалъ порядкомъ свѣту, едва ли зналъ дорогу дальше сосѣдняго села, — а Кузьма Вершковъ все прошелъ, все видѣлъ, вездѣ воевалъ. Всѣ присутствовавшіе здѣсь, слышали разсказы Кузьмы не разъ не два, но сила скуки была такъ велика, что всякій въ сотый бы разъ согласился слушать тѣ же самыя розсказни Кузьмы, твердо вѣря, что авось онъ что-нибудь еще разскажетъ и посладнѣй.

Разсказывалъ Кузьма и про Француза, и про Венгерца, какъ его замирять ходили; разсказывалъ какъ ему одинъ молодецъ животъ пропоролъ, какъ явственно видѣлъ онъ въ эту минуту костяную смерть, точь въ точь такую какую рисуютъ въ картинкахъ, съ косой; говорилъ, что смерть эта, начала тотчасъ же удаляться отъ него, какъ только господа доктора принялись шелкомъ зашивать его рану; въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства, онъ бралъ руку мальчугана и водилъ ею тамъ, гдѣ венгерецъ нанесъ поврежденіе.

— Вотъ онъ, вотъ и рубецъ... Гляк-ось какой, говорилъ Кузьма. Видѣлъ?..

— Экой шовъ, изумленно говоритъ мальчикъ...

— То-то и оно... Поживи—не такой шовъ наживешь...

Разсказы Кузьмы, тянувшіеся безпрерывно, очаровывали слушателей. Мало по малу, Кузьма перешелъ къ обозрѣнію самыхъ послѣднихъ событій.

— Что это, милые, заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ, что это у васъ водка какая подлая?... Сколько я ее, прости Господи, нониче выкачалъ, а ничуточки даже никакого куражу въ тѣлѣ не слышу...

— Водка у насъ, Кузьма Митричъ, совсемъ безпутная... Такъ, даромъ деньги идутъ...

— Правда: вода-водой; хоть бы тѣ говорю самую малость... нѣтъ, — никакого проку...

— Хмѣльнова, — ни чуточки таки нѣту, а что тянетъ она, продалжалъ одинъ изъ окружавшихъ, — это точно... И такую она на тебя пуститъ тоску, что сейчасъ ты чѣмъ ни попадя въ драку пойдешь...

— Сссс.

— Сейчасъ ты первое дѣло за косы... Вотъ что! Такое бѣсовское пойло, — бѣда...

— Гм!.. Совсѣмъ нониче безсовѣстный народъ сталъ... Вонъ тоже, къ слову... Я къ тому, что безъ нахрапу по нонишнему времени не проживешь.

— Это вѣрно!..

— Такъ вотъ я къ тому, что теперь, — хушь бы и

ваше дѣло... насчетъ водки, — б[illegible]ъ нахрапу тутъ не возьмешь... Вотъ подгородніе, Ободьевцы, — тѣ ловко: сейчасъ зарокъ—нибудемъ пить и шабашъ...

— Какъ же безъ водки-то?

— Ты постой! Тутъ главная причина перепужать ихняго брата, а то онъ самъ себя здасть... Такъ-то: помолчали они этакъ недѣльки двѣ—глякось какую водку даютъ!..

— Да неужъ-то?

— Вотъ тѣ—о.

Солдатъ поправился на своемъ сидѣньѣ и прибавилъ:

— А то разиня ротъ-то много съ ними справишь! Воды-то у насъ слава Богу,—подставилъ кадушку подъ крышу, — вотъ тѣ и водка ихняя!..

Нѣкоторые засмѣялись.

— Да право, продолжалъ воодушевившійся кавалеръ что имъ въ зубы-то смотрѣть.

— Ано и въ самомъ дѣлѣ...

— И такъ ужь, слава Богу, — кругомъ въ обидѣ... А вы, пріятели, тово... Промежду себя подумали бы.

— Это, Кузьма Митричъ, ты хорошо говоришь... Какъ на міру... Вся причина — оченно трудно міру безъ водки пробыть...

— Какъ можно! произнесъ кто-то. все время молчавшій...

— Трехъ день, Кузьма Митричъ, безъ водки нашъ братъ не проживетъ.

— Что дѣлать,—надо малость поскрѣпиться... Все для Бога понадобится и опять же водку важную потомъ дадутъ... Потолкуйте, ребятушки...

Такія рѣчи Кузьмы, крѣпко засѣли въ головахъ слушателей; уходя народъ рѣшился завтра на міру обдѣлать статью, насчетъ зароку. Въ тоже время Кузьма, покряхтывая, залѣзалъ на полати и, укладываясь на полушубкѣ говорилъ:

— Анисьюшка, ты бы мнѣ Мишутку-ту сюда посадила? Съ малымъ ребеночкомъ заснулъ бы. Мишукъ! полѣзай сюда... важную я тебѣ сказку разскажу.

Мишукъ лѣзъ къ нему на полати, какъ-то радостно улыбался, снова желалъ пощупать рубецъ и потомъ слушалъ дядину сказку: тутъ и жаръ-птицы, и волки сѣрые и три дороги, и королевны разныя и проч. Тянутся долго росказни Кузьмы, поютъ сверчки и шумятъ стаи таракановъ и мухъ. Ровное дыханіе мальчугана перерываетъ разсказъ.

— Эй! ты, братъ, того... произноситъ шутливо Кузьма и, осторожно высвободивъ руку изъ-подъ головы Мишутки, тихонько творитъ крестное знаменіе и молитву. Скоро только сверчки да мухи царствуютъ среди общаго сна.

IV.

На другой день разговоры Кузьмы не остались безъ послѣдствій; примѣръ Ободьевцевъ сильно поддерживалъ намѣреніе на счетъ зарока не пить, указывая на выгоды отъ этого зарока съ одной стороны въ царствѣ небесномъ и съ другой—въ сей жизни, въ видѣ сивухи болѣе забористой... Болѣе другихъ побуждало къ бесѣдамъ по этому поводу послѣднее обсоятельство.

Міръ толковалъ долго, и наконецъ рѣшилъ—„не пить...“

— Въ чемъ разсчетъ? сказалъ дьячекъ, подходя къ толпѣ, трактовавшей середь села.

— А вотъ зарокъ на себя кладемъ...

— Водку бросаемъ... говорилъ другой...

Дьячекъ былъ изумленъ.

— Какъ же это, не пить совсѣмъ?

— Совсѣмъ...

— Гм. Ну, это наврядъ, православные, чтобы изъ эстаго дѣло вышло...

— Выйдетъ... Тутъ міръ крѣпко слово сказалъ...

— Ахъ, православные, слово—что такое? Сказалъ—и нѣтъ его... Этакъ нельзя...

— Какъ же можно-то? Коли міръ слово сказалъ—шабашъ!.. Братцы, бросьте его,—онъ наговоритъ... заголдили и мужики и нѣкоторые было тронулись отъ дьячка, но тотъ вдругъ воскликнулъ:

— Православные! Я ни про то говорю,—а что сейчасъ это дѣло надыть на бумагѣ прописать...

— Ну?

— Сейчасъ умереть, безъ прописки тутъ нельзя! По двѣ копѣйки съ души;—я сейчасъ обдѣлаю, и отъ начальства за это угода будетъ...

— Много ли всѣхъ-то? сказалъ кто-то, приготовляясь считать народъ...

—Много ли, мало ли, а сейчасъ надыть въ бумагу занести...

— Ну, ладно: пиши!..

— Неси гербовую-то...

Дьячекъ бросился въ избу, выволокъ бумагу, перо, столъ и, усѣвшись за него, поманилъ къ себѣ одного изъ окружавшихъ; мужикъ подошелъ.

— Нагнись къ уху-ту, милый человѣкъ.

Мужикъ нагнулся.

— Видишь ты: какъ теперича послѣдній день у насъ... стало быть, больше мы ни-ни, то ужь... сбѣгай!...

И мужикъ ощупалъ въ своей рукѣ полштофъ, который дьячекъ такъ искусно сохранилъ въ глубокихъ карманахъ своихъ панталонъ...

Мужикъ спряталъ полштофъ подъ полу, шаркнулъ въ кабакъ, и когда цаловальникъ цѣдилъ водку, сказалъ:

— Михалычъ, мы болѣ водки пить у тебя не будемъ...

— Ну, штожъ! флегматически сказалъ цаловальникъ, неуспѣвшій хорошенько проснуться...

— Передъ Богомъ! Гляко-сь на міру-то какую бумагу пишутъ...

— Пущай, продолжалъ цаловальникъ, отродясь недопускавшій мысли о возможности обойтись безъ водки. Попишутъ и перестанутъ...

— Дьячекъ по семиткѣ съ рыла взялъ...

— Да ты это въ самомъ дѣлѣ?

— Ды что мнѣ врать-то, — глянь-ко поди... на улицу-то.

Цаловальникъ вышелъ на крыльцо и, заслоняя глаза отъ солнца, увидалъ толпу народа, собравшуюся у одной избы...

— Что-то затѣваютъ и въ правду! произнесъ онъ подошелъ къ толпѣ.

— Теперича, Михалычъ, — конецъ твой...

— Какъ?

— Пить бросаемъ.

— Что-жь? доброе дѣло! я самъ не пью.

— Ты-то не пьешь, да поишь.

— Кого я пою? нѣшто за шиворотъ волоку. Грабить я не учился. А что ежели зарокъ теперь, то очень я этому радъ, и на бумагѣ самъ пропишусь...

— Ну, это нѣтъ! сказалъ дьячекъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! затвердила толпа.

Цаловальникъ былъ обиженъ.

Больше всѣхъ обрадовались бабы; иныя съ радости заливались слезами, искренно и тепло молясь небу за такую свалившуюся радость. Радость эта была слишкомъ велика, — думалось только, что будетъ что-то важное, и житье будетъ совсѣмъ не такое, какъ теперь— но какое именно—никто сказать положительно не могъ. Никто не пріучился жить по новому, безъ водки, и въ этомъ случаѣ надѣялся на Бога, вѣря, что Онъ укажетъ какъ жить.

— Готово? спрашивали мужики.

— Чуточку, милые, еще пропишу, и сичасъ... Бабы, тащи посуду!.. бить ее сейчасъ надо, скороговоркой говорилъ дьячекъ, дописывая что-то.

— Чтобы духу ее не пахло!.. прибавилъ мужикъ.

— Тащи! кричали сразу нѣсколько голосовъ.

Бабы бросились въ избы и скоро въ окно и двери полетѣли штофы, косушки и разныя водкохранящіе сосуды.

— Все! сказалъ, наконецъ, дьячекъ... Теперь конецъ!.. Я только эти подоночки допью — шабашъ тогда!

И дьячекъ, наставивъ полштофъ ко рту, цѣдилъ, пока въ немъ не осталось ни капли. Тогда онъ бросилъ штофъ объ землю и произнесъ:

— Шабашъ!

— Слава Богу!..

— Куда же теперь эту бумагу? спрашивали у дьячка мужики.

— А бумагу, братцы мои, я спрячу пока въ одно мѣсто, а опосля того къ начальству.

— Ты гляди—надѣлаешь...

— Православные! напротивъ того, отъ начальства большая вамъ выйдетъ благодарность... сейчасъ васъ начальство благодарить начнетъ.

— Благодарить! Тутъ... не попасть бы.

— Авось не попадемъ...

Долго еще толковалъ міръ; ребятамъ въ эту пору ыло раздолье; цаловальникъ сидѣлъ у окна и говорилъ...

— Ну, шкурья порода, паг-гади!..

Мужики въ избахъ, увидавъ сразу нарушенный порядокъ давнихъ будничныхъ дней, почувствовали себя неладно, и чтобъ утѣшиться—вслухъ увѣряли и другихъ и себя, что теперь много лучше стало...

— Какъ можно! твердили обрадовавшіяся бабы.

— Способней много...

— Потому, легкости больше...

— Главная причина, кумъ, на томъ свѣтѣ это оченно хорошо...

— Тьфу, провались она, подлая... Совсѣмъ другой человѣкъ станетъ безъ нее-то! прибавлялъ кумъ.

Все село было съ непривычки очень тихо, и только воевалъ одинъ дьячекъ, по временамъ звонко вскрикивая на все село.

V.

Прошла недѣля; старикъ Кузьма дивно отбылъ изъ Лыковъ, при уходѣ похваливъ лыковцевъ за ихъ жертву и потомъ снова началась прежняя трудовая жизнь; могучія руки ворочали кули, ноги ходили и томились на безконечныхъ пашняхъ, спины гнулись подъ всевозможными тяжестями и выпивка требовалась неотступно. Нарушить клятву съ разу было невозможно, совѣстно другъ передъ другомъ, — нарушь одинъ, — онъ не могъ бы даже разсчитывать на самый ничтожный штрафъ, на самую ничтожную ругань, — напротивъ, всѣ бы ломанулись въ кабакъ и первый проштрафившійся страдалъ бы

развѣ тѣмъ, что на него только словесно свалили бы всю вину, принося въ душѣ самую искреннюю благодарность... Смутныя думы и тосковань̀е всего мужичьяго тѣла, разлученнаго съ такой подругой—какова водка,—наводили грусть и тоску на все село. Мужики, толпами возвращаясь съ поля, шли мимо кабака особенно тихо... Въ одну изъ такихъ минутъ, когда передъ кабакомъ столпилось довольно много народу, цаловальникъ вышелъ на улицу и началъ коломъ отдирать висѣвшую надъ дверями вывѣску, изображавшую черными буквами: «питейный домъ».

У мужиковъ екнуло сердце.

— Михалычь! что это ты? спросилъ одинъ...

Михалычь! работалъ повернувшись спиной къ народу и на вопросъ не отвѣчалъ...

— А? спросили его опять. Что это затѣваешь!

— Прощайте! сказалъ глухо Михалычь...

— Что такъ?

— Въ свою сторону иду...

— Вотъ какъ... Гм. А какъ же тепериче хозяйство твое?

— Которое?

— Да вотъ, примѣрно, хучь... кабакъ?..

— Вотъ тѣ разъ! шепталъ кто-то.

— Да-да-да! Не будетъ! твердили изумленные мужики.

— Пропади онъ пропадомъ! произнесъ еще грустнѣе цаловальникъ, и пошелъ въ избу; народъ все стоялъ и скоро услыхалъ, какъ въ кабакѣ зазвенѣла посуда...

— Бьетъ посуду-ту! отчаянно сказалъ кто-то.

— Начтожь ему теперь!..

Общее тяжелое раздумье.

— Надѣлали дѣловъ, говорилъ недовольный голосъ.

— А кто затѣялъ!

— Это тотъ идолъ помутилъ! Съ рубцомъ-то! Что-бъ ему...

— Только грѣхъ на душу лишній...

А въ другомъ углу шолъ такой разговоръ:

— Какъ пить; ежели безперечь цѣдить,—ну обнаковенно—Богу это противно.

— Извѣстно...

— Д-да; а ежели говорю, такъ самую малость, для спорости... Съ чаво же?

— Съ чавожь не выпить?

— Ну, вотъ... А вѣдь это такъ, дуромъ: «не станемъ какъ можно!»

— Православные! вмѣшивался дьячекъ; вотъ вы теперича завсегда должны на себя казниться.

— Какъ?

— А такъ, что теперича самая ваша подлая жизнь пойдетъ...

— А кто бумагу писалъ! кто посуду бить приказалъ?

— Друзья! возговорилъ умиленно дьячекъ, могъ ли я противъ міру идти? Никакъ! Стало быть теперича, чтобы старое воротить—безпремѣнно нужно другую бумагу...

— Мы тебѣ этой бумагой глотку-то заткнемъ! злобно началъ было кто-то, но его рѣчь прервалъ почти отчаянный крикъ.

— Глянько-сь, глянькось, братцы,—водку ведрами на земь.

— Милые мои!..

Цаловальникъ въ это время выплеснулъ изъ сѣней еще бадью какой-то жидкости.

— Михалычъ, это ты водку?

— Водку, православные,—на что она теперь...

— Стой! заоралъ голосъ сзади толпы. Стой! Не трожь!. И могучія мужицкія руки, распихивая толпу въ разныя стороны, дали дорогу дюжему парню, который, не обращая ни на кого вниманія, весь воодушевленный одной мыслью, пролетѣлъ въ кабакъ и самымъ отчаяннымъ голосомъ крикнулъ цаловальнику:

— Давай!

— Чего давать?

— Вина! Жива!...

Кроткіе глаза цаловальника заискрились и засверкали злобой.

— А, любезные, сказалъ онъ, опять пришли! Нѣтъ, вы мнѣ теперь помолитесь... Теперича у меня изъ-за изъяну — втрое винцо-то ходитъ...

— Давай втрое! стуча въ столъ кулакомъ горланилъ мужикъ.

И вслѣдъ за нимъ, въ кабакъ хлынула вся толпа.

Въ тотъ же день въ селѣ происходило небывалое веселье...

Оглавленіе.

		стран.
I.	Михалъ Иванычъ	1
II.	Въ ожиданіи чугунки	29
III.	Раззоренные	53
IV.	Продолженіе скуки и скитаній. — Супруги Печкины	77
V.	Земной рай.	89
VI.	Все по старому	115
VII.	Новости.—Чугунка	145
VIII.	Лѣтній вечеръ.	165
IX.	Счастливѣйшія минуты въ жизни Михаила Иваныча и ихъ скорое окончаніе.	179
X.	Человѣкъ, на котораго нельзя положиться.—Разсказъ Черемухина . . .	191

МЕЛОЧИ.

I.	Старьевщикъ. (изъ московской жизни).	245
II.	Идиллія. (изъ чиновничьяго быта) . .	269
III.	Зарокъ не пить	281

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 075963469

ВЪ КНИЖНО

А. Ѳ. БАЗУНОВА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Гюмберъ, Эме. Живописная Японія. Ц. 4 р.
Гано. Полный курсъ физики. Изд. Павленкова. Ц. 3 р. 50 к.
Грибовскій. Записки объ императрицѣ Екатеринѣ В[illegible]. 1 р.
Данилевскій. Г. П. (А. Скавронскій). Новыя сочиненія. 2 Ц. 2 р.
Дебэ. Философія брака. Ц. 1 р.
Достоевскій, Ѳ. М. Записки изъ Мертваго Дома. 2 т. Ц. 2 р. 50 к.
» Преступленіе и наказаніе. 2 т. Ц. 3 р.
Для записки бѣлья, памятная книжка Ц. 15 к.
Дружининъ. Сочиненія. 8 т. Ц. 10 р.
Дымманъ. Наука жизни. Ц 1 р. 50 к.
Дю-Монсель. Электрическая телеграфія. 4 час. 2 т. Ц. 3 р.
Живописные очерки Константинополя. Ц. 2 р. 50 к
Знаніе. Сборникъ для юношества. Ц. 1 р.
Земля и Воля. Ц. 1 р.
Іакинфъ. Исторія о народахъ, обитавшихъ въ Средней Азіи въ древнія времена. 3 т. Ц. 5 р.
» Китай въ гражданскомъ и нравственномъ отношеніи. 4 т., съ рисунками. Ц. 4 р.
Иванъ Михайловичъ Снегиревъ. Біографическій очеркъ. Ц. 2 р.
Избранныя сцены у мировыхъ судей. Ц. 65 к.
Измайловъ. Сочиненія. 2 части. Ц. 1 р. 50 к.
Костенко, Л. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности, съ картою. Ц. 2 р. 50 к.
Коломенскій. Письмовникъ и грамматика. Ц. 1 р.
Краткія свѣдѣнія о русскихъ морскихъ сраженіяхъ. Ц. 1 р. 25 к.
Комбъ. Уходъ за дѣтьми. Ц. 1 р.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА:

ЗАГАДОЧНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ

Эпизодъ изъ исторіи комическаго времени на Руси. Соч. Н. С. Лѣскова (Стебницкаго). Съ письмомъ автора къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу. Спб. 1871 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 20 коп.

Выписывающіе на сумму не менѣе десяти рублей за пересылку не прилагаютъ.